

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Малышкин Дмитрий Владимирович

**Официально-деловой функциональный стиль и его разновидности в
современном английском языке**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Липгарт Андрей Александрович

Москва – 2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основания функциональной стилистики	13
1.1. К методологическим основаниям классификации функциональных стилей	13
1.2. Категориальный подход к классификации функциональных стилей	40
Выводы к Главе 1	53
Глава 2. Официально-деловой функциональный стиль в функционально-стилистической системе развитых литературных языков	55
2.1. Исследования официально-делового функционального стиля в отечественной лингвистической традиции	55
2.2. Исследования официально-делового функционального стиля в зарубежной лингвистической традиции	80
2.3. Категория речевого жанра и официально-деловой функциональный стиль	106
Выводы к Главе 2	116
Глава 3. Официально-деловой функциональный стиль английского языка: инвариантные и вариативные признаки	119
3.1. Общие замечания	119
3.2. Нулевой уровень: дефиниционные официально-деловые тексты	120
3.3. Первый уровень: предписывающие официально-деловые тексты ..	125
3.4. Второй уровень: описывающие официально-деловые тексты	151
3.5. Третий уровень: оценивающие официально-деловые тексты	184
Выводы к Главе 3	207
Заключение	212
Список использованной литературы	216

Введение

За время своего развития в отечественной филологической традиции функциональная стилистика претерпела радикальную трансформацию от описательного анализа языковых средств с преимущественным вниманием к их эстетической составляющей к объяснительному анализу, сочетающему качественные и количественные методы и фокусирующемуся на функциональной обусловленности языковых явлений. Данный вектор развития функциональной стилистики стал результатом дискуссии о внутренней неоднородности функциональных стилей, которая привела к формированию методологического плюрализма и при всей своей значимости все же не разрешила указанной проблемы окончательно [Липгарт, Хуринов 2019]. Применительно к официально-деловому функциональному стилю проблемы общетеоретического и практического характера оказываются особенно острыми, поскольку среди филологов нет единства даже по вопросу о правомерности выделения данного стиля как единого понятийно-языкового феномена, не подлежащего дальнейшему членению на так называемые обиходно-деловой и официально-документальный функциональные стили. Для современного английского языка разработка внутренне непротиворечивой классификации разновидностей официально-делового стиля является особенно значимой в силу международного статуса и степени интенсивности преподавания этого языка именно на уровне его официально-деловых разновидностей.

Актуальность проведённого исследования определяется наличием комплекса нерешённых методологических проблем в области функциональной стилистики, связанных с вопросами об онтологии официально-делового функционального стиля и о его внутренней понятийно-языковой неоднородности. Иными словами, актуальность определяется методологической необходимостью 1) преодоления кризиса классификационных оснований в функционально-

стилистическом описании официально-делового стиля через применение интегративного подхода, объединяющего анализ языковых средств и передаваемого ими типа понятийного содержания, и 2) определения системных понятийно-языковых характеристик официально-делового функционального стиля как неоднородной подсистемы в рамках системы национального языка, обладающей инвариантными и вариативными признаками, выявляемыми на основе единства функции, содержания и языкового выражения.

Степень разработанности темы исследования. Теоретическое осмысление понятия «функциональный стиль» выразилось в широком спектре позиций – от тезиса о существовании практически неограниченного числа функциональных стилей [Скребнев 1975, 9] и от разработки альтернативных концепций функциональных разновидностей языка [Костомаров 2005] до отрицания существования функциональных стилей в речевой практике [Milic 1967].

Предлагавшиеся решения проблемы неоднородности конкретных функциональных стилей нередко оказывались лишены необходимого категориального и металингвистического аппарата и базировались преимущественно на внешних по отношению к языковым механизмам основаниях [Кожина 1968, 160-175]. Подобные инструментально-описательные подходы не ограничивались констатацией экстралингвистических факторов и скрупулёзно фиксировали языковые свойства функциональных стилей, но при этом не доводили до логического завершения анализ имманентных лингвистических коррелятов, позволяющих проводить последовательное разграничение как между функциональными стилями, так и между их внутренними разновидностями.

Традиционная классификация разновидностей официально-делового функционального стиля строится на подстилевом принципе [Кожина 2008]. Эта классификационная модель, являясь прямой проекцией экстралингвистических проявлений данного функционального стиля, ориентирована на установление его внешних границ и носит выраженный прикладной характер. Административный подстиль часто выдвигается на первый план как наиболее распространённый в повседневной коммуникации, в то время как законодательный подстиль, ввиду его

преимущественного использования юристами, нередко предлагается выделить в самостоятельный функциональный стиль [Шепелёв 2002]. Статус дипломатического подстиля продолжает оставаться предметом дискуссий [Логинова 1968, 187]. Хотя данная классификация не исключает собственно лингвистического анализа, её дифференцирующая ценность оказывается неочевидной, поскольку подстили образуют незакрытый классификационный ряд и поскольку иерархизации языковых признаков по степени их значимости в подобных исследованиях не наблюдается.

Схожие методологические вызовы характеризуют и зарубежную парадигму изучения языков для специальных целей (LSP), где в качестве ключевых официально-деловых разновидностей выделяются юридическая речь (Legal English) и деловая речь (Business English). Их изучение также сопряжено с системными трудностями, что стимулирует непрекращающийся поиск более точных и универсальных классификационных оснований.

Юридическая речь демонстрирует высочайшую степень институциональной детерминированности значений лексических единиц. Её ключевая сложность заключается в том, что значение терминов и конструкций обусловлено правовой системой, законодательными дефинициями и прецедентной практикой, что вызывает затруднения не только у непрофессионалов, но и у специалистов [Культура русской речи 1998, 131]. Эта глубокая зависимость от конкретной системы правопорядка приводит к тому, что одни и те же термины и текстовые категории могут интерпретироваться по-разному в различных юридических системах, что создаёт существенные препятствия для их универсального истолкования. Деловая речь, напротив, представляет собой случай крайней неоднородности и гибридности уже не в связи с семантикой отдельных единиц, а на уровне общих функционально-стилистических свойств текстов. Термин «английская деловая речь» объединяет колоссальный спектр практик — от формальных контрактов и отчётов юридического характера до деловой переписки, презентаций, переговоров, маркетинговых материалов и экспрессивной журналистики, активно использующих языковые средства, в большей степени

свойственные другим функциональным стилям [Johnson 1993, 201], или полностью выходящих за пределы официально-делового функционального стиля.

В качестве фундамента большинства классификаций функциональных стилей как в отечественной, так и в зарубежной лингвистической традиции выступает категория жанра, получившая распространение в функциональной стилистике в качестве видового термина [Тырыгина 2010, 11]. Однако длительная история использования этого понятия в различных дисциплинах не привела к выработке его единого и точного определения [Kress 1993, 31]. Более того, современные исследования фиксируют существование жанров, относящихся к нескольким функциональным стилям одновременно, а также жанров, находящихся вне функционально-стилистической системы языка [Голубева 2023, 213-216], что исключает возможность рассмотрения жанра в качестве надёжного классификационного основания.

Гипотеза исследования заключается в том, что официально-деловой функциональный стиль современного английского языка подлежит подразделению на несколько взаимоисключающих и взаимодополняющих разновидностей, отличающихся друг от друга по понятийно-языковым параметрам и в своей совокупности полностью отражающих специфические характеристики официально-делового функционального стиля.

Цель настоящей работы заключается в выявлении системообразующих признаков и внутренней неоднородности официально-делового функционального стиля посредством проведения комплексного функционально-стилистического анализа официально-деловых текстов на основе категориального подхода к вопросу о функциях языка.

Для достижения поставленной цели был сформулирован ряд конкретных **задач**:

1. систематизировать основные методологические подходы к классификации функциональных стилей и к описанию их внутренней неоднородности в отечественной и зарубежной лингвистике для выработки

оптимального метода исследования официально-делового стиля современного английского языка;

2. обосновать продуктивность категориального подхода как методологической основы для выявления функционально-стилистической специфики текстов в отличие от теории жанров, демонстрирующей выделение разновидностей функционального стиля на основе набора параметров, не обладающего внутренним единством;

3. доказать наличие в официально-деловом стиле современного английского языка базовых взаимоисключающих и взаимодополняющих разновидностей через выявление объединяющих эти разновидности инвариантных характеристик и разграничивающих эти разновидности вариативных характеристик понятийно-языкового плана.

Объектом исследования является официально-деловой функциональный стиль современного английского языка в его разнообразных текстовых реализациях, обнаруживаемых в британских и американских источниках соответствующего профиля.

Предмет исследования составляют инвариантные и вариативные понятийно-языковые параметры текстов официально-делового функционального стиля современного английского языка¹, связанные с реализацией различных языковых функций и проявляющиеся в специфических способах репрезентации предметной области и принципах отбора и сочетания языковых единиц с точки зрения их семантических (включая полисемию, омонимию и синонимию), лексико-фразеологических, морфологических и синтаксических свойств.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые на материале современного английского языка последовательно применен категориальный подход для доказательства системной неоднородности официально-делового

¹ Вопрос о национальных вариантах современного английского языка в работе отдельно не рассматривается, поскольку с понятийно-языковой точки зрения в британских и американских официально-деловых текстах наблюдаются схожие принципы использования языковых единиц, реализующих функции общения, сообщения и воздействия.

функционального стиля. В результате анализа англоязычных официально-деловых текстов объемом свыше 750 000 слов обоснована четырехуровневая модель данного функционального стиля (дефиниционные², предписывающие, описывающие и оценивающие тексты), которая базируется на выявлении инвариантных и вариативных понятийно-языковых характеристик, присущих английской официально-деловой речи и ее конкретным разновидностям.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории функциональной стилистики и применении категориального подхода к анализу официально-делового функционального стиля современного английского языка. Категориальный понятийно-языковой подход к описанию официально-делового функционального стиля является значительно более продуктивным, чем жанровые или подстилевые классификации, которые в рамках данного типа исследования могут применяться для обозначения источников материала, используемого при практическом анализе официально-деловых текстов, но не как базовые категории исследования. В диссертации конкретизируется статус официально-деловых текстов в функционально-стилистической системе английского языка и углубляется понимание природы данного стиля как развивающегося и относительно нестабильного, но вместе с тем системно организованного понятийно-языкового единства.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования в курсах по стилистике английского языка, теории и практике перевода с английского языка, лингвистике текста, а также в методике преподавания английского как иностранного в аспекте “Language for Specific Purposes” (LSP). Материалы исследования могут быть применены в практике составления и редактирования официально-деловых текстов на английском языке носителями других языков.

² Первоначально в диссертации для обозначения данной разновидности был использован термин «дефинитивные тексты» (что отражено в заглавии одной из публикаций автора работы), но в окончательном варианте было отдано предпочтение термину «дефиниционные тексты», поскольку в данном конкретном случае при выборе термина было признано необходимым сместить акцент с идеи о недопустимости изменения неких формулировок официально-деловых документов на указание функциональных свойств анализируемого материала.

Материалом исследования послужил корпус текстов официально-делового функционального стиля современного английского языка общим объёмом свыше 750 000 слов (примерно 3000 страниц); в работе рассматриваются британские и американские официально-деловые тексты, созданные с период с 2008 по 2024 гг.

Методологическую основу исследования составляет категориальный подход к классификации функций языка с последующим его применением к описанию официально-делового функционального стиля современного английского языка. В работе применяется комплекс общенаучных и лингвистических **методов научного исследования**: сопоставительный анализ, концептуальный анализ, описательно-аналитический метод, метод классификации и систематизации, элементы компонентного, контекстуального и корпусного анализа.

Теоретической основой исследования послужили принципы функционально-стилистического анализа текстов, установленные и нашедшие свое практическое применение в трудах Б. Гавранека, В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой, А. А. Липгарта, А. И. Комаровой и В. В. Хуринова. Также теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных языковедов, придерживающихся системного подхода к анализу языковых средств и текстоцентричной парадигмы: О. В. Александровой, Р. А. Будагова, Т. Г. Винокур, Н. Б. Гвишиани, Т. И. Голубевой, Л. К. Граудиной, А. И. Ефимова, М. В. Колтуновой, В. Г. Костомарова, К. А. Логиновой, А. В. Михайловой, Д. А. Новикова, В. В. Одинцова, А. К. Панфилова, Л. В. Полубиченко, Ю. М. Скребнева, А. И. Смирницкого, Ю. С. Сорокина, В. А. Тарыгиной, В. Ю. Туранина, А. А. Ушакова, С. В. Фирсовой, М. С. Чаковской, А. Н. Шепелёва, Е. Н. Ширяева, Д. Н. Шмелева, Л. В. Щербы, Е. Б. Яковлевой, M. Adler, Ch. Bally, F. A. Bennion, T. Dudley-Evans, C. Johnson, M. Grygiel, M. Joos, J. Kimble, M. G. Kress, B. Mascull, L. T. Milic, C. Nickerson, M. Nelson, A. Riley, F. Talbot, P. M. Tiersma, Ch. Williams.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Функциональные стили представляют собой внутренне неоднородные подсистемы в рамках системы общенародного языка, и для описания сущностных характеристик функциональных стилей и их понятийно-языковых разновидностей следует применять методы, основанные на изучении конкретных проявлений базовых функций языка.

2. Официально-деловой функциональный стиль современного английского языка объединяет все тексты, в которых представлено обсуждение социально значимых отношений в специальном, а не в бытовом или в эмоциональном планах. В англистике в силу значительного понятийно-языкового сходства тематически отличающихся друг от друга текстов дальнейшее членение официально-делового стиля на жанры, подстили и регистры не имеет системного лингвистического основания и не позволяет выделить таксономически значимые для функциональной стилистики категории.

3. Официально-деловой функциональный стиль современного английского языка адекватно описывается на основе категориальной трихотомии функций языка (общение, сообщение, воздействие) и без учета не реализующейся в данном стиле когнитивно-эмотивной функции языка. Данная категориальная трихотомия в полной мере отражает инвариантные и вариативные понятийно-языковые свойства официально-делового функционального стиля, которые в отдельных его разновидностях представлены в разных пропорциях, что объясняет внутреннюю неоднородность этого функционального стиля.

4. В системе официально-делового стиля современного английского языка существуют четыре взаимоисключающих и взаимодополняющих разновидности:

1) дефиниционные тексты, в которых в силу специфики их синтаксической организации и общей установки на создание номинативных суждений в редуцированном виде используется инвариантная основа официально-делового функционального стиля (функция сообщения);

2) предписывающие тексты, в которых реализуется собственно инвариантная понятийно-языковая основа данного функционального стиля на уровне функции

сообщения и в которых проявления функции общения минимизированы, а элементы функции воздействия практически отсутствуют;

3) описывающие тексты, в которых наряду с сохранением инвариантной основы проявляется вариативность, обусловленная тем, что за счет тематической диверсификации расширяется репертуар средств, реализующих функцию сообщения и функцию общения; функция воздействия практически отсутствует;

4) оценивающие тексты, где при сохранении прочих характеристик описывающих текстов на регулярной основе используются элементы функции воздействия, приобретающие статус вариативных признаков.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением большого объема научно-теоретической литературы по заявленной проблематике (275 работ отечественных и зарубежных ученых), опорой на новейшие разработки в области категориального описания функционально-стилистической проблематики, использованием комплексного методологического аппарата, позволяющего провести первичный эмпирический анализ понятийно-языковых свойств более 3000 страниц (свыше 750 000 слов) официально-деловых текстов на английском языке и их дальнейшую классификацию и категоризацию.

Методологическая обоснованность и, как следствие, достоверность выводов подкрепляются последовательным применением категориального подхода, который обеспечивает единые и непротиворечивые критерии для выделения инвариантной основы стиля и описания его внутренней вариативности. Репрезентативность и объективность полученной классификации подтверждаются возможностью ее верификации на материале обширного корпуса текстов.

Личный вклад соискателя заключается в следующем:

1. в разработке и обосновании четырёхуровневой классификации разновидностей официально-делового функционального стиля современного английского языка (дефиниционных, предписывающих, описывающих, оценивающих текстов) на единых понятийно-языковых основаниях;

2. в применении категориального подхода в качестве методологического инструмента, что позволило выявить инвариантную основу данного функционального стиля и описать специфику его внутренней вариативности, продемонстрировав его системное единство;

3. в разграничении исследований официально-делового функционального стиля и его разновидностей в современном английском языке на понятийно-языковом уровне и классификаций областей языка для специальных целей (Business English, Legal English), которые объединяют тексты по тематическому принципу.

Апробация исследования. Основные положения исследования отражены в 7 научных статьях, 4 из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты работы были представлены на 3 конференциях: XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023» (апрель, 2023 г., Москва); XX Юбилейная Международная научно-практическая конференция «Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы» (ноябрь, 2025 г., Стерлитамак); LXXIV Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире» (ноябрь, 2025 г., Москва).

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из Введения, трёх Глав, делящихся на отдельные параграфы, Заключения и Списка используемой литературы, насчитывающего 306 наименований, включая материал исследования, корпусные и лексикографические источники.

Глава 1. Теоретические основания функциональной стилистики

1.1. К методологическим основаниям классификации функциональных стилей

В силу своей масштабности и практической значимости функционально-стилистические исследования занимают важное место в современной лингвистике. Функциональная стилистика позволяет объединять разнообразные речевые произведения на основе их содержательных и формально-языковых характеристик. Приступая к изучению проблем функциональной стилистики, необходимо учитывать, что методологический плюрализм, присущий современному гуманитарному знанию в целом, в данной области выражен особенно ярко. Множественность подходов к определению предмета исследования и номенклатуре функциональных стилей обусловлена здесь не только общим состоянием науки, но и действительной сложностью самой природы функционирования языка. Классик отечественной филологии О. С. Ахманова писала: «начинающему филологу почти невозможно самостоятельно разобраться, хотя бы в самых общих чертах, во всех ... многочисленных и разнообразных подходах к проблеме функционирования языка и вообще существования языка...» [Ахманова 1966, 3].

Количество функциональных стилей ввиду их крайней неоднородности, как известно, определяется различными лингвистическими школами и исследователями по-разному – от выделения трёх [Михайлов 1968, 213; Сиротинина 2013, 104] до семи функциональных стилей [Мурат 1967, 20; Ефимов 1971, 16]. Их реальное наличие в речи порой вообще отрицается [Сорокин 1954; Milic 1967; Костомаров 2005]. При этом существует мнение, что вопрос о количестве и номенклатуре функциональных стилей носит конвенциональный характер [Скребнев 1975, 9]. На практике же он отражает значительные расхождения в методологических позициях разных учёных. Данная проблема остаётся актуальной по сей день, для её решения применяются современные

методы анализа, в частности, компонентно-квантитативный [Моисеева, Ремизова 2015] и компьютерное моделирование [Volkova 2023].

Изучение функциональных стилей предполагает не только раскрытие объективных закономерностей функционирования языка, но и интерпретацию результатов исследований с последующим их воплощением в рамках прикладных дисциплин – таких, как практическая стилистика, культура речи и обучение иностранным языкам. Без прочных методологических оснований подобная работа была бы невозможна, равно как и проведение дальнейших исследований, результаты которых в противном случае могли бы оказаться сомнительными.

История функциональной стилистики представляет собой непрерывный поиск единых основ и дифференциальных признаков таксономических категорий, служащих фундаментом для последующих исследований. Учёные неизменно стремились выявить необходимые критерии как в области языка, так и в области речи.

Вследствие перехода исследований от структурной научной парадигмы к функциональной перед учёными встала сложная задача детального изучения употребления языковых единиц в многочисленных разновидностях речи. Это, в свою очередь, обусловило возникновение ряда сложных для осмысления вопросов: «Содержатся ли в самой системе языка, «заложены» ли или, вернее, откладываются ли в ней самые способы, конструктивные принципы объединения и организации языкового материала, характерные для того или иного типа или разновидности речи» [Виноградов 1955, 67].

Ответы на эти вопросы разрабатывались в двух направлениях: с одной стороны, через исследование принципов отбора языковых единиц, неодинакового для разных условий общения [Адмони, Сильман 1954; Пиотровский 1960], с другой – посредством утверждения взаимообусловленности языковых единиц в конкретных функциональных стилях и системного характера их употребления [Halperin 1977].

В то же время исследователи, изучавшие функциональные стили с точки зрения речи, хотя и не отрицали существование взаимообусловленности и

необходимости отбора языковых единиц в соответствующих функциональных стилях, отмечали ограниченность внутрисистемных языковых связей и их несостоятельность для оформления такого сложного явления, как функциональный стиль, и искали его основания в экстралингвистической реальности [Ильинская 1954; Кожина 1968].

Несмотря на кажущиеся значительными разногласия в разграничении «стилей языка» и «стилей речи», неоднократно обсуждавшиеся в лингвистической литературе, эту проблему можно назвать преимущественно терминологической. Это подтверждается тем, что ряд исследователей используют эти термины недифференцированно [Адмони, Сильман 1954; Степанов 1975], а другие усматривают в них синонимию [Гальперин 1954, 76; Фёдоров 1954, 67]. Кроме того, существует точка зрения, согласно которой функциональные стили не принадлежат ни к области языка, ни к области речи [Вейхман 1958, 98; Винокур 1968, 5-6].

Вместе с тем, современная лингвистическая парадигма демонстрирует явный сдвиг в сторону трактовки функциональных стилей как явления, относящегося преимущественно к речи. Это находит отражение в терминологическом выборе: понятие «стили языка» постепенно выходит из активного употребления, уступая место термину «стили речи», что свидетельствует об утверждении данной исследовательской традиции, восходящей к идеям выдающихся учёных, стоявших у истоков учения о функциональных стилях, – В. В. Виноградова и М. Н. Кожинной, заложивших основы понимания стиля как речевого явления. Данная тенденция наглядно прослеживается в самих названиях таких современных работ, как, например, «Принцип выделения стилей речи, их классификация и субклассификации» [Власенко 2013], «Стили речи» [Глазкова 2016] и даже «Функциональные стили речи» [Прядильникова 2018]. Утверждать, что существуют две независимые друг от друга дисциплины, каждая из которых обладает своим предметом исследования, можно лишь при абстрагировании от реального контекста существования языкового коллектива, и случаи, когда предпринимались попытки выделить функциональные стили исключительно на

основании внутрисистемных языковых связей [Будагов 2003] или с учётом лишь экстралингвистических факторов [Кожина 1968; Степанов 1975], крайне редки.

Для постановки и успешного решения вопроса об онтологии функциональных стилей чрезвычайно важно понимание диалектического единства языка и речи. «Язык оказывается тесно соединённым с речью не только потому, что он существует в ней и пронизывает её насквозь, но и потому, что он, так сказать, питается ею, пополняется и развивается за счет создаваемых в ней произведений – от отдельных слов и их форм до целых предложений», – писал А. И. Смирницкий [Смирницкий 1954, 22].

Языковые единицы, возникая в речи, формируют свои уникальные значения и особенности употребления, которые со временем закрепляются в языковой системе. Затем, будучи использованы в контекстах, отличных от предыдущих, языковые единицы могут расширять или сужать свои потенциальные свойства. Аналогичная динамика прослеживается и в развитии функциональных стилей. Определённые совокупности взаимозависимых языковых единиц, выполняющие соответствующую функцию, закрепляются за этой функцией и откладываются в языке как её характерные признаки. Этот процесс возможен лишь при условии, что данные совокупности языковых средств принимаются и используются всем языковым коллективом на определённом историческом этапе.

Безусловно признавая коллективную природу функциональных стилей [Гальперин 1954, 78; Мурат 1957, 14; Wójcicka 2017], важно рассматривать её не только в оппозиции к индивидуальным особенностям речи, но и в более широком контексте. Это положение, согласно М. Н. Кожиной [Кожина 1968, 28-32], предполагает понимание стилей как явления функционирования языка, не сводимого к сумме индивидуальных речевых актов. В развитие этой мысли подчеркнём, что функциональные стили, будучи общественным достоянием, подобно самому национальному языку, представляют собой систему «коллективных привычек» [Винокур 1959, 222; Crystal, Davy 2016, 5]. Именно поэтому функционально-стилистический подход применим ко всем фактам языка

– любое произведение, созданное на основе общенародного языка, объективно относится к одному из функциональных стилей.

Изучение индивидуальных проявлений языка в речи традиционно связывается с анализом художественных текстов и осмыслением речи как акта творчества. В рамках данного подхода количество стилей соотносят с количеством индивидуумов, поскольку стиль рассматривается как уникальное проявление творческой личности. Такой взгляд на стилистику был характерен для западноевропейской, в частности немецкой, филологической традиции [Walzel 1926; Фосслер 1928] до активного развития парадигмы языков для специальных целей (LSP), жанроведения и дискурс-анализа.

К. Фосслер, один из наиболее влиятельных представителей данного направления, связывал природу стиля с творческой индивидуальностью. По его мысли, человек, «возвышающийся над средним уровнем», наделён особым чутьём: он чувствует «нечто сравнительное в языке», то есть способен оценивать выразительные средства и отбирать их сообразно своим «психическим устремлениям» [Фосслер 1928, 170]. Из этого следует, что стиль понимается прежде всего как проявление индивидуальности автора. Однако, будучи реализованным в речи, такой индивидуальный стиль не остаётся замкнутым в себе, а вносит вклад в общенациональную языковую картину, выступая, по выражению самого К. Фосслера, организующим элементом национального языка.

Исследования, ориентированные на изучение индивидуальных стилей, получили наибольшее развитие в конце XIX – начале XX вв., когда изыскания в области стилистики осуществлялись преимущественно на материале художественных текстов. Исключение, пожалуй, составляют работы отечественных учёных, которые, наряду с изучением художественных текстов, активно обсуждали функционирование языка с точки зрения его назначения в обществе.

Л. В. Щерба в значительной мере определил вектор развития функциональной стилистики, описав русский литературный язык «в виде концентрических кругов – основного и целого ряда дополнительных, каждый из

которых должен заключать в себе обозначение (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также для обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок» [Щерба 1939, 25].

Значительное влияние на последующее развитие функциональной стилистики оказали идеи Л. В. Щербы о проявлении функциональных стилей через жанры, формы и виды речи, отражённые в классической для отечественной лингвистики концепции «стилей речи» В. В. Виноградова [Виноградов 1963, 14], который внёс не менее ценный вклад в развитие функциональной стилистики.

Помимо важнейших положений, выдвинутых им в трудах второй половины XX в., в 1946 г. В. В. Виноградов сформулировал первое определение функционального стиля как «семантически замкнутой, экспрессивно ограниченной и целесообразно организованной системы средств выражения, соответствующей тому или иному жанру литературы или письменности, в той или иной сфере общественной деятельности, той или иной социальной ситуации, тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества» [Виноградов 1946, 225].

Чешские лингвисты, в частности члены Пражского лингвистического кружка, одними из первых системно изложили свои взгляды на функционирование языка. Являясь последователями младограмматизма, они объединили понятие функции, введённое И. А. Бодуэном де Куртенэ, с понятием системы Ф. де Соссюра [Кондрашов 1967, 15]. На этой основе авторы впервые выдвинули идеи об экстралингвистических факторах, употреблении лексических и грамматических средств в функциональных стилях, а их работы, отличающиеся терминологической точностью, послужили основой для развития отечественной и мировой функциональной стилистики.

Среди западноевропейских исследований первой половины XX в. заметно выделяется труд Ш. Балли «Французская стилистика» [Bally 1909], который, по мнению А. Н. Васильевой, положил начало функционально-стилистическим исследованиям [Васильева 1981, 44]. Несмотря на то что учёный придавал

первостепенное значение экспрессивным качествам языка, он осознавал их общественную, а не исключительно индивидуальную природу; при этом в его работе намечается подход к рассмотрению и других функций, в частности, информативной [Bally 1909, 238].

Таким образом, несмотря на осязаемое влияние индивидуалистско-эстетической традиции, изучение проблем функционирования языка не замыкалось в её рамках, что находит отражение в позиции ряда учёных, предлагающих исключить художественно-беллетристический функциональный стиль из классификации функциональных стилей. Они аргументируют это тем, что нейтральные языковые единицы и единицы, присущие разным функциональным стилям, подчиняются в художественном произведении общему замыслу автора, выполняя эстетическую функцию, не укладывающуюся в рамки коммуникативной [Шмелёв 1964, 41-43; Ullmann 1964, 111-117]. Это объясняет утверждения некоторых исследователей о том, что художественно-беллетристический функциональный стиль, в отличие от других функциональных стилей, лишён всякой замкнутости, и все отклонения от нормы в нём мотивированы и оправданы [Мурат 1957, 15-17].

В рамках данного подхода художественно-беллетристический функциональный стиль воспринимается как нечто весьма дробное и одновременно чрезвычайно глобальное и неправомерно противопоставляется прочим функциональным стилям. Эта проблема получает содержательное осмысление в работе Л. А. Гусевой, где посредством терминологического анализа разграничиваются понятия «художественный стиль» и «язык художественной литературы» и доказываемая правомерность включения художественно-беллетристического функционального стиля в общепринятую классификацию функциональных стилей [Гусева 2015].

По нашему глубокому убеждению, художественно-беллетристический функциональный стиль отвечает всем признакам функциональных стилей. Во-первых, художественные тексты создаются на общенародном языке. Во-вторых, художественно-беллетристический функциональный стиль выполняет

соответствующую функцию (функцию воздействия), и ему, как и любому другому функциональному стилю, свойственны особые принципы отбора и сочетания языковых средств. Исходя из этого, мы поддерживаем идею, предложенную ещё В. В. Виноградовым [Виноградов 1963, 80], о необходимости рассматривать художественные тексты в качестве предмета исследования как лингвистики, так и литературоведения и выделить особую ветвь стилистики, в рамках которой изучаются эстетические свойства текстов.

Художественно-беллетристический функциональный стиль, не будучи прямым объектом данного диссертационного исследования, тем не менее служит наглядным примером, обнажающим ключевые методологические проблемы функциональной стилистики. Анализ подходов к его изучению позволяет выявить две фундаментальные трудности. Во-первых, вновь подтверждает сложность выработки универсальных критериев для дифференциации функциональных стилей. Во-вторых, традиционное обособление словесно-художественного творчества в рамках функционально-стилистических исследований представляется закономерным, поскольку именно художественно-беллетристический функциональный стиль служит ориентиром для исследователей. Выступая как нечто особенное, художественно-беллетристический функциональный стиль является отражением литературного языка. Он инициирует изменения в стилистической системе языка и обогащает её новыми стилистическими единицами [Виноградов 1946, 225; Пиотровский 1954, 66; Pannengpetch 2024].

Функциональная стилистика как отдельное направление лингвистической науки возникла из анализа художественной речи, вследствие чего она изначально не обладала собственным развитым понятийным аппаратом. Это существенно осложняло процесс его формирования и адаптации. «В лингвостилистике, – пишет О. С. Ахманова, – не выработан ещё метаязык... Несоответствие между старыми названиями категорий и их новым содержанием часто стало приводить к научным недоразумениям» [Ахманова 1966, 80]. Это относится как к самому понятию «стиль», так и к понятию «стилистическая окрашенность», которые нередко отождествляются друг с другом.

Вследствие таких неясностей возникло множество споров: о разделении экспрессивной окрашенности и стилистической окрашенности [Винокур 1968], а соответственно о разграничении стилистической и экспрессивно-смысловой синонимии [Виноградов 1955, 63]; о выделении экспрессивных стилей как самостоятельных подсистем внутри системы общенародного языка [Михайлов 1968, 213], определяемых на основании таких экспрессивных свойств, как торжественность, фамильярность, архаичность, шутливость, книжность и т. д. [Щерба 1957, 120-121; Гвоздев 1965, 46-54]. Кроме стилистической и экспрессивной окрашенности, выделяются также дополнительные смысловые оттенки, соответствующие узким тематическим кругам и ситуациям, смысловые ассоциации и оценочно-выразительный характер языковых элементов [Пиотровский 1960, 22-23].

Экспрессивная окрашенность получает в лингвистике неоднозначную трактовку. Традиционно она рассматривается в двух ключевых аспектах: как компонент лексико-грамматического значения языковой единицы [Гельгардт 1968, 64] и как свойство, присущее языковой системе в целом. Вместе с тем существует и альтернативный подход, где экспрессивность трактуется как сугубо речевое явление, отражающее индивидуальное отношение говорящего к предмету общения, и даже предлагается в качестве одного из критериев для дифференциации функциональных стилей [Гальперин 1954, 80-81]. Эта точка зрения предполагает, что «интерпретация экспрессивности выводится из системно-семантического русла в функциональную сферу» [Лукьянова 2009, 212], то есть акцент смещается с анализа имманентных свойств единицы на изучение её речевой реализации и прагматического эффекта.

Экспрессивная окрашенность часто противопоставляется стилистической, которая трактуется как сопутствующий признак, сопровождающий основное содержание языковой единицы. По меткому замечанию А. В. Алексеева, «если слово тяготеет к высокому стилю, но при этом не уходит из активного запаса, это означает, что номинативная часть его семантики дополняется признаками, последовательно выражаемыми в высоком стиле...» [Алексеев 2017, 64]. Таким

образом, стилистические характеристики интегрируются в семантическую структуру знака, становясь её неотъемлемым компонентом, а не просто внешним признаком.

Несмотря на тесную взаимосвязь, экспрессивная и стилистическая окрашенность не тождественны [Шмелёв 2008, 253], а в ряде случаев исключают друг друга [Русский язык и советское общество 1968, 133-135]. Альтернативу этому противопоставлению составляет синтетический подход, в рамках которого стилистическая окрашенность интерпретируется как результат интеграции эмоционально-экспрессивных и функционально-стилистических компонентов [Несова 2014].

Варианты экспрессивной окрашенности не образуют систем [Виноградов 1955, 67] и, следовательно, не формируют функциональных стилей. Стилистическая окрашенность, напротив, обусловлена преимущественным употреблением стилистически-окрашенных языковых фактов в определённых разновидностях речи [Левин 1954, 78-79; Виноградов 1955, 70]. В русле этого подхода интерес представляет позиция представителей чешской лингвистической школы, которые, не отрицая самого факта объединения стилистически однородных элементов, указывают на то, что они образуют не столько систему в строгом смысле слова, сколько слои языка — совокупности однородных элементов [Doležel 1954], что, однако, не равнозначно системной организации функциональных стилей.

Стилистическая окрашенность является фундаментальным элементом изучения функциональных стилей, что особенно значимо для собственно языкового подхода. Как отмечает В. П. Мурат, «в разных языках, отдельные единицы языка продолжают сохранять стилистическую окраску, присущую им как единицам языка, а не возникающую каждый раз в речи ... окраска здесь определяется местом слова в стилистической системе языка, присущим и слову, и закрепившимися за ним в ходе истории особенностями значения и употребления» [Мурат 1957, 10].

Проблема стилистической ограниченности языковых средств неразрывно связана с синонимией – второй по значимости категорией стилистики после стиля [Пиотровский 1960, 4], – которая находит своё наиболее отчётливое выражение в оппозиции «разговорный-нейтральный-книжный». Данная стилистическая ось служит не только показательным и оправданным основанием для первичного деления функциональных стилей [Панфилов 1968, 14], но и предполагает ту общую основу, которая позволяет выстраивать их дальнейшую классификацию и дифференциацию.

Преимущество данной классификации состоит в выявлении лексических единиц с нулевой стилистической окрашенностью (стилистически нейтральные лексические единицы): «...здесь в центре внимания остается проблема отыскания для каждого синонимического ряда того идентифицирующего термина, того общего знаменателя, который не является ни пейоративным, ни эвфемистическим, ни книжным, ни фамильярным и который поэтому может быть употреблён вместо любого другого члена синонимического ряда, который в отличие от стилистически положительно окрашенных членов того же ряда входит в основной словарный фонд» [Ахманова 1958, 36]. При этом сама возможность существования стилистически маркированных единиц обусловлена наличием нейтрального пласта лексики [Черемисин 1979, 10], который, по замечанию О. Н. Емельяновой, обеспечивает системное единство языка [Емельянова 2014, 352].

Наличие стилистически нейтральных единиц служит основанием для постановки вопроса о так называемом «нейтральном стиле», который, по мнению некоторых исследователей, реализуется преимущественно в ситуациях бытового общения. Между тем, существование этого стиля признают не все исследователи [Hausenblas 1955, 1-8; Кожина 1968, 123], а сама идея об использовании языковых единиц для передачи некоего неопределенного содержания представляется весьма спорной. Более того, даже комбинация нейтральных единиц не порождает абсолютно нейтрального стиля, поскольку бытовая речь оказывается всё же окрашенной [Винокур 1959, 221]. В этой связи Т. Б. Трошева утверждает, что нейтральный стиль «не является функциональным стилем» [Трошева 2006, 249].

Таким образом, к нейтральным лексическим единицам принято относить те единицы, которые на регулярной основе используются в равной степени во всех функциональных стилях.

На практике провести чёткую границу между стилями оказывается сложно, что наглядно демонстрируют трудности в определении книжной стилистической окраски слов, связанные с реальным функционированием лексики. Например, слово “articulate” в Oxford Learner’s Dictionary имеет помету “formal” для двух своих значений: “to express or explain your thought or feelings clearly in words”; “to be related to something so that together the two parts form a whole” [Oxford Learner’s Dictionary]. Оба эти значения являются коллигационно-обусловленными: первое значение выражается только с прямым дополнением, а второе – только с предложным дополнением. У этого слова также имеется нейтральное значение: “to speak, pronounce or play something in a clear way” [Oxford Learner’s Dictionary], соотносящееся со значением нейтрального однокоренного (омографического) прилагательного.

Согласно данным British National Corpus, несмотря на преобладающее использование слова “articulate” в научных текстах (относящихся к книжному стилю), оно регулярно встречается в более нейтральных и разговорных контекстах [BNC]. Это указывает на невозможность однозначного отнесения данного слова к какому-либо одному стилистическому слою.

Аналогичные проблемы категоризации характерны и для разговорного (обиходно-бытового) стиля, который, реализуясь преимущественно в устной форме, демонстрирует значительные отклонения от литературной нормы и сильную зависимость от условий коммуникации. В качестве разновидностей разговорного стиля часто выделяют просторечие [Мурат 1957, 21] и различные диалектные образования [Пиотровский 1960, 20]. Подобная неоднородность разговорного стиля порождает дискуссии относительно целесообразности его выделения в качестве функционального стиля [Сиротина 2016, 37-43].

Названные примеры выявляют методологическую недостаточность классификации функциональных стилей на основе стилистической окрашенности.

Во-первых, стилистическая окрашенность не имеет формально-языковой репрезентации и чётких лингвистических критериев. Наличие у слов стилистической окрашенности обусловлено лишь «генетической» связью использования книжных слов с письменной формой речи, а разговорных – с устной. Таким образом, языковое чутье носителей языка выступает основным критерием определения стилистической окрашенности, чего недостаточно для научного описания рассматриваемых явлений. Во-вторых, сосредоточенность на стилистической окрашенности препятствует анализу особенностей употребления и контекстуальных связей слов в конкретных функциональных стилях. При анализе синонимии исследователи упускают иные лексические отношения, такие как полисемия и омонимия, которые также следует учитывать при изучении функционирования языковых единиц.

Ситуация осложняется тенденцией к смешению стилистической и экспрессивной окрашенности [Шмелёв 2008, 253], а также тем, что для значительного пласта лексики модель «книжный-нейтральный-разговорный» оказывается нерелевантной [Филин 1979]. Это создает существенные препятствия для определения стилистической окрашенности лексики в контексте классификации функциональных стилей.

Наиболее репрезентативным основанием для выделения стилистической окрашенности лексики конкретных функциональных стилей представляется терминологическая лексика научных текстов. Однако известно, что многие термины формируются на базе слов общего языка и характеризуются двойной детерминацией [Гвишиани 1986, 17]. Особенно наглядно это проявляется в терминологии социально-гуманитарных наук [Анисимова 2008, 3] и, соответственно, в официально-деловом функциональном стиле, где обсуждаются общественные, экономические и политические вопросы.

Похожая ситуация наблюдается и при анализе общенаучной лексики, которая нередко сближается с нейтральным речупотреблением и для выражения своих специальных значений требует специфической лексико-фразеологической и морфосинтаксической сочетаемости [Akhmanova, Idzelis 1978].

Ещё более сложной представляется задача выделения «своей» лексики для функциональных стилей, отличающихся повышенным количеством экспрессивно окрашенных лексических единиц. Например, Г. Я. Солганик продемонстрировал сложность выделения «газетизмов» для газетно-публицистического функционального стиля [Солганик 1976]. Представляется, что этот статус может быть присвоен всем тем случаям, когда реализуется четвертая, когнитивно-эмотивная функция языка [Липгарт 2025]. Аналогичным образом, может показаться, что художественно-беллетристический функциональный стиль, в свою очередь, вообще не имеет характерной лексики, поскольку не существует лексикографических помет «литературно-художественный» [Мурат 1957, 22], но это впечатление в корне неверно: как минимум поэтизмы и архаизмы практически однозначно ассоциируются с определенными жанрами художественной литературы.

Если на лексическом уровне стилистическая окрашенность проявляется наиболее отчётливо, то на синтаксическом и морфологическом уровнях её идентификация сопряжена с ещё более значительными трудностями. Это объясняется как меньшей степенью выраженности стилистической окрашенности, так и большим разнообразием её видов. Ряд исследователей и вовсе полагают, что целенаправленный отбор языковых элементов на грамматическом уровне невозможен [Адмони и Сильман 1954; Filipez 1955, 48].

На фонетическом уровне ситуация приобретает особую специфику. Фонемы, обладая диакритическим характером и выполняя смыслоразличительную функцию, лишены собственного содержания. Поэтому фонетический уровень, как правило, не участвует непосредственно в формировании функционального стиля, хотя регулярный ритм, рифма, аллитерация и ассонанс, как правило, соотносятся с художественно-беллетристическим функциональным стилем. Выявляемые различными исследователями «стили произношения» относятся к иному порядку явлений – они слабо коррелируют с функциональными стилями и не совпадают с ними количественно [Панов 1963; Joos 1967; Аванесов 1984, 31-36; Щерба 2004].

Несмотря на многообразие стилистического расслоения языковых единиц разных уровней, важно понимать разную степень их стилеобразующего потенциала. Об этом рассуждает М. Бранник: «Синтаксическая модель, которая входит в набор дифференциальных элементов определённого стиля, не всегда будет конститутивной, если она не манифестируется в том предметном, материальном аспекте, который обычно связывается с данным стилем. А это достигается прежде всего при помощи соответствующей лексики... Ведь теоретически возможен, например, речевой массив, состоящий из коммуникативных единиц, которые по своему самому общему функциональному качеству полностью отвечают набору дифференциальных компонентов, допустим, научного стиля, но лексическое и фразеологическое наполнение этих структур будет иным» [Бранник 1969, 108].

Хотя М. Бранник делает акцент на тематической направленности лексики, в его рассуждениях содержится важное положение, касающееся передачи лексическими единицами определённого содержания. Эта мысль также была отмечена другими учёными [Wimsatt 1967; Фёдоров 1971, 71; Одинцов 1980, 50], еще раньше на это указывали К. Райзиг [Reisig 1839] и Л. А. Булаховский [Булаховский 1957], связывая проблемы стилистики с семасиологией.

При этом нельзя игнорировать значимость других языковых единиц в оформлении функциональных стилей. Функциональные стили представляют собой подсистему внутри системы общенародного языка и основываются на языковой норме, охватывая все уровни языковой системы, элементы которых согласованы с лексикой и передаваемым ею содержанием. Не случайно некоторые исследователи указывают, например, на зависимость сверхсегментных параметров речи от лексики [Crystal, Davy 2016].

Во многих эмпирически ориентированных исследованиях наблюдается смещение акцента с системности функциональных стилей на их идиосинкратические проявления, вследствие чего синтаксические конструкции, морфологические формы и сверхсегментные параметры речи изучаются изолированно, что снижает убедительность таких исследований. Подобное

положение дел характерно для подходов, основанных на частотности воспроизведения языковых единиц в текстах [Зильберт 1969; Crystal, Davy 2016], для статистических [Кожина 1972; Головин 1971] и для получивших вслед за ними развитие корпусных исследований [Толстова 2018; Николаева, Труфанова 2019]. Впрочем, потенциал современных текстовых корпусов выходит далеко за рамки простого статистического описания. Их разветвлённый функционал позволяет решать комплексные лингвистические задачи, включая анализ лексико-фразеологической сочетаемости, выявление закономерностей грамматического оформления высказывания, исследование речевых функций в разных коммуникативных сферах.

Названные подходы позволяют фиксировать количественные характеристики отдельных элементов синтаксического и морфологического уровней, выступающих в роли индикаторов функционально-стилистических особенностей текстов. Тем не менее, по своему статусу они являются вспомогательными дифференциальными признаками, находящимися на периферии функциональных стилей, а сложность лексического уровня языка вызывает трудности в применении этих методов не только на семантическом, но и на метасемиотическом уровне.

Таким образом, анализ содержательного аспекта функциональных стилей закономерно подводит к проблеме их формального воплощения. Если лексический уровень играет определяющую роль в передаче содержания, то целостное описание стиля требует учёта всей совокупности его формальных характеристик. Это приводит нас к необходимости рассмотрения категории стилевой специфики (стилевых черт), понимаемой как «характеристики, которым должна соответствовать система языковых средств, для того чтобы обеспечить оптимальное взаимодействие в данной сфере коммуникации» [Воронцова 2008, 43].

Исследование стилевой специфики традиционно связано со стремлением к максимально полному охвату языковых особенностей функциональных стилей на разных уровнях системы. Однако этот методологический акцент привел к

определённому дисбалансу, выразившемуся в недостаточном внимании к содержательным характеристикам текстов. На практике это проявилось в том, что продуктивная на начальных этапах разработка категорий точности и образности в их стилевом противопоставлении не получила должного развития, оказавшись редуцированной до терминологических дискуссий о принципиальной возможности появления образности в научных текстах и точности – в художественных.

Несмотря на общепризнанный статус самостоятельной стилистической категории [Кожина 2006; Смолина 2014], понятие стилевой специфики нередко определяется интуитивно и фиксирует скорее эпизодические элементы, нежели инвариантные и вариативные признаки функциональных стилей. В современных исследованиях, где акцент смещается на определение стилевой специфики отдельных жанров с целью установления их функционально-стилистической принадлежности [Шадеко, Семенова 2017], возникает комплекс методологических вопросов, связанных с корреляцией отдельных черт с конкретными лингвостилистическими особенностями и выстраиванием иерархии основных и второстепенных стилевых характеристик.

В противовес указанным методологическим сложностям, современные исследования стилевых черт демонстрируют значительный прогресс. Показательным примером является предложение В. А. Марковой [Маркова 2018] ввести в классический перечень стилевых черт официально-делового функционального стиля новую характеристику – информационную ёмкость. Это методологическое решение позволяет преодолеть существующие дискуссии о составе базовых черт данного стиля через определение информационной ёмкости как способности текстового фрагмента выразить максимальный объем необходимой информации при минимальном использовании языковых средств.

Среди многочисленных исследований специфики функциональных стилей особого внимания заслуживает концепция Б. Гавранека, основанная на рассмотрении языковых единиц в диалектическом единстве формы и содержания и последовательно разграничивающая три ключевых явления: автоматизацию, интеллектуализацию и актуализацию [Гавранек 1967]. Интеллектуализация,

составляющая основу научного стиля, представляет собой устремлённость к передаче сложных понятий и обеспечивается точностью, глубиной и определённой высказывания; автоматизация характеризуется использованием языковых средств, не привлекающих внимания к самой форме выражения; под актуализацией, напротив, понимается такое использование языковых средств, которое привлекает внимание к самой форме выражения путём сознательного или неосознанного усложнения языковой структуры высказывания.

Несмотря на фрагментарность материала, анализируемого Б. Гавранком, и акцент на синонимических возможностях языкового употребления при недостаточном рассмотрении контекстуальных связей слов, что привело ученого к некоторым спорным выводам, он всё же подчеркнул важность особенностей употребления языковых единиц.

Специфика функциональных стилей, понимаемая как установка на определенную манеру изложения, определяющая отбор и комбинацию языковых средств, формируется под воздействием экстралингвистических факторов, которые, модифицируя формальные связи языковых элементов, образуют связи функциональные [Смолина 2014, 142].

Несмотря на то что вопрос о роли экстралингвистических факторов на протяжении всей истории развития функциональной стилистики остаётся предметом активной дискуссии и даже вызывает у некоторых исследователей опасения относительно чрезмерного внимания к данной проблематике [Лаптева 1984, 54; Солганик 1995, 271], именно их рассмотрение, как считают исследователи, позволяет выявить системообразующие основы функционально-стилистической дифференциации языка.

Уже на ранних этапах становления функциональной стилистики исследователи осознавали важность экстралингвистических факторов, но они, как правило, указывались априорно, как некая данность, обуславливающая функциональную природу стилей, без их полноценного теоретического осмысления. Эта тенденция нашла отражение, в частности, в описаниях функционального разнообразия языка у Р. Г. Пиотровского, утверждавшего, что

«различия в исторических условиях, сферах, формах и задачах общения, вызывающие к жизни существование ответвлений, разновидностей и форм функционирования языка, определяют выбор тех или иных элементов из разных синонимических рядов» [Пиотровский 1954, 60-61], и в трудах развивавшего сходные идеи Р. А. Будагова: «...они и отличны друг от друга, так как язык, будучи органически связанным со всеми видами деятельности человека, сам зависит от этих последних...» [Будагов 1954, 58].

Среди ранних работ, в которых обсуждаются вопросы экстралингвистических факторов, уместно упомянуть работы Л. Лабова и исследовавшего социальные аспекты языка Д. Хаймза рамках социалингвистического подхода, особенно там, где выделяются такие экстралингвистические факторы, как возраст, семейное положение, уровень годового дохода и другие переменные [Hymes 1961; Labov 2006]. Названные исследователи убедительно показали, что данные факторы оказывают непосредственное влияние на языковую вариативность, вплоть до её проявлений на фонетическом уровне.

Отечественные лингвисты предлагают, как правило, более развернутые списки экстралингвистических факторов, определяющих функционально-стилистическую вариативность языка. Согласно В. П. Мурат, организация речевого общения в конкретной сфере обуславливается такими постоянными и закреплёнными за каждым стилем параметрами, как цели и задачи общения, его содержание, условия и форма, количество участников и другие сопутствующие обстоятельства [Мурат 1957, 18-20]. В. Д. Бондалетов, в свою очередь, к наиболее значимым факторам относит содержание речи, её форму и назначение, характеристики участников коммуникации, их взаимоотношения, ситуацию общения, выделяя в качестве определяющего критерия предмет речи [Бондалетов 1982, 178]. Ещё более детализированную систему предлагает А. Н. Васильева, включая в неё ведущие коммуникативные задачи, статус адресата, типы контактности, степень подготовленности речи, формы организации общения и характер коммуникативной атмосферы [Васильева 1981, 289].

Хотя каждый из перечисленных параметров в той или иной степени влияет на языковое воплощение высказывания, это не означает, что отдельный экстралингвистический фактор порождает самостоятельный функциональный стиль. Основная методологическая проблема заключается в том, что в большинстве исследований не проводится достаточно чёткой градуализации и иерархизации этих факторов, а также не устанавливается мера их влияния на формирование стилей и их языковое выражение.

Одну из попыток градуирования экстралингвистических факторов и установления соответствия между ними и использованием языковых средств или их совокупностей в текстах разных функциональных стилей предприняли В. Г. Адмони и Т. И. Сильман [Адмони, Сильман 1954]. Авторы градируют экстралингвистические факторы функциональных стилей по степени их общности и устойчивости: от наиболее объективных — форма и сфера коммуникации (устная / письменная речь, научная / бытовая сферы), определяющих базовый отбор лексико-грамматических средств, через социально-ситуативный контекст, задающий тональность общения, к субъективно-индивидуальным установкам говорящего (эмоциональная, оценочная и экспрессивная), которые, переплетаясь с первыми, обуславливают вариативность и синтез разнородных элементов в рамках открытой и гибкой стилевой системы. В своей основе такое градуирование содержит несколько более раннюю идею о разделении экстралингвистических факторов на объективные и субъективные, которую впервые, вероятно, предложил Ф. Травничек. Исследователь связывает субъективные факторы с индивидуальными особенностями речеупотребления, а объективные — с социальными детерминантами, которые обладают стилеобразующей силой [Travnicek 1953, 30-35].

Развивая этот подход, М. Н. Кожина не только детализировала обе группы, предложив обширный перечень соответствующих параметров [Кожина 1968, 149-151], но и указала на методологическую ценность различения индивидуального и общественного. Вместе с тем, как отмечает сама исследовательница, эта дихотомия не даёт исчерпывающего ответа на вопрос о том, являются ли обусловленные

экстралингвистическими факторами языковые особенности функциональных стилей инвариантными [Кожина 1969, 155], оставляя открытой проблему природы и устойчивости выявляемых стилевых характеристик.

Особое значение в контексте противопоставления общественного и индивидуального в языке и речи приобретает такой экстралингвистический фактор, как «цель общения» [Mathesius 1966; Halperin 1977]. При этом сам термин нередко используется без должного толкования, что нивелирует его системообразующую силу. Так, вследствие присущей функциональной стилистике терминологической неопределенности, этот термин иногда интерпретируется как личностные мотивы или намерения говорящего. В этом контексте методологически более релевантным оказывается объективное понятие «функция языка», которое и выступает неотъемлемым критерием для определения функционально-стилистического статуса речевого произведения.

Фундамент теории функций языка был заложен К. Бюлером, который, анализируя речевой акт, выделил три его ключевых компоненты – говорящего, слушающего и сообщение – и сопоставил им три функции: экспрессивную, апеллятивную и репрезентативную [Bühler 1965]. Р. О. Якобсон, существенно обогатив эту модель, ввёл такие элементы, как канал, код и контекст, что позволило ему постулировать дополнительные функции – фатическую, метаязыковую и поэтическую [Jacobson 1960].

Важность выделения экспрессивной, поэтической и метаязыковой функций для мировой лингвистики состоит в том, что оно позволило перейти от упрощённых моделей коммуникации к многомерному анализу речевого взаимодействия. Экспрессивная функция сместила фокус на говорящего, поэтическая – открыла путь к систематическому изучению художественной речи, а метаязыковая – предоставила аппарат для рефлексии над самим языком, что критически важно для логики, лингвистики, а в последствии и для искусственного интеллекта.

Дальнейшее развитие теории привело к существенному усложнению и детализации классификаций. Так, Л. Хеберт, развивая идеи Р. О. Якобсона, показал,

что функции языка в коммуникативном акте не статичны, а динамичны; они образуют иерархию, где одна функция может доминировать, а другая редуцироваться, в зависимости от намерения адресанта. Было введено различие между «реальными» и «тематизированными» функциями [Hébert 2019]. А. К. Киклевич, в свою очередь, предложил развёрнутую двенадцатикомпонентную модель, основанную на шести параметрах языковой деятельности и дихотомии «экспликативный – процедурный» аспекты, включая, среди прочих, номинативную, магическую, социативную и креативную функции [Киклевич 2009].

Особый вклад в теорию функций языка внёс В. В. Виноградов, предложивший различать в русском литературном языке не только «стили речи», но и «стили языка», рассматривая их через призму родо-видовых отношений [Виноградов 1963, 8]. Согласно его концепции, «стилям языка» соответствуют три основные функции языка:

1. функция общения, реализующаяся в сфере повседневного общения людей (обиходно-бытовой и обиходно-деловой функциональные стили);
2. функция сообщения, присутствующая в информирующих текстах (научный и официально-деловой функциональные стили);
3. функция воздействия, являющаяся основной для текстов, обращенных к чувствам человека (художественно-беллетристический и газетно-публицистический функциональные стили).

Данный подход позволяет системно осмыслить взаимодействие функций языка с функциональными стилями, создавая базу для анализа их конкретных речевых проявлений.

Другим наиболее часто упоминаемым объективным экстралингвистическим фактором является «сфера общения» или «сфера человеческой деятельности» [Виноградов 1953; Travnicek 1953]. Этот термин не получил детального объяснения и развёрнутого толкования, что, аналогично понятию «цель общения», способствует неоднозначным интерпретациям и допускает множественность трактовок.

Даже при условии терминологической ясности концепция «сферы общения» остаётся спорной с методологической точки зрения, поскольку закрепляет функциональные стили за конкретными внеязыковыми ситуациями. Например, М. П. Брандес утверждает, что «любое словесное произведение в свою очередь может функционировать только в той сфере, в которой оно сформировалось» [Брандес 2004, 141]. В этой связи закономерным вопросом задался В. В. Хуринов, обсуждая «газетный функциональный стиль»: «имеется ли в виду любой текст, попавший в газету, или будет ли все же официальный отчет о визите некоего политического деятеля скорее текстом официального стиля, напечатанным в газете, но не являющимся примером «языка газет»?» [Хуринов 2009, 40].

В стремлении разрешить проблему «сфер общения» М. Н. Кожина предложила концепцию, основанную на формах общественного сознания, которые соответствуют сферам общения [Кожина 1968, 160-175]. Согласно её подходу, типы мышления соотносятся с функциональными стилями следующим образом:

1. формы политической идеологии – публицистический функциональный стиль;
2. правовое сознание – официально-деловой функциональный стиль – преобладание воли;
3. наука – научный функциональный стиль (хотя философия и выделяется в качестве особой формы общественного сознания, но она определяется как «наука о всеобщих закономерностях...»);
4. искусство – художественный функциональный стиль;
5. религия – религиозный функциональный стиль.

Функциональный стиль бытового общения характеризуется «нулём признаков» [Кожина 1968, 176].

Концепция М. Н. Кожиной выглядит убедительно и аргументированно, поскольку не ограничивает функциональные стили строго определёнными ситуациями общения, предотвращая избыточное дробление функциональных стилей и искажение понимания их онтологии. Однако данная теория не лишена

недостатков и, помимо внутренних противоречий, обнаруживает целый ряд проблем в языковом плане.

В соответствии с различными типами общественного сознания выделяются специфические черты функциональных стилей. Так, научный тип сознания, связанный с научным функциональным стилем, отличается высоким уровнем абстракции, тогда как правовой тип сознания, соответствующий официально-деловому функциональному стилю, отражает императивность. Также остаётся нерешённым вопрос о том, каким образом эти специфические черты функциональных стилей соотносятся с принципами отбора и взаимообусловленности языковых единиц.

На примере текстов официально-делового стиля в их наиболее «чистом» виде очевидно наличие императивности. Такие тексты содержат призывы к действию, что на языковом уровне может выражаться в использовании большого количества глаголов в форме повелительного наклонения. Вместе с тем в других текстах, например, в отчётах и докладах, «волевые» признаки если и обнаруживаются, то лишь имплицитно. Аналогичная ситуация наблюдается и в научном стиле, где наряду с гипотезами и теориями, отличающимися высоким уровнем абстракции, присутствуют и другие тексты, например, описания экспериментов.

Вышеизложенное объясняется недостаточным вниманием исследователей к проблеме неоднородности функциональных стилей. Несмотря на активное обсуждение этой проблемы в середине XX в., поднятой Ю. С. Сорокиным в журнале «Вопросы языкознания», она не получила должного развития в последующие десятилетия [Сорокин 1954]. Эта неоднородность так и осталась периферийной проблемой в стилистических исследованиях, что впоследствии обусловило поиск альтернативных путей описания системы стилей, например, в рамках концепции конструктивно-стилевых векторов В. Г. Костомарова [Костомаров 2005] или речеведческого подхода, предполагающего междисциплинарное изучение стилей как форм деятельности, связанных с мышлением, коммуникацией и культурой, то есть выходящей за рамки чистой лингвистики и активно взаимодействующей с другими гуманитарными науками

[Салимовский 2010]. С этим подходом тесно связан переход от традиционного учения о функциональных стилях к современной дискурсивной и прагматически ориентированной стилистике [Любимова 2008].

Игнорирование неоднородности функциональных стилей, вероятно, связано со стремлением исследователей подчеркнуть их уникальность. В большинстве исследований основное внимание уделяется обоснованию автономии конкретного функционального стиля и его сопоставлению с другими, наиболее контрастирующими с ним по функционально-стилистическим параметрам. Анализ функциональных стилей нередко сводится к указанию на наличие определённых языковых единиц в одном функциональном стиле и их отсутствие в другом, без подробного описания их функционирования в пределах данного функционального стиля.

Первичные критерии разграничения стилей, будучи необходимым инструментом категоризации, оказываются недостаточными для анализа их внутренней стратификации. Сложность этой задачи констатируется в научной литературе: «субклассификация функциональных стилей выглядит в научной литературе менее чётко, чем деление на стили» [Власенко 2013, 29]. Столкнувшись с проблемой неоднородности, исследователи выработали три основных классификационных подхода.

Первый подход к классификации частных разновидностей функциональных стилей основывается на так называемых подстилях, обнаруживаемых в научном (собственно-научные, научно-информационные, научно-технические, научно-популярные), официально-деловом (законодательные, административные, дипломатические, юридические) и публицистическом функциональных стилях (политико-идеологические, агитационно-пропагандистские). Однако художественно-беллетристический и разговорный функциональные стили оказываются слишком разнородными ввиду индивидуального характера творческого процесса в художественно-беллетристическом функциональном стиле и существенных отклонений от литературной нормы в разговорном функциональном стиле.

Второй подход основан на тематическом принципе, который наиболее чётко проявляется в научном (биологические, юридические, филологические и т.д. в зависимости от областей знания) и официально-деловом (военные документы, юридические документы, дипломатические документы, деловые документы) функциональных стилях. Публицистический функциональный стиль в этом плане оказывается значительно менее однородным, хотя и в его рамках возможно выделить некие тематические круги.

Третий подход основывается на жанровой неоднородности функциональных стилей. Причём собственно жанровый подход в исследованиях встречается достаточно редко. Как правило, деление на жанры является естественным продолжением двух предыдущих подходов. Жанры иногда рассматриваются как стилеобразующие экстралингвистические факторы [Ицкович 2021].

Большинство классификаций в рамках данных трёх подходов, как правило, не учитывают либо рассматривают в меньшей степени собственно лингвистические параметры текстов и нередко бывают не до конца последовательны [Halperin 1977; Кожина 2008].

Указанные критерии, будучи обусловлены преимущественно экстралингвистическими параметрами или, в лучшем случае, структурными характеристиками текстов, оказываются недостаточно надёжными для дальнейшей дифференциации функциональных стилей. При этом даже тематические характеристики текстов, непосредственно связанные с их содержанием, не обладают достаточной дифференциальной силой, что наглядно подтверждается существенными различиями между, например, словарными статьями в терминологическом словаре по фонетике и научными статьями, посвященными обсуждению фонетических вопросов.

Размытость критериев усугубляется социальной природой функциональных стилей и меняющимися потребностями общества [Панов 1962, 9], из-за чего большинство критериев внутренней дифференциации функциональных стилей оказываются слишком подвижными. Постоянные изменения социальных запросов влекут за собой появление новых жанров, подстилей и тематических

разновидностей текстов. В таком случае функциональные стили становятся практически недоступными для систематизации, особенно если в ряду частных разновидностей функциональных стилей выделять их индивидуальные варианты [Кожина 1968, 201], когда конечной единицей классификации может оказаться один текст.

Эти сложности касаются почти всех предложенных факторов, используемых для описания функциональных стилей. Количество сфер общения постоянно увеличивается, меняются и цели, смешиваются формы и виды речи – так, что установить чёткое соответствие между ними и функциональными стилями не представляется возможным.

Та же проблема возникает и в отношении стилистической окрашенности, поскольку «стилистические нормы языка изменяются неизмеримо быстрее, чем звуковая система языка, его словарный состав и тем более грамматический строй» [Пиотровский 1954, 55].

В этом отношении справедлив тезис об историческом характере функциональных стилей, с которым согласны большинство исследователей: «В основе лингвистического исследования должна лежать историческая реальность общения. Она не может строиться ни на вневременных логических и психологических категория объективного идеализма, ни на статическом и ахроническом подразумеваемом, так как развитие мышления идёт вместе с развитием языка» [Ахманова 1958, 31]. Но историзм не синонимичен быстроте реакций на социокультурные изменения, поскольку такая быстрота может приводить ко многим спорным решениям, например, к выделению стиля интернет-общения [Антонов 2005], который по своим функционально-стилистическим признакам является примером обиходно-бытового функционального стиля.

Таким образом, функциональная стилистика, несмотря на длительную историю развития, остаётся динамичной и дискуссионной областью лингвистики. Постоянный поиск критериев для выделения и дифференциации стилей, осмысление диалектического единства языковой системы и речевой деятельности, а также учёт экстралингвистических факторов открывают перспективы для

дальнейших исследований. Преодоление существующих методологических трудностей и интеграция современных подходов позволят углубить понимание природы функциональных стилей как сложных, исторически изменчивых, но системно организованных явлений.

1.2. Категориальный подход к классификации функциональных стилей

Первую классификацию функциональных стилей, основанную на функциях языка, предложил В. В. Виноградов. В своём труде «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» он сформулировал идею о существовании в современном русском литературном языке «стилей языка», соответствующих трём основным функциям языка: функции сообщения, функции общения и функции воздействия. «Стили языка» понимаются как «соотносительные частные системы форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как системы систем» [Виноградов 1963, 6].

Несмотря на частое упоминание данной классификации в различных исследованиях, её дальнейшее развитие как в теоретическом, так и в эмпирическом плане оказалось проблематичным. Более того, на поздних этапах своего существования классификация была подвергнута критике. Основной вопрос, поднимаемый критиками, касался критериев разграничения функциональных стилей, выполняющих одну и ту же функцию [Бондалетов 1982, 23; Кожина 2008, 122-133].

Эта проблема, несомненно, свидетельствует о том, что предложенная В. В. Виноградовым концепция обладала определённой теоретической уязвимостью. Вместе с тем необходимо учитывать, что автор не претендовал на универсальность и завершённость своей концепции. Напротив, он подчёркивал сложность самого предмета исследования и указывал на многозначность понятия «функция». В. В. Виноградов утверждал, что «стили языка» обуславливают существование

«стилей речи», являющихся разновидностью первых и выступающих актуальным предметом исследования стилистики [Виноградов 1963, 14].

Концепция В. В. Виноградова была уточнена и оптимизирована в работах А. А. Липгарта [Липгарт 1992; Липгарт 1994; Липгарт 1994а; Липгарт 1996; Липгарт 2003], выдвинувшего идею о категориальном характере трихотомии функций языка, – в своей кандидатской диссертации «Лингвопоэтическое сопоставление текстов художественной литературы на английском языке», взяв за основу классификацию В. В. Виноградова, он исследовал художественные тексты с целью определить языковые элементы, поддающиеся анализу с точки зрения их лингвопоэтической значимости [Липгарт 1993], и пришёл к выводу, что таковыми являются лишь те единицы, которые выполняют функцию воздействия. На основании данного наблюдения А. А. Липгарт приходит к выводу, что художественные тексты, как и любые произведения, создаваемые на естественных языках, передают некое понятийное содержание, связанное с одной из трёх основных функций языка и обладающее категориальным характером.

Категориальность трихотомии функций языка заключается в том, что они являются взаимоисключающими и взаимодополняющими и в сочетании образуют категорию формально-содержательной или понятийно-языковой направленности текста, когда «проявления формальных языковых свойств изучаются на фоне их содержательных характеристик» [Липгарт 1996, 39-40].

Тот факт, что каждое речевое произведение создаётся на национальном языке и наделяется некоторыми стилистическими особенностями, свидетельствует о том, что функционально-стилистический подход охватывает все случаи употребления языка. Всякий текст, независимо от его принадлежности к тем или иным жанру, форме и виду речи, оказывается связанным с прочими речевыми произведениями благодаря общему свойству – передаче некоего понятийного содержания, которое осуществляется преимущественно за счёт лексических средств языка. На других уровнях языковой организации «варьирование всё же менее очевидно» [Липгарт 2003].

Одной из центральных проблем, связанных с лексикой, является проблема значения. Значение, понимаемое как предметно-вещественное свойство лексики, становится фактом языка лишь в момент установления устойчивой связи с соответствующей формой. Хотя эта связь по природе условна, именно данная условность обуславливает её тесный и неразрывный характер [Смирницкий 1998, 145]. Употребление лексических единиц в речи придаёт соотношению формы и содержания динамический характер, что находит яркое выражение в явлении полисемии, характерной для большинства слов английского языка. В речевой практике полисемия реализуется через модификацию плана содержания при сохранении плана выражения – явление, регулярно наблюдаемое в пределах одного текста или даже высказывания. Несмотря на это, слово сохраняет статус глобальной единицы, все значения которой взаимосвязаны и, сохраняя общие черты, обеспечивают его целостность. Совокупность этих значений образует семантическую структуру – иерархическую систему, где старые и новые значения находятся в диалектической взаимосвязи, с номинативным значением в центре и номинативно-производными значениями на периферии.

Таким образом, полисемия существует исключительно в акте употребления. Хотя значения слов фиксируются в языковой системе, в речи они неотделимы от контекста [Quirk, Stein 1990, 136]. Смежной проблемой является разграничение полисемии и омонимии, когда одной форме соответствует несколько разных значений. Вопрос о критериях такого разграничения, типах омонимических единиц и способах их формирования остаётся предметом активной дискуссии в лингвистической литературе.

Следующим важным видом семантических отношений выступает синонимия, которая, однако, не образует полноценной языковой категории, поскольку в естественных языках полная семантическая эквивалентность слов является исключением в силу того, что абсолютные синонимы в реальном функционировании языка практически не встречаются [Гвишиани 2000, 159-160]. Явление синонимии тесно связано с понятием тематических групп – совокупностей

слов, описывающих определённые аспекты внеязыковой реальности [Гвишиани 2000, 162].

Признавая слово основной единицей языка, следует избегать грубого упрощения, заключающегося в сосредоточении исключительно на лексике при анализе семантических отношений. Различия между семантическими вариантами слов в значительном числе случаев проявляются на уровне морфосинтаксического построения высказываний или различий в сочетаемости, что относится к сфере малого синтаксиса. Как указывал В. В. Виноградов в работе «Основные типы лексических значений слова», именно на этом уровне проявляются фразеологически связанные и синтаксически ограниченные значения [Виноградов 1977]. Выражение этих значений обусловлено как особенностями морфосинтаксической сочетаемости (коллигация), так и лексико-фразеологической сочетаемостью (коллокация), что доказывает необходимость учёта не только лексических единиц, но и иных языковых средств для передачи конкретного значения. В случаях, когда конкретное значение слова выражается одновременно через морфосинтаксическую и лексико-фразеологическую сочетаемость, возникает словосочетание, в котором наблюдается единство коллокации и коллигации.

Словосочетание, находясь в одной грамматико-семантической плоскости со словом, представляет собой номинативную единицу языка, способную выполнять различные синтаксические функции в составе членов предложения [Тер-Минасова 2019, 3]. Теоретическое осмысление словосочетания базируется на нескольких ключевых положениях. В их числе – типология синтаксических связей, предложенная А. И. Смирницким (предикативная, атрибутивная, комплетивная и копулятивная) [Смирницкий 1957, 140-161], а также разработанная В. В. Виноградовым классификация фразеологических единиц (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания) [Виноградов 1977, 140-161], впоследствии углублённая в исследованиях по идиоматической и неидиоматической фразеологии [Чиненова 1986]. На этой теоретической основе учёными кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ

был разработан категориальный подход к анализу словосочетаний, предполагающий учёт таких аспектов их употребления, как коннотативность, клишированность, идиоматичность, социолингвистическая и концептуальная обусловленность [Gvishiani 2010; Тер-Минасова 2019]. Одной из центральных задач в рамках этой теории является разграничение свободных и фразеологически связанных словосочетаний.

Применяя указанные параметры, А. С. Микоян и С. Г. Тер-Минасова провели функционально-стилистический анализ различных типов словосочетаний [Микоян, Тер-Минасова 1981, 51-66]. Исследователи установили, что в текстах с доминирующей функцией воздействия преобладают свободные словосочетания, наделённые метасемиотическими свойствами, тогда как для текстов, реализующих функцию сообщения, характерно обилие полилексемных терминов и клишированных словосочетаний, которые необходимо отличать от нестойких сложных слов – лексико-грамматических структур, образованных по модели «основа существительного (или герундий) + существительное» [Сухомлинова 1983; Яковлева 1986]. Эмпирические данные того же исследования показывают, что нестойкие сложные слова и атрибутивные словосочетания в текстах, реализующих функцию сообщения, употребляются в равных пропорциях, в то время как в текстах функции воздействия этот показатель варьируется от 10% на 90% до 25% на 75% [Микоян, Тер-Минасова 1981, 86-96]. Особый интерес представляют случаи функционально-стилистической переориентации словосочетаний, существование которых доказывает необходимость учёта общей понятийной ориентации речевого произведения. Изолированное словосочетание, потенциально сохраняющее базовое значение, не может служить однозначным маркером функционально-стилистической принадлежности текста.

Учитывая всё вышеизложенное, функции языка, связанные с передачей языковыми единицами некоего типа понятийного содержания, могут быть определены как система характеристик контекстуальной и стилистически обусловленной сочетаемости лексических единиц. Для этого в английском языке сформировались особые функциональные разновидности, характеризующиеся

наличием специфических лексико-фразеологических и морфосинтаксических средств. Поскольку все тексты принадлежат к определённому функциональному стилю, а последние, в свою очередь, представляют собой системную реализацию функционально и контекстуально обусловленных языковых средств, именно функции языка составляют основу классификации функциональных стилей. При этом функциональные стили, выполняющие одну и ту же функцию, различаются на языковом уровне, демонстрируя системные различия в используемых языковых элементах и их сочетаемости.

Согласно концепции А. А. Липгарта, функция общения «реализуется для передачи неспециального и неэмоционального содержания словами «основного словарного фонда», проявляющими свои синонимические, полисемантические и омонимические языковые свойства и употребляющимися в составе устойчивых морфосинтаксических и лексико-фразеологических моделей; специальные, формальные и экспрессивные слова и обороты речи онтологически с функцией общения не соотносятся и могут её выполнять лишь в нейтральных контекстах» [Липгарт, Хуринов 2019, 17]. Понимаемая как языковая норма, функция общения присутствует во всех без исключения произведениях речи и формирует основу каждого функционального стиля. При этом, несмотря на различные пропорции элементов трёх функций во всех текстах, элементы функции общения сохраняют свой статус только при условии сохранения базовых свойств – то есть не подвергаются функционально-стилистической переориентации, а их морфосинтаксическая и лексико-фразеологическая сочетаемость остаётся стандартной.

Наиболее естественное воплощение функция общения находит в обиходно-бытовом функциональном стиле, для которого характерно явление, обозначенное Б. Гавранеком термином «автоматизация», когда форма не привлекает специального внимания, являясь «привычным». В этом функциональном стиле языковая норма не уточняется, не происходит усложнения структуры высказывания, типично проявление полисемии, синонимии и омонимии, а словосочетания характеризуются высоким уровнем идиоматичности. Элементы

функции сообщения здесь могут трансформироваться в слова общего языка или подвергаться десемантизации, тогда как элементы функции воздействия способны частично утрачивать свои экспрессивные свойства.

Функция сообщения, в свою очередь, «реализуется для передачи специального и неэмоционального содержания с помощью специальных и формальных слов и оборотов речи, а также претерпевающих «терминологизацию» и «специализацию» слов «основного словарного фонда» с ограничением их синонимических, полисемантических и омонимических языковых свойств и правил сочетаемости в составе устойчивых морфосинтаксических и лексико-фразеологических моделей» [Липгарт, Хуринов 2019, 17]. Эта функция реализуется в текстах, требующих точности и однозначности интерпретации, что наиболее актуально для научного и официально-делового функционального стилей. В силу необходимости точности выражения мысли и однозначности интерпретации высказывания полисемантические, синонимические и омонимические отношения в этих функциональных стилях строго ограничены. Для научных и официально-деловых текстов характерны клишированные словосочетания и полилексемные термины, обеспечивающие точность изложения. В данных функциональных стилях элементы функции общения могут претерпевать процесс интеллектуализации с уточнением бытовых понятий, а элементы функции воздействия – деметасемиотизации.

Функция воздействия «реализуется при передаче неспециального и эмоционального содержания, с помощью экспрессивных слов и оборотов речи, а также адгерентно коннотативных эмоционально-окрашенных единиц, характеризующихся расширением свойственных словам «общего словарного фонда» синонимических, полисемантических и омонимических языковых свойств и правил сочетаемости в составе устойчивых морфосинтаксических и лексико-фразеологических моделей» [Липгарт, Хуринов 2019, 17-18]. Данная функция возникает при усложнении языковой структуры высказывания, когда форма становится объектом внимания сама по себе, и наиболее характерна для художественно-беллетристического и газетно-публицистического

функциональных стилей. Употребление элементов функции общения в этих функциональных стилях может приводить к актуализации их семантических и метасемиотических свойств, следствием чего является явление полифонии - одновременной реализации нескольких значений многозначного слова [Назарова 2003, 49]. Актуализация потенциальных свойств делает языковые элементы в художественных текстах лингвопоэтически значимыми, наделяя их эстетическими функциями – гномической и ассоциативной [Липгарт 2016, 21-26]. На уровне словосочетаний наблюдается появление свободных метасемиотически окрашенных сочетаний, связанных с речетворчеством. Элементы же функции сообщения в художественных и газетно-публицистических текстах могут утрачивать специальные свойства, становясь словами общего языка, а иногда, вовлекаясь в функционально-стилистическую ориентацию текстов, приобретают усложнённую морфосинтаксическую и лексико-фразеологическую сочетаемость [Чаковская 1986].

В отличие от стилистически окрашенных элементов, «языковые явления, относимые к одной из трёх функций, не используются для реализации других функций...» [Хуринов 2009, 56]. Тем не менее, в соответствии с правилами научного обобщения, правомерно выделение ещё одного типа содержания – специального и эмоционального. В языковом плане этот тип представлен ограниченным набором единиц и ассоциируется, как правило, с употреблением политических терминов в газетно-публицистических текстах [Липгарт 2003, 135]. На речевом уровне подобные единицы частотны в газетно-публицистических текстах, и выполняемая ими двойная функция может быть названа когнитивно-эмотивной [Липгарт 2025].

Определение типов содержания представляет собой методологически более сложную задачу, нежели классификация языковых единиц, поскольку такой анализ предполагает выход за рамки собственно лингвистического подхода и требует лингвофилософской рефлексии. Как отмечалось ранее, отсутствие в стилистике строго формализованных методов анализа обуславливает дискуссионный характер вопроса о выражении языковыми единицами конкретного понятийного

содержания. Тем не менее, представляется возможным утверждать, что наряду с фиксированными словарными значениями именно контекстуальные связи слов позволяют с достаточной степенью точности определить характер употребления языковых единиц и на этой основе идентифицировать функционально-стилистическую принадлежность текстов.

Согласно данному подходу, функциональный стиль понимается как «исторически сложившаяся, осознанная обществом подсистема внутри системы общенародного языка, которая передаёт некий тип содержания (выделяемый на основе противопоставлений «специальное / неспециальное», «эмоциональное / неэмоциональное» с дальнейшими модификациями на понятийном уровне), характеризуется набором средств выражения (морфем, слов, типов предложений и типов произношения) и отличается по этим параметрам от аналогичных подсистем в рамках системы национального языка» [Липгарт, Хуринов 2019, 8].

Дифференциация функциональных стилей, реализующих сходные функции языка, осуществляется не только на основании понятийно-языковых параметров — то есть систематически используемых языковых элементов и моделей их сочетаемости, — но и через концептуальное разграничение, обусловленное непосредственно целью. Так, научный функциональный стиль призван описывать объективную действительность, а официально-деловой — регулировать социальные отношения. Что касается функциональных стилей, реализующих функцию воздействия, то газетно-публицистический функциональный стиль призван отразить факты достоверно, а художественно-беллетристический ориентирован на конструирование условной реальности, используя вымысел как инструмент эстетического и экспрессивного влияния.

Данное разграничение относится к онтологическому уровню коммуникативной деятельности, то есть не является чисто экстралингвистическим, но при этом не сводится и к имманентно-языковому. Это уровень организации, стоящий выше собственно языковых средств, но предшествующий конкретным речевым реализациям. Он представляет собой предзаданную схему, которая

определяет отбор и организацию понятийно-языковых ресурсов до начала речевого акта.

Необходимость такого разграничения обусловлена недопустимостью категориального упрощения. Опора исключительно на дихотомии «специальное / неспециальное» и «эмоциональное / неэмоциональное» приводит к недифференцированному объединению научного и официально-делового стилей в единый «функциональный стиль сообщения», а газетно-публицистического и художественно-беллетристического — в «функциональный стиль воздействия». Подобное объединение противоречит как лингвистической интуиции, так и эмпирическим данным.

Следует подчеркнуть, что в чистом виде реализуется лишь функция общения. Чистая реализация функции сообщения возможна исключительно в текстах с сугубо семиотической основой [Akhmanova, Idzelis 1979], тогда как чистая реализация функции воздействия закономерно приводит к автоматизации необычного речеупотребления [Липгарт 1994, 18]. Этим объясняются принципиальная неоднородность функциональных стилей и различная степень выраженности в них функционально-стилистических признаков.

Детальное исследование проблемы неоднородности функциональных стилей было предпринято А. И. Комаровой в докторской диссертации, где на материале англоязычных биологических научных текстов применён комплексный подход к анализу обширного языкового материала [Комарова 1996]. Суть этого подхода заключается в последовательном применении ключевых принципов филологической топологии – сначала выявляется инвариантная основа, то есть набор обязательных понятийно-языковых параметров, которые, подобно топологическому ядру, сохраняются и объединяют все тексты данного функционального стиля, обеспечивая его тождество самому себе. Затем следует описание внутренней вариативности через распределение текстов по уровням в зависимости от пропорций и способа интеграции элементов иных функций языка, что отражает спектр допустимых «деформаций» инвариантной структуры без её разрушения [Ахманова, Полубиченко 1979; Полубиченко 2018]. Кроме того,

встречаются эпизодические языковые элементы, связанные с периферийными свойствами функциональных стилей, появление которых в текстах может быть обусловлено различными экстралингвистическими факторами: видом речи, формой общения, индивидуальными установками говорящего/пишущего и т.д.

На основании комплексного анализа А. И. Комарова пришла к выводу о существовании в рамках научного функционального стиля текстов четырех уровней (терминологию впоследствии уточнили А. А. Липгарт и В. В. Хуринов [Липгарт, Хуринов 2019, 26]).

Тексты нулевого уровня (или дефиниционные научные тексты) содержат наиболее чистое проявление функции сообщения и служащие инвариантной основой, объединяющей все тексты научного функционального стиля. Для них характерны: номинативный характер суждений; специфическое использование полилексемных терминов с глобальностью номинации; углубление родовидовых отношений; ограниченность синонимии и морфосинтаксических связей на уровне глаголов.

Первый уровень, или энциклопедические научные тексты, отличается от нулевого расширением понятийной сферы в сторону описания научного процесса с увеличением числа слов, называющих «общенаучные» понятия; снижением установки на глобальную номинативность высказывания, что проявляется, например, в увеличении количества личных форм глаголов по сравнению с дефиниционными текстами.

Второй уровень, или стилистически нейтральные научные тексты, характеризуется значительным количеством клишированных словосочетаний; появлением сложных словосочетаний с существительными, синонимии и усложнением глагольной идиоматики.

Третий уровень, или стилистически маркированные научные тексты, демонстрирует вариативность через расширение понятийного поля путем раскрытия побочных тем с использованием большого количества слов, не связанных с основной понятийной сферой текста; в этих текстах также отмечаются

появление полисемии среди существительных и углубление квалификативных отношений.

При выделении внутрителивых разновидностей важное значение имеет понимание их общей понятийной ориентации. Так, в стилистически нейтральных научных текстах элементы, онтологически связанные с функцией воздействия, претерпевают деметасемиотизацию и трансформируются в элементы функции общения. В стилистически маркированных научных текстах, напротив, функционально-стилистической переориентации элементов функции воздействия не происходит, что объясняется соответствующим контекстом, зависящим преимущественно от количества элементов функции общения. Если в стилистически нейтральных научных текстах этих элементов недостаточно для актуализации потенциальных свойств эпизодически возникающих элементов функции воздействия, то стилистически маркированные тексты, будучи насыщенными элементами функции общения, не ограничивают сочетаемости элементов функции воздействия, способствуя актуализации их семантического и метасемиотического потенциала. Таким образом, в стилистически маркированных научных текстах происходит изменение пропорций элементов разных функций, выражающееся в ослаблении функциональной доминанты сообщения и усилении роли функции общения, что ставит перед функциональной стилистикой задачу выявления различий как качественного, так и количественного характера.

Особую значимость это положение приобретает при анализе текстов пограничного характера и языковых переходных явлений. А. И. Комарова указывает на тексты, условно объединяемые под названием «научно-популярный стиль», куда недифференцированно включаются как научные тексты с гипертрофированной экспрессивностью, так и газетно-публицистические тексты с регулярно встречающейся специальной лексикой. Это порождает дилемму: либо признать существование пограничного стиля между научными и газетно-публицистическими текстами, либо ужесточить критерии разграничения. Доказать существование «научно-популярного стиля» с предположительно равной

пропорцией элементов функций сообщения и воздействия представляется маловозможным.

Развивая идеи А. И. Комаровой о переходных явлениях, В. В. Хуринов в кандидатской диссертации «Функционально-стилистическая дифференциация англоязычных научных и газетно-публицистических текстов (на материале английского языка)» [Хуринов 2009], используя аналогичную методологию, предложил четырехчленную классификацию публицистических текстов:

1. нулевой уровень, или директивные газетно-публицистические тексты;
2. первый уровень, или констатирующие газетно-публицистические тексты;
3. второй уровень, или описательные газетно-публицистические тексты;
4. третий уровень, или аналитические газетно-публицистические тексты.

В. В. Хуринов разрешил проблему пограничного стиля, используя дихотомию «специальное-эмоциональное» для разграничения тех разновидностей научного и публицистического стилей, которые могут казаться функционально и содержательно сходными. Это разграничение осуществляется с учетом количественных различий и производных от них качественных характеристик текстов. Если стилистически маркированные научные тексты содержат больше элементов функции сообщения, формирующих ограниченное число тематических групп с выраженной понятийной обусловленностью, то аналитические газетно-публицистические тексты характеризуются преобладанием элементов функции воздействия, а элементы функции сообщения в них даже при активном употреблении либо включаются в изолированные тематические группы, либо приобретают адгерентную коннотативность благодаря соседству с элементами функции воздействия.

Категориальный подход к раскрытию сущностных свойств трихотомии функций языка (общение, сообщение, воздействие) способствует эффективному решению проблемы оснований выделения функциональных стилей, обладает внутренней непротиворечивостью и представляется методологически наиболее продуктивным. Анализ языковых параметров в единстве с содержательными

характеристиками если и не предлагает окончательного решения теоретических проблем функциональной стилистики, то позволяет вплотную приблизиться к их разрешению.

Выводы к Главе 1

1. Проведённый анализ эволюции функциональная стилистики выявил её устойчивый методологический плюрализм, что выражается в отсутствии консенсуса относительно количества, номенклатуры и, что наиболее важно, онтологических оснований для выделения функциональных стилей.

2. Традиционные подходы к классификации, основанные на стилистической окраске языковых единиц или экстралингвистических факторах, являются методологически уязвимыми. Они не позволяют адекватно описать системные языковые механизмы, лежащие в основе функциональных стилей, и объективно зафиксировать их внутреннюю неоднородность.

3. В качестве методологической основы, позволяющей преодолеть указанные противоречия, в работе избирается категориальный подход, разработанный А. А. Липгартом на основе идей В. В. Виноградова, Б. Гавранека и О. С. Ахмановой.

4. Сущность категориального подхода заключается в том, что первичным основанием для выделения функционального стиля является тип передаваемого понятийного содержания, детерминированного одной из трёх базовых функций языка: функция сообщения (специальное и неэмоциональное содержание), функция воздействия (неспециальное и эмоциональное содержание) и функция общения (неспециальное и неэмоциональное содержание).

5. Этот подход позволяет преодолеть разрыв между формой и содержанием, так как каждому типу содержания соответствует строго определенный набор языковых средств, характеризующихся специфической лексико-фразеологической и морфосинтаксической сочетаемостью.

6. Функциональные стили представляют собой принципиально неоднородные, но при этом системно организованные подсистемы общенародного языка. Их внутренняя вариативность не является хаотичной, а имеет структурированный характер, что делает возможным её объективное лингвистическое описание.

7. Апробированная в работах А. И. Комаровой и В. В. Хуринова методология является практической реализацией категориального подхода. Она позволяет выявить инвариантную основу функционального стиля (обязательный набор понятийно-языковых параметров) и описать его вариативность через распределение текстов по уровням. Это распределение осуществляется на основе анализа пропорций и способов интеграции в тексты элементов иных функций языка, что замещает интуитивное выделение «подстилей» точным инструментарием.

Глава 2. Официально-деловой функциональный стиль в функционально-стилистической системе развитых литературных языков

2.1. Исследования официально-делового функционального стиля в отечественной лингвистической традиции

Исследование официально-делового функционального стиля имеет богатую историческую традицию, развивающуюся от анализа отдельных историко-юридических памятников и критики традиционных форм официально-деловой письменной речи к целостному теоретическому осмыслению языковой специфики данного функционального стиля. Несмотря на относительную новизну этого подхода, на сегодняшний день существует впечатляющий объём теоретических и эмпирических изысканий, посвященных данному вопросу.

Стремление исследователя сформировать исчерпывающее представление об актуальных научных тенденциях в области изучения официально-делового функционального стиля неизбежно предполагает анализ обширного массива специализированной литературы. Эффективная работа с этим массивом требует чётко выстроенных методологических ориентиров, поскольку без таковых обзор научных источников рискует существенно отклониться от первоначальных целей исследования.

В настоящей главе не ставится цель перечисления и детального анализа всех работ, посвящённых изучению официально-деловых текстов. Обзор литературы осуществлён в русле задач настоящего диссертационного исследования и ориентирован на труды, содержащие ключевые положения, релевантные предмету исследования. Особое внимание уделено работам, в которых освещены следующие аспекты:

1. внутренняя неоднородность официально-делового функционального стиля;
2. особенности употребления языковых средств в текстах официально-делового функционального стиля;
3. понятийно-языковая вариативность официально-деловых текстов в рамках реализации трёх основных функций языка (общение/сообщение/воздействие).

Исследование официально-делового функционального стиля обладает непреходящей актуальностью как на теоретическом, так и на прикладном уровне, что обусловлено его весьма высокой социокультурной ценностью. В современном мире, где приоритет права, закона и порядка считается неотъемлемой чертой цивилизованного общества, требуется использование языка, которое способствует эффективному регулированию общественных отношений и играет посредническую роль в административной, политической и юридической коммуникации.

Вместе с тем многочисленные наблюдения и материалы, полученные в результате исследований различных учёных, однозначно свидетельствуют о существовании диспропорции между общественной значимостью официально-делового функционального стиля и его относительно периферийным статусом в лингвистической науке [Прайд 2019, 72; Ширинкина 2021, 64]. Как следствие, на протяжении десятилетий этот функциональный стиль часто не рассматривался в качестве объекта, достойного масштабного научного внимания, заметно уступая другим функционально-стилистическим разновидностям языка как по степени глубины проработки, так и по широте привлекаемого материала.

Как метко констатирует Т. В. Губаева, «официально-деловой стиль традиционно осмысливался как такой объект, изучение которого скорее “необходимо”, чем “интересно”» [Губаева 1997, 174].

Сложившуюся ситуацию можно объяснить комплексом причин. Исследование официально-делового функционального стиля в отечественной лингвистической традиции проводилось в первую очередь на материале русского

языка, что обусловлено лингвокультурным приоритетом родного языка и спецификой историко-политического контекста. Это объясняется также особенностями самой природы этого функционального стиля и исторически сложившимися приоритетами в отечественной стилистике.

Присущая официальным текстам жёсткая нормативность и практическая направленность обуславливают ограниченность их семантических, морфосинтаксических и особенно стилистических возможностей, что, в свою очередь, предопределило доминирование экстралингвистической парадигмы при анализе официально-делового функционального стиля в середине XX века.

Историко-филологические исследования, выявившие закономерности языковой эволюции официально-деловых текстов и причины их трансформаций, лишь подтвердили устойчивость базовых параметров языковой структуры и оценили наблюдаемые изменения как незначительные [Логинова 1968; Романенко 1981]. Основной вектор исторической динамики затрагивает экстралингвистические параметры: тематико-содержательное наполнение текстов, их композиционное оформление и жанровую дифференциацию. Именно эти параметры и составили приоритетный предмет научного анализа.

К концу XX века в функциональной стилистике, обогащённой разработками М. Н. Кожиной, экстралингвистический подход к анализу функциональных стилей значительно углубился. Вместе с тем сосредоточенность на этом плодотворном направлении закономерно обусловила некоторую неравномерность в собственно лингвистическом анализе механизмов организации и функционирования официально-деловых текстов. Это способствовало формированию в лингвистической науке представления об официально-деловом функциональном стиле как об отличающемся гораздо меньшей понятийно-языковой вариативностью по сравнению с иными функциональными стилями.

Действительно, высокая степень понятийно-языковой вариативности, характерная для других функциональных стилей, исторически определяла основное направление функционально-стилистических исследований, ориентированных на выявление языковых критериев для установления

функционально-стилистической принадлежности текстов и их дифференциации. Официально-деловой функциональный стиль, напротив, исследуется преимущественно фрагментарно – через призму его частных реализаций.

Такой подход при всей своей методологической объяснимости привёл к дефициту исследований, направленных на системное описание функционирования языковых средств в текстах официально-делового функционального стиля как единой подсистемы в рамках системы общенародного языка.

Языковые характеристики официально-деловых текстов наиболее систематично представлены в учебной литературе по стилистике в качестве дидактических обобщений, включаемых для обеспечения полноты охвата функционально-стилистической системы языка. Особенно это свойственно работам по стилистике английского языка [Знаменская 2004; Гуревич 2008]. В некоторых научных трудах такое описание вовсе отсутствует [Арнольд 2002; Лушникова, Осадчая 2023].

Указанная методологическая специфика, выражающаяся в приоритете экстралингвистических факторов по отношению к системному лингвистическому анализу, обуславливает широко применяемые, хотя и не оптимальные базовые принципы существующих классификаций разновидностей функционального стиля как такового. Общепринятая классификация основывается преимущественно на комплексе внешних по отношению к собственно языковой системе параметров: институциональную принадлежность речевого произведения [Губаева 1997, 179], область его коммуникативного функционирования [Основы русской деловой речи 2015, 35], социально-статусную характеристику участников коммуникации [Григорьева 2000, 61], а также жанрово-композиционные особенности [Шварцкопф 1996, 270]. Эти факторы сопровождаются базовыми прагматическими установками, главной из которых является преимущественно предписывающий характер официально-деловых текстов [Кожина 2008, 320].

Системное взаимодействие перечисленных параметров приводит к выделению в рамках официально-делового функционального стиля относительно обособленных образований, именуемых подстилями. Сложившаяся в современной

лингвистике классификационная модель различает следующие основные подстили: 1) административный; 2) законодательный; 3) юрисдикционный; 4) дипломатический [Кожина 2008, 329].

Примечательно, что в функциональной стилистике английского языка исследователи уделяют отдельное внимание текстам военных документов [Гальперин 1971, 286; Бурлак 1993, 11]. Однако в функциональной стилистике русского языка данный тип официально-деловых текстов не получил столь же конвенционального оформления в качестве типологической единицы. Как демонстрирует иллюстративный материал, приводимый в авторитетных учебных изданиях, тексты военной тематики реализуются преимущественно в уже выделенных подстилях, обнаруживая поливариантный характер своего воплощения [Основы русской деловой речи 2014, 18, 119]. Тем не менее в современной научной парадигме намечается тенденция к концептуальному обособлению данной разновидности, что находит своё выражение в растущем количестве специальных изысканий специалистов в области военного дела [Бавула 2021].

Методологическая установка, лежащая в основе деления официально-деловых текстов на подстили, предполагает интерпретацию официально-делового функционального стиля не столько как лингвистического явления, обладающего имманентными языковыми свойствами, сколько как отражения специфической социально-институциональной практики. Соответственно, конструируемая таксономия по преимуществу фиксирует внешние границы различных коммуникативных ситуаций, минимально соотносящихся с внутренними закономерностями самого функционального стиля.

Подобная ориентация на экстралингвистические основания классификации привела к возникновению значительных терминологических и методологических разночтений в научной литературе. Наглядным подтверждением служит дискуссия относительно обозначения административной разновидности официально-делового функционального стиля. В научном обиходе наряду с общепринятым термином «административный подстиль» активно используются альтернативные

обозначения, такие как «административно-канцелярский» [Пудикова 2018, 76] и постепенно устаревающий «канцелярский» [Щерба 1957, 117]. Примечательной в этом контексте представляется также попытка Г. Я. Солганика и Т. С. Дроняевой ввести более широкий термин «обиходно-деловой подстиль» [Солганик, Дроняева 2005, 8].

Следует отметить, что в своей первичной классификации В. В. Виноградов также выделял обиходно-деловую разновидность, приписывая ей статус самостоятельного функционального стиля, основным назначением которого является реализация функции общения [Виноградов 1963, 8]. Данное обстоятельство указывает на принципиальную трудность, возникающую при использовании подстилевого подхода для описания внутренней неоднородности функциональных стилей. Проблема состоит в нечеткости их языковых границ и неопределённости масштаба: иногда невозможно однозначно квалифицировать языковое явление как частную подсистему в рамках соответствующего функционального стиля или как новую, автономную стилевую единицу.

Терминологическая вариативность является прямым отражением принципиальных расхождений в исследовательских подходах к определению сущностных оснований текстов административной сферы. Указанные расхождения охватывают как экстралингвистические параметры, так и отдельные языковые особенности. Например, термин «административный» указывает на институциональную привязку документов, тогда как «канцелярский» подчеркивает высокий уровень клишированности и формализованности. Наименование «обиходно-деловой», напротив, фиксирует широкую распространённость подобных текстов в повседневной коммуникативной практике и ослабление строгих формальных рамок.

Схожая неустойчивость номинаций характерна и для других разновидностей официально-деловых текстов, достигая наибольшей выраженности применительно к юридическим текстам. Это обусловлено более глубокими методологическими проблемами, связанными с дискуссионным статусом и классификационным местом юридических текстов в структуре официально-делового функционального

стиля. Г. Я. Солганик и Т. С. Дроняева, к примеру, сводят законодательные и юридические материалы в единую категорию «документального подстиля», тем самым замещая традиционный термин «юрисдикционный подстиль» [Солганик, Дроняева 2005, 8]. Ряд учёных поддерживает объединение этих разновидностей под общим названием «законодательный подстиль» [Григорьева 2000, 66]. Встречается позиция, отстаивающая значимость и сохранение традиционного термина [Шварцкопф 1979, 186].

Особое место занимает подход Л. Г. Кыркуновой, аргументирующей необходимость чёткого разделения законодательной и юрисдикционной разновидностей. Исследователь указывает, что юрисдикционная разновидность охватывает материалы, связанные с этапами предварительного следствия, а также фиксацию процессуальных и прокурорских действий [Кыркунова 2007, 18], в то время как законодательные тексты формируют для них нормативную основу. При этом она отдельно отмечает, что «основанием для такой классификации являются не собственно функционально-стилистические параметры этих текстов, а экстралингвистические факторы /.../» [Кыркунова 2007, 19]. Данное замечание обладает ключевой диагностической ценностью, так как обнажает системный недостаток подобных классификаций, заключающийся в их неспособности выявить устойчивые лингвистические различия между конкретными реализациями официально-деловых текстов.

Исследования законодательной разновидности официально-делового функционального стиля отличаются спецификой, коренящейся в их традиционном развитии преимущественно в рамках юридической науки. Следует подчеркнуть, что это обстоятельство отнюдь не умаляет научной лингвистической значимости трудов правоведов. Напротив, их профессиональная компетенция в области языковой реализации правовых норм обеспечивает глубокое понимание функционально-стилистических особенностей текстов, приобретающих ключевое значение при решении двух взаимосвязанных задач: в аспекте рецепции текста – толкования законодательных положений, и в аспекте текстообразования – совершенствования законодательной техники.

Тем не менее невозможно игнорировать закономерный фокус этих работ на юридической силе и регулятивном потенциале официально-деловых текстов. Исследователи в области права рассматривают текст как инструмент нормативного регулирования, а не как элемент функционально-стилистической системы языка. Именно этот юридоцентричный подход лежит в основе концепций, предлагающих выделить «язык права» в качестве самостоятельного функционального стиля [Язык закона 1990; Шепелёв 2002; Ушаков 2008].

Столь же неоднозначно решается и вопрос о статусе дипломатических текстов. Ряд исследователей трактует их как гибридные образования, сочетающие признаки иных разновидностей официально-делового функционального стиля, но адаптированные к специфике международной коммуникации [Губаева 1997, 179; Дускаева, Протопопова 2012, 95-96]. К. А. Логинова, напротив, обосновывает автономность дипломатических текстов, апеллируя к уникальным синтаксическим конструкциям, которые формируют, по её мнению, достаточные основания для категориального обособления [Логинова 1968, 187].

Несмотря на выявленные методологические расхождения, в истории изучения официально-делового функционального стиля прослеживается устойчивая, хотя и небесспорная, тенденция к приоритетному исследованию административных текстов. Эта исследовательская установка, восходящая к ранним работам [Сидоров 1926], сохраняет актуальность и в современных функционально-стилистических концепциях.

Обращает на себя внимание и то, что данный приоритет находит отражение в терминологических решениях. Ярким примером служит введение маркирующего термина «собственно официально-деловой стиль» [Самыгин, Руденко 2016, 216], что имплицитно конструирует своеобразную иерархию внутри функционального стиля, где административные тексты фактически отождествляются с его ядром, тогда как другие маргинализируются.

Авторы авторитетного пособия «Культура русской речи» объясняют подобное смещение внимания тем, что «в деловой речи наиболее чётко и последовательно выражены специфические черты официально-делового стиля в

целом» [Культура русской речи 1999, 131]. Дополнительным аргументом служит масштаб распространения деловой речи, ведь она «в большей степени затрагивает массу говорящих» [Там же].

Важно отметить, что законодательные тексты обладают сопоставимой, если не превосходящей, социальной значимостью, поскольку именно они устанавливают общеобязательные правовые нормы. Следовательно, подобное упрощение представляется неоправданным.

Ключевое же различие, определяющее приоритет административных текстов в исследованиях, лежит не в масштабе социального воздействия, а в сфере продуцирования текстов. Необходимость составления законодательных текстов возникает исключительно в рамках компетенции ограниченного круга специалистов, тогда как навыки создания и обработки деловой документации носят массовый характер, будучи востребованными у подавляющего большинства носителей языка.

Массовая востребованность административных текстов объясняет преобладание их исследований в формате методических и практико-ориентированных изданий. Хотя подобные работы редко преследуют цель системного лингвистического анализа и порой содержат нормотворческую рефлексию, их несомненная ценность заключается в опоре на обширный эмпирический материал и актуальный опыт реального речеупотребления.

Утилитарно-практическая направленность подобных работ определяет и базовые принципы классификаций административных текстов, в рамках которых ведущим основанием выступает функционально-содержательный принцип. Сформировавшийся в научно-методической традиции подход предполагает выделение трёх основных групп текстов с последующей детализацией: организационно-распорядительные документы; информационно-справочные документы; финансовые и учётные документы [Рахманин 2012, 8; Введенская, Кашева 2014, 391].

Эта модель, унаследованная от советского делопроизводства (например, ГОСТ 6.38-72 [ГОСТ 6.38-72-1973]) и укоренённая в современном нормативном

поле [ГОСТ Р 7.0.97-2016; ФЗ №402 2011], служит задачам оптимизации документооборота, архивирования и стандартизации процедуры документирования. Собственно лингвистические аспекты здесь вторичны, поскольку приоритет отдаётся соблюдению формальных шаблонов, корректному размещению реквизитов, а также регламентации сферы применения и обязательности информационных блоков. Данный вывод подтверждается исследованием Л. Г. Кыркуновой, обнаружившей аналогичные классификации в учебных материалах по делопроизводству [Кыркунова 2007, 19-20].

Современные исследовательские тенденции отчётливо фиксируют смещение фокуса на анализ отдельных жанров, среди которых деловая корреспонденция закономерно выдвигается на первый план как наиболее релевантная и массово востребованная в административной и корпоративной коммуникации. Основное внимание уделяется преимущественно систематизации типологии писем и детальному описанию их композиционных моделей [Колтунова 1998; Паневчик 2001].

Фундаментальная сложность построения непротиворечивой классификации деловой корреспонденции коренится во многообразии типологий, опирающихся на множественные и разнореплановые дифференцирующие признаки. В этом контексте особую методологическую значимость обретает позиция П. В. Веселова, сформулировавшего ключевой постулат классификации служебных писем: «классифицировать письма – значит построить классификацию производственных ситуаций, вызывающих необходимость в переписке» [Веселов 1990, 33]. Данный постулат имплицитно содержит признание вторичности собственно языкового аспекта и демонстрирует универсальность принципа экстралингвистической обусловленности, экстраполируя его с уровня функциональных стилей на уровень конкретного жанра.

Эволюция изучения административных текстов в отечественной функциональной стилистике характеризуется заметным влиянием зарубежной лингвистической парадигмы. Наблюдается сдвиг от сугубо прикладных задач, адресованных массовому потребителю, к анализу комплексных дискурсивных

практик в коммерческой сфере [Жилина 2000]. В английском языке в рамках данного направления активно изучаются три взаимосвязанных аспекта: композиция текстов, репертуар клишированных речевых формул и коммуникативные стратегии бизнес-коммуникации в рамках определённых жанров [Слепович 2012; Яшина, Жаткин 2016].

Анализ существующих работ в данной области показывает, что устоявшиеся классификационные модели не сложились. Вместе с тем прослеживается определенная закономерность в приоритетных предметах исследований, что, вероятно, связано с возросшим интересом к отраслевой лексике. Изучение учебно-методических материалов позволило выявить, что тематический принцип систематизации языкового материала английского языка, ориентированный на потребности обучения, занимает доминирующее положение. Так, среди опубликованных пособий выделяются работы по гостиничному бизнесу [Воробьёва, Киселева 2025], нефтегазовой отрасли [Пчелинцева, Чумакова 2011] и другим сферам, в которых детально исследуются жанры, наиболее актуальные для каждой специфической области. В отличие от этого подхода, в классификации русской деловой речи наблюдается меньшая популярность разделения на отдельные тематические сферы. Здесь деловая речь рассматривается в её масштабном восприятии, с акцентом на такие жанры, как деловая беседа, презентация и переговоры [Основы русской деловой речи 2014, 172].

Классификационные подходы к юридической и дипломатической разновидностям официально-делового функционального стиля преимущественно основываются на жанровом принципе. Этот критерий служит концептуальной основой для многих типологий и часто является их исходной точкой, хотя и не исчерпывает всего аналитического поля.

Несмотря на частичное освещение аспектов жанровой классификации в настоящем разделе, их углублённое теоретическое осмысление требует специального рассмотрения ввиду методологической неоднозначности данной проблематики.

Исследования, посвящённые внутренней неоднородности законодательных текстов, демонстрируют классификационные закономерности, сопоставимые с теми, что были выявлены в сфере административной коммуникации. Яркой иллюстрацией этого служит модель А. А. Ушакова, где систематизация нормативно-правовых актов осуществляется по трём ключевым параметрам: субъект правотворчества, сфера правового регулирования, характер регулируемого содержания [Ушаков 2008, 223-224]. Данная классификация органично воплощает принципы градации нормативных актов, закреплённые в российской правовой системе – от фундаментальных конституционных норм [Конституция РФ, ст. 15, 1993] и федерального законодательства [ФЗ № 5 1994] до систематизирующей концепции, разработанной по государственному заказу [Концепция системы классификации правовых актов].

Закономерное отсутствие лингвистических оснований в классификациях законодательных текстов напрямую обусловлено их исходной целевой установкой. Они описывают систему права, а не языковые механизмы её воплощения. Хотя подобная систематизация, безусловно, влияет на уровень абстракции правовых норм, она не простирается на существенные различия в языковых моделях их реализации. Эту функциональную природу классификаций подтверждает правоведческая позиция, рассматривающая их прежде всего как инструмент иерархического структурирования правовых документов для отражения их системных взаимосвязей [Марченко 2008, 132-133].

Ключевое преимущество рассмотренных классификационных моделей заключается в их способности систематизировать обширные массивы официально-деловых текстов, существенно повышая исследовательскую обозримость материала. Выдвижение на первый план экстралингвистических параметров продуктивно для понимания социального функционирования языка и решения узкопрофессиональных задач, что обеспечивает гибкость адаптации типологии к конкретным прикладным целям.

Помимо очевидных преимуществ рассмотренные классификации обладают двумя взаимосвязанными системными недостатками. Во-первых, лингвистический

компонент в них занимает периферийное положение и учитывается по остаточному принципу. Это существенно ограничивает их объяснительный потенциал, так как здесь игнорируется роль языковых средств в формировании смысла и функциональности текста. Во-вторых, им присуща имманентная асистемность, проистекающая из отсутствия единого классификационного основания, что трансформирует их в открытые таксономии, где возникновение новой сферы деятельности или типа нормативного акта автоматически порождает дополнительную категорию. Подобный механизм, допуская неограниченное расширение схем, резко снижает их прогностическую способность в отношении языковых характеристик вновь возникающих текстов. Это, в свою очередь, стимулирует развитие концепций интерстилей и гибридных форм, порождая значительные методологические трудности.

Соотнесенность экстралингвистических оснований классификаций официально-делового функционального стиля и его собственно лингвистического измерения не вызывает сомнений. Обусловленность языковых механизмов прагматическими и социальными факторами формирует перспективную область для фундаментальных изысканий. Тем не менее, соотношение этих уровней оказывается затруднительным в рамках теоретического обобщения, особенно при столкновении с институциональными ограничениями или вариативностью коммуникативных ролей адресата и адресанта. В итоге языковые различия, обусловленные данными факторами, проявляются не как инвариантные признаки функционального стиля или его разновидностей, а как эпизодические, ситуативно обусловленные элементы.

Общепризнанные стилевые черты официально-деловых текстов, используемые для описания языкового состава официально-деловых текстов, – такие как лаконичность, ясность, безличность изложения [Шварцкопф 1979, 186-187; Кожина 2008, 319-328] и доступность [Ушаков 2008, 44] – не обладают свойством инвариантности и не доказывают тождества или различия отдельных функционально-стилистических разновидностей официально-деловых текстов, что указывает на ограниченную ценность подобных подходов. Этот концептуальный

разрыв приводит к поиску альтернативных подходов, таких как предложенная В. А. Марковой компромиссная категория «информационная ёмкость», фокусирующаяся на параметрах синтаксических структур [Маркова 2018].

В лингвистических исследованиях официально-делового функционального стиля синтаксическому уровню традиционно придаётся особая значимость. Это предпочтение обусловлено высокой степенью системной организации и специфическим характером его конструкций, существенно контрастирующих с организацией иных функциональных стилей.

Примечательно, что на синтаксическом уровне наблюдается выраженное единство всех подстилей официально-делового функционального стиля. Законодательные, административные, дипломатические и юридические тексты демонстрируют минимальную вариативность синтаксических структур. Данное положение находит подтверждение в фундаментальных работах, констатирующих отсутствие значимой дифференциации на данном уровне [Основы русской деловой речи 2015, 14-23], аналогичная тенденция характерна для морфологии.

Тем не менее следует признать существование отдельных структурных расхождений между некоторыми разновидностями официально-деловых текстов. Как отмечает М. Н. Кожина, возможны определённые различия, в том числе синтаксического порядка [Кожина 2008, 320-321]. Однако подобные вариации не обладают дифференцирующей силой в отношении функционально-стилистической принадлежности, о чём свидетельствуют сами оговорки исследователя («в некоторых текстах», «в некоторых жанрах»). Эти особенности не затрагивают инвариантных механизмов реализации функции сообщения в текстах, выводя их за пределы официально-делового функционального стиля, а также не затрагивают вариативных характеристик, позволяющих разграничивать разновидности внутри функционального стиля.

В этом контексте некоторые исследователи обоснованно признают терминологический аппарат ключевым фактором дифференциации разновидностей официально-деловых текстов [Основы русской деловой речи 2015, 35].

Терминологическая проблематика занимает значимое место в отечественной лингвистике. Разработка этого направления ведётся как на общетеоретическом уровне, при изучении онтологии терминов, принципов их образования и системных свойств, так и в прикладных исследованиях, детализирующих отраслевые терминосистемы различных сфер знания и практики. Эта отраслевая привязка нередко служит ключевой дифференцирующей чертой термина [Гальперин 1971, 68]. В рамках этого широкого поля изучения терминологический пласт официально-делового функционального стиля естественным образом выделился в самостоятельный объект глубокого и системного научного осмысления. Эта характеристика сохраняет свою методологическую ценность при анализе конкретных официально-деловых текстов. Она проявляется, например, в разграничении общеупотребительной бизнес-терминологии, обслуживающей деловую коммуникацию в целом, и отраслевой бизнес-терминологии, маркирующей принадлежность текста к узкой сфере деловой активности [Назарова 2009, 88-91]. Подобный принцип актуален и в юридических текстах, где термины классифицируются по отраслям права [Толстик 2013, 178], а также находит отражение в исследованиях, обосновывающих необходимость выделения дипломатического слоя лексики в лексикографической практике [Беляков 2012].

Тем не менее при попытке классифицировать функциональный стиль как целое указанный параметр утрачивает свою релевантность. Его ограниченность, сводящаяся к фиксации тематической направленности термина, функционально недостаточна для выделения разновидностей внутри функционального стиля. Гипотетические границы между ними демонстрируют высокую смысловую проницаемость – терминология законодательных текстов системно проникает в корпус деловой коммуникации, тогда как бизнес-термины столь же регулярно функционируют в нормативно-правовых актах.

Несмотря на отдельные попытки интерпретировать тематическую ограниченность официально-деловых текстов как потенциальное классификационное основание [Григорьева 2000, 60], данная позиция требует корректировки. Официально-деловой функциональный стиль, подобно другим

функционально-стилистическим разновидностям языка, характеризуется высокой политематичностью. Законодательные тексты регламентируют не только собственно законотворчество, но и все сферы социального бытия – от здравоохранения до семейных отношений. Аналогичным образом, юридическая речь может оперировать лексикой, например, дорожно-транспортных инцидентов, имущественного раздела и авторского права. Административные документы, в свою очередь, охватывают вопросы от эксплуатации технического оборудования до регламентации уборки помещений.

Ключевое различие заключается не в тематическом объёме, а в принципиально иной организации предметного поля. Официально-деловому функциональному стилю свойственна эксплицитная тематическая маркированность, контрастирующая с факультативностью темы в обиходно-бытовом или публицистическом функциональных стилях, где доминируют иные функции языка.

Специальные исследования терминосистемы официально-делового функционального стиля выявляют альтернативные дифференцирующие параметры. К их числу относятся, например, преобладание латинизмов и галлицизмов, историческая преемственность и эвфемистическая точность дипломатической лексики [Основы русской деловой речи 2014, 39], а также свойства юридической терминологии, включая антонимичные термины (прокурор-адвокат), системные иерархические связи и дефинитивную точность [Ушаков 2008, 245]. Однако данные характеристики, лишённые взаимоисключающего потенциала, вторичны по отношению к передаче определенного типа понятийного содержания.

Современные исследования подчёркивают неразрывность предметной соотнесённости и системной организации термина. Его значение формируется не изолированно, а через позицию в понятийной иерархии (родовидовые отношения/партитивные связи) и сеть системных отношений, что и обеспечивает точную идентификацию значения и демаркацию с общеупотребительной лексикой [Лейчик 2007].

В этой связи анализ семантических трансформаций – полисемии, синонимии, омонимии и паронимии [Ивакина 1997, 131-136] – приобретает особую актуальность на фоне усиливающегося влияния юридических и социально-экономических факторов на жизнь общества. Проникновение терминов официально-деловой сферы в повседневную речь сопровождается десемантизацией и деформацией значений. Систематизация этих процессов позволяет выявить закономерности функционирования терминов в конкретных текстах, выходя за рамки дескриптивизма.

Обратный процесс адаптации – использование общеупотребительной лексики в официально-деловых контекстах – представляет не менее значимый терминообразующий механизм [Туранин 2017]. Данное разграничение частично объясняется грамматической спецификой терминопотребления [Ивакина 1997, 155-156], а выявление характерных морфосинтаксических моделей сохраняет научную ценность, несмотря на недостаточность чисто формальных критериев.

Особый интерес представляет анализ малого синтаксиса, сочетающий лексические, фразеологические, морфологические и синтаксические аспекты. Ключевой иллюстрацией служит универсальная конструкция «расщеплённого сказуемого» [Иссерлин 1970, 13], пронизывающая весь корпус официально-деловых текстов. Её структура предполагает замену глагольного сказуемого аналитической формой, образованной глаголом широкой семантики в сочетании с отглагольным существительным, передающим основное значение (не отремонтировать/to repair, а провести ремонт/to conduct repairs).

Данная конструкция отражает двойственную природу клишированности официально-деловых текстов, объединяя лексическую стабильность с синтаксической предсказуемостью, и формирует ядро стилистического тождества официально-деловых текстов, оставаясь их инвариантной чертой.

Клишированность реализуется через функционирование лексических единиц в рамках типовых морфосинтаксических и лексико-фразеологических конструкций. Её ключевыми проявлениями выступают собственно клишированные словосочетания и полилексемные термины, между которыми

существуют принципиальные семантические различия. Клишированные словосочетания сохраняют мотивированность компонентного значения при внутренней вариативности в рамках идиоматических границ. Полилексемные термины же характеризуются демотивацией внутренней формы, приобретая целостное значение, не выводимое из суммы составляющих, и функционируют как стабильные элементы терминосистем с жёсткой дефинитивной фиксацией и ограничением синонимических, полисемантических и иных связей.

Семантическая фиксированность подобных единиц не ослабляет их коммуникативного потенциала и не переориентирует текст на выполнение функции общения, а обеспечивает предметно-логическую стабилизацию. Как отмечает П. В. Веселов, помимо очевидных утилитарных преимуществ (оптимизация речевых усилий; унификация документооборота) клишированные структуры выполняют системообразующую функцию в рамках выполнения функции сообщения за счёт абсолютизации семантики слов и их регламентированной сочетаемости, блокирующих коннотативные проявления [Веселов 1990, 10].

Дискуссионным остаётся статус канцеляризмов, присутствующих как на уровне словосочетаний, так и на уровне отдельных слов. Они традиционно квалифицируются как стилистически маркированный элемент (архаизмы, слова с универсальной семантикой, парные синонимы, шаблонные метафоры [Ивакина 1997, 172-173]), нежелательный как в официально-деловых текстах, так и в других функциональных стилях, где использование канцеляризма считается стилистической ошибкой [Основы русской деловой речи 2014, 23]. Однако существуют альтернативные взгляды, трактующие канцеляризмы как результат лингвистического «сохранения энергии» [Основы русской деловой речи 2014, 27].

Клишированность иерархически распространяется за пределы словосочетания на более протяжённые синтагматические последовательности вплоть до предложений и целых текстовых структур. К подобным образованиям причисляют устойчивые предикативные единицы, синтаксические глагольно-именные конструкции, фиксированные именные построения [Ивакина 1997, 175].

Это обеспечивает высокую степень текстовой предсказуемости и служит критерием внутрителивой дифференциации официально-деловых текстов и демаркирующим признаком относительно других функциональных стилей.

На макроуровне клишированность реализуется через унификацию документных форм (шаблон, трафарет, бланк) [Веселов 1990, 15-32]. Исследования в этой области, фокусируясь на композиционной статичности реквизитов, классифицируют документы по степени фиксации – от жёстких образцов-матриц через образцы-модели к относительно свободным образцам-схемам [Шварцкопф 1996]. Сам факт существования бланков воплощает предельную контекстуальную предопределённость, маркируя жёсткую фиксацию синтагматических связей и семантическую замкнутость текстового пространства, формируя тем самым основу функционально-стилистического тождества официально-деловых текстов.

Переосмысление понятийно-языковой вариативности официально-деловых текстов, связанное с переносом внимания с экстралингвистических факторов на тщательный анализ собственно языковых механизмов, произошло лишь на рубеже XIX и XX веков. Данный период характеризовался активной демократизацией документооборота, проявившейся в расширении спектра производственных ситуаций, увеличении числа вовлечённых в них участников и возникновении новых типов документов, что вызвало глубинные трансформации в употреблении языковых единиц.

Однако исследования в данной области долгое время сохраняли выраженный методологический консерватизм. Укоренившиеся представления об официально-деловых текстах как о жёстко нормированной и статичной системе существенно ограничивали изучение их вариативного потенциала и адаптивных механизмов. Даже исследования, посвящённые эволюции и современному состоянию официально-делового функционального стиля, по-прежнему отдавали приоритет его структурным аспектам в ущерб анализу динамики [Михайлова 2003]. Эти представления выражаются также в устойчивой преемственности традиционных взглядов на преимущественно предписывающую природу официально-деловых

текстов и сохранении «подстилевой» классификации как одной из основных описательных моделей.

Исторически осмысление понятийно-языковой вариативности официально-делового стиля опиралось на модели структурной дифференциации текстов. Классическая парадигма, представленная М. В. Колтуновой, вводит дихотомию «ядра», отражающего канонические понятийно-языковые характеристики официально-деловых текстов (законодательные тексты, организационно-распорядительная документация), и «периферии», аккумулятивной формы, демонстрирующие отклонения от наиболее типичных проявлений официально-деловых текстов (патентный стиль, информативная реклама, обиходно-деловая речь) [Колтунова 2000, 14].

Несмотря на несомненную эвристическую ценность, эта классификация несёт в себе существенные методологические изъяны, ключевым из которых выступает её внутренняя противоречивость. Так, ядро объединяет целостный «подстиль» и фрагмент другого «подстиля», тогда как периферия включает тексты с неоднородным и неопределённым функционально-стилистическим статусом. Это приводит к отсутствию эксплицитных верифицируемых принципов, четко определяющих принадлежность конкретного текста к ядру или периферии. Таким образом, при всей своей наглядности и эффективности для первоначальной систематизации модель сохраняет преимущественно описательный и интуитивно-логический характер.

В противовес статичности предшествующих моделей представители Пермской стилистической школы предприняли попытку динамического осмысления понятийно-языковой вариативности официально-делового функционального стиля [Кожина 2008, 330]. Их классификация, дифференцирующая тексты по трём параметрам – «подстилям», формам речи и функциональной доминанте (предписание, ходатайство, информирование), – имплицитно ставит под сомнение доминирование предписывающей функции.

Хотя выделение предписания и информирования кажется методологически оправданным в силу их связи с объективными лингвистическими параметрами, сам

подход не лишён схематичности. Категория информирования неоправданно сводится исследователями до элементарной констатации [Кожина 2008, 329], а статус ходатайства как самостоятельной функции остаётся сомнительным из-за отсутствия уникального лексико-грамматического репертуара, опирающегося лишь на ограниченные клишированные конструкции и общую модальность.

Главная методологическая сложность, вероятно, коренится в жанроцентричной основе данной классификации, которая не учитывает присущую жанрам официально-деловых текстов полифункциональность и отсутствие у них выраженных лингвистических инвариантов.

Одной из наиболее методологически значимых и признанных научным сообществом попыток осмысления понятийно-языковой вариативности официально-делового функционального стиля стало исследование Л. Г. Кыркуновой [Кыркунова 2007], чьё новаторство заключается в фокусировке на анализе функционально-смысловых типов речи. Детализируя предписание (выделяя собственно предписание, инструктирование/долженствование и просьбу) и констатируя наличие в отдельных текстах повествования, описания и рассуждения [Кыркунова 2007, 86-105, 129-155], исследователь доказывает значительное жанрово-речевое многообразие рассматриваемого функционального стиля.

Однако исследователь остаётся в рамках традиционной парадигмы, утверждая неизбежное подчинение всех вспомогательных типов речи доминантной предписывающе-долженствующей или констатирующей цели [Кыркунова 2007, 130], что создаёт внутреннее концептуальное противоречие между заявленным плюрализмом и фактическим сведением признаков к единой доминанте.

Значительно более гибкий и функционально ориентированный подход к осмыслению вариативности демонстрируют исследования Т. Б. Назаровой, трактующие деловую речь как «объёмное взаимообусловленное единство разных регистров» (*symbiotic mix of registers*) [Назарова 2009, 5]. Классификация исследователя охватывает широкий спектр проявлений деловой речи – от межличностных форм (техника ведения беседы и общение по телефону в деловых

целях) до институционально-текстовых (деловая переписка, документация и контракты, деловые встречи, презентации, переговоры и тексты в СМИ), и основывается на функциональном расслоении лексики: слова общего языка (General English Words); формальная лексика (General Business English Vocabulary); общеупотребительная бизнес-терминология (General Business English Terminology); отраслевая бизнес-терминология (Specialized Terminology) [Назарова 2009]. Данная модель не только наглядно эксплицирует функциональную вариативность, демонстрируя движение от функции сообщения к функции общения, но и служит убедительным обоснованием функционально-стилистической неоднородности деловой речи. Впоследствии исследователь уточнила терминологический аппарат и значительно детализировала лексическую стратификацию, расширив перечень единиц до пятнадцати страт, выполняющих функции как сообщения, так и общения и воздействия в рамках деловых текстов [Nazarova 2020, 2-3]. Это расширение теоретической и эмпирической базы стало весомым подтверждением внутренней неоднородности и динамической природы исследуемой системы.

Анализ представленных концепций демонстрирует устойчивую переориентацию научного фокуса с доминирующей функции сообщения на функцию общения, отражающую объективный процесс сближения официально-деловых текстов с нормами обиходно-бытового функционального стиля. Примечательно, что элементы функции общения и описательные официально-деловые тексты, впервые отмеченные ещё в ранних работах по данной проблематике [Верховской 1930, 37], полноценное признание получили лишь в недавнее время.

Более сложной и дискуссионной в научном сообществе оказалась проблема статуса функции воздействия в официально-деловом функциональном стиле. Ортодоксальная стилистическая позиция, рассматривающая этот функциональный стиль как замкнутую систему, чётко регламентированную нормативными требованиями, вступает в непримиримое противоречие с эмпирической

реальностью. Последняя фиксирует проникновение экспрессивных средств даже в законодательные тексты, подрывая сами основы классической парадигмы.

В силу их факультативного статуса присутствие экспрессивных элементов в официально-деловом функциональном стиле требует концептуального осмысления. Прежде всего их употребление в официально-деловых текстах имеет эпизодический характер. Так, исследования, подобные классической работе К. А. Логиновой, фиксирующей наличие элементов экспрессивного синтаксиса и адгерентных коннотаций в советских документах, убедительно связывают их появление со специфическим историко-политическим контекстом эпохи, решительно исключая трактовку экспрессии как инвариантного свойства самого функционального стиля [Логинова 1968, 196-197].

Как это ни парадоксально, даже значительные массивы экспрессивных средств, выявленные, например, Н. В. Егоровой и А. А. Коробейниковой в ходе анализа законодательных текстов рубежа XX-XXI веков (оценочные определения, идеологически окрашенные формулировки и т.д.), при всей их заметности не отменяют базовых закономерностей официально-делового функционального стиля [Егорова, Коробейникова 2017]. Исследователи, констатируя проникновение публицистических черт, одновременно подчёркивают их подчинённость фундаментальным нормам официально-деловых текстов и даже отмечают тенденцию к их систематизированности в рамках текстовой структуры [Егорова, Коробейникова 2017, 48]. Однако сама природа таких текстов и их прямая зависимость от сиюминутного политического контекста свидетельствуют скорее о контекстуальном, нежели о системном характере наблюдаемой экспрессии. Этот вывод наглядно иллюстрируется функционально-стилистической неоднородностью внутри единого текста. Рассмотрим проанализированное Н. В. Егоровой и А. А. Коробейниковой Постановление ГД РФ [Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, 1997]. Фрагмент, изобилующий эмоционально-оценочными элементами и отличающийся категоричностью («разрушительный социально-экономический курс», «привел Россию на грань катастрофы», «ввергается в новый виток «шоковой терапии»»),

«красноречивое свидетельство готовности...подчинить...диктату»), онтологически реализует функцию воздействия, присущую публицистическому функциональному стилю. Между тем документ в целом, как подтверждают его иные части, например, сугубо информативный вводный абзац, насыщенный инвариантными чертами этого функционального стиля, неоспоримо принадлежит к официально-деловому функциональному стилю. Подобное соседство разнородных фрагментов в рамках документа, доминантно ориентированного на функцию сообщения, раскрывает его сложную, расслоенную природу.

Подтверждение подобной неоднородности обнаруживается и в других сферах официально-деловой коммуникации. Значительная часть современных лингвистических исследований посвящена анализу экспрессивных элементов в деловой корреспонденции [Маркова 2017; Новиков 2021; Литвякова 2022], где их присутствие, как правило, носит неявный характер, а языковая реализация нередко тяготеет к обиходно-бытовому функциональному стилю, реализующему функцию общения. Аналогично, использование разговорной лексики в речи судей и других представителей юридического сообщества юристов сводится к специфическим, пограничным контекстам – такими как напутственное слово присяжным [Соловьев 1977; Роман 1998] или допрос [Ивакина 1997, 6], – что лишь подчёркивает эпизодичность подобных включений относительно инвариантных свойств официально-делового функционального стиля.

Ключевой теоретической проблемой остаётся вопрос клишированности. Включение экспрессивных элементов в стандартизированные формулы требует особого подхода, как это видно на примере жанра характеристики [Драчук, Черницына 2015]. Исследователи справедливо отмечают парадокс: на фоне жёсткой унификации текстовой структуры и высокой степени трафаретизации лексики (до 50%) наблюдается значительная частотность оценочной лексики [Драчук, Черницына 2015, 47]. Однако природа этой оценочности принципиально иная. Стандартизированные формулы оценок («вежлив и дружелюбен», «успешно выполнял работы» и др.) подвергаются рутинизации и деметасемиотизации. Их оценочность служит не инструментом подлинного воздействия, а формальным

элементом заполнения предписанных рубрик, оставаясь в русле функции сообщения, где приоритетна семантическая констатация, а не эмоциональный посыл.

Схожий механизм функционально-стилистической переориентации действует и в дипломатических текстах. Этикетные формулы, внешне воспринимаемые как экспрессивные, на деле представляют собой высокочленированные, ритуализованные единицы с фиксированным, а иногда десемантизированным значением [Основы русской деловой речи 2015, 38]. Их сугубо формальная вариативность не затрагивает сущностных параметров функционального стиля, а их статус остаётся эпизодическим. Подобный принцип применим и к дискуссии об оценочности собственно юридических терминов («особо крупные размеры», «вредные последствия»). Лингвистически лишённые ингерентных коннотаций, они функционируют в праве как специфические оценочные понятия – инструменты квалификации ущерба и тяжести деяния для назначения санкций [Ивакина 1997, 156]. Их правовая оценка направлена на реализацию воли законодателя в рамках точной юридической логики.

Таким образом, анализ литературы недвусмысленно свидетельствует о том, что присутствие экспрессивных средств в официально-деловых текстах имеет принципиально факультативный, контекстозависимый характер и не может рассматриваться как инвариантное свойство функционального стиля. Даже при наличии заметных скоплений таких элементов они неизменно подчиняются его базовым, консервативным законам. Критически важно, что в рамках официально-деловых текстов не отмечено формирования устойчивых разновидностей, где экспрессивность выступала бы конституирующим, системообразующим признаком, чем подтверждается преобладание доминантной функции сообщения над ситуативными включениями иного рода во всех проявлениях данного функционального стиля.

2.2. Исследования официально-делового функционального стиля в зарубежной лингвистической традиции

Рассмотрев основные тенденции и классификационные модели в отечественной лингвистической традиции, обратимся теперь к зарубежному опыту изучения официально-делового функционального стиля, где мы обнаруживаем как схожие проблемы, так и принципиально иные пути их решения.

Стремление к строгому разграничению функциональных стилей сталкивается с условностью их границ и частым пересечением функциональных свойств в реальной речевой практике. Действительно, критерии, которые обычно применяют для выделения стилей, часто оказываются недостаточно чёткими. Сам же подход к их дифференциации представляется многим исследователям излишне абстрактным, поскольку он игнорирует неизбежную ситуативную вариативность и адаптивность языка к потребностям профессионального общения [Garzone, Rudvin 2003, 29].

Подобные методологические ограничения, по сути, и обусловили невысокую популярность концепции и отсутствие её последовательного развития. На этом фоне во второй половине XX в. все большее признание получала более гибкая и ориентированная на практику парадигма, имеющая глубокие исторические корни, – исследование языков для специальных целей (Language for Specific Purposes, LSP).

Современный подход к LSP рассматривает его как область преподавания и изучения языка, связанную с подготовкой обучающихся к эффективному использованию языка в профессиональных сферах [Bhatia 2025, 2]. Такая трактовка является результатом длительной эволюции взглядов: от анализа регистров (register analysis) к дискурс- и жанровому анализу (discourse & genre analysis), затем – к пристальному изучению потребностей обучающихся (needs analysis) и анализу необходимых навыков и стратегий (skills & strategies analysis). Этот процесс завершается периодом эклектизма, который интегрирует предыдущие наработки (eclectic period) [Nelson 2000; Popsecu, Vocos 2008, 335].

Современная типология LSP характеризуется значительной фрагментацией, что непосредственно отражает продолжающийся процесс функционально-отраслевой дифференциации. Эта тенденция особенно очевидна в авторитетном справочнике “Handbook of English for Specific Purposes”, где фиксируется широкое разнообразие профильных речевых вариантов. Так, в сфере академической коммуникации выделяется ряд обособленных направлений, включая английский для академических целей (English for Academic Purposes), английский для научно-технических целей (English for Science and Technology), английский для подготовки диссертационных работ (English for Dissertation Writing) и английский для подготовки публикаций (English for Research Publication Purposes) [Handbook of English for Specific Purposes 2006]. Аналогичные процессы дробления наблюдаются и в узкоспециализированных областях, например, в английском для авиации (Aviation English), что наглядно подтверждает общую динамику дробления, которое порождает методологические сложности при попытках выработать универсальные критерии классификации.

Появление этих методологических проблем восходит к раннему этапу изучения регистров, который возник как реакция на ограниченность структуралистской парадигмы. Характерной чертой того периода были систематическое выявление и классификация формальных языковых признаков как ключевых маркеров функциональных разновидностей речи [Halliday 1964]. Однако стремление свести сущность регистров к набору формальных, преимущественно статических признаков вскоре показало свою ограниченность. Главная причина заключается в том, что такой подход, как показали исследования, опирающиеся на корпусные данные и статистические методы [Biber, Conrad 2009], игнорировал принципиальную вариативность внутри регистров и тесную взаимосвязь между языковыми функциями и их контекстуальными проявлениями. Эта эпистемологическая ограниченность раннего подхода послужила почвой для последующих расхождений в определении самой природы LSP.

Современная лингвистика рассматривает регистры не как статичные наборы форм, а как динамические конфигурации языковых средств, формируемые

взаимодействием ситуативных параметров и собственно языковых особенностей [Goulart 2020, 436].

Ситуативные факторы не могут служить единственным основанием для построения устойчивых категорий. Теоретически это объясняется тем, что ситуативные контексты по своей природе практически неограниченны и часто уникальны, поэтому опора исключительно на ситуацию затрудняет выделение воспроизводимых и верифицируемых категориальных критериев [Tardy 2011]. М. Нельсон подчеркивает, что идентификация регистров опирается «либо на ситуацию, в которой находятся говорящие, либо на темы, которые они обсуждают» [Nelson 2000], тем самым вводя тематический критерий дифференциации регистров. При этом специализированная лексика выступает наиболее заметным, но не исчерпывающим маркером регистра.

Системно-функциональная лингвистика предлагает интегративный подход к этим аспектам, основанный на трёх параметрах ситуативной конструкции: поле, тон и способ, которые совместно определяют регистр. Параметр «поле», отражающий предметную сферу и коммуникативную цель, формирует концептуально-терминологическое ядро регистра и тем самым дополняет ситуативный анализ лексико-тематическими и функциональными признаками [Halliday, Matthiessen, 2014, 33-34].

Совокупность указанных исторических, методологических и онтологических сложностей приводит к выводу об отсутствии абсолютно чётких и универсально признанных границ у LSP. Различные методологические подходы по-разному выявляют признаки «специализированности», формируя частично несовпадающие представления о его объёме. Сами по себе критерии не являются абсолютными признаками принадлежности текста к конкретному LSP.

Как следствие, идентификация LSP часто опирается не только на строгие эмпирические показатели, но и на экспертное суждение, профессиональную интуицию и прагматический консенсус среди исследователей и практиков [Belcher, 2009, 5-9]. Такой прагматический акцент служит основанием для рассмотрения LSP в качестве обобщающего термина (*umbrella term*), объединяющего различные

специализированные языковые варианты и педагогические подходы [Dudley-Evans, 1998, 1].

На этом фоне юридическая речь (Legal English), традиционно относимая к LSP, могла бы восприниматься как чётко очерченная и стабильная функциональная подсистема. Её характерные черты – высокая степень терминологизации, синтаксическая сложность и клишированность, поддерживаемые в том числе правовыми институтами и профессиональными конвенциями, – казалось бы, призваны минимизировать неопределённость функционально-стилистических границ. Однако даже попытки функционально-стилистического разграничения административной и юридической речи, например, в работе В. Дарбелне [Darbelnet 1966, 168], не получили широкого признания в научном сообществе. Фундаментальное исследование Д. Кристала и Д. Дейви впоследствии объединило обе разновидности в рамках единой категории юридических текстов, сохранив, тем не менее, термин «стиль» [Crystal, Davy 1969, 193].

Одновременно, несмотря на внешнюю строгость, сохраняется методологический разрыв между теоретическими обобщениями и практикой анализа текстов. Ярким примером служит классификация юридических текстов, предложенная А. Тросборг [Trosborg 1997, 20]. В её системе консенсусные категории – законодательные и судебные тексты – определяются через строго формализованную институциональную ситуацию с фиксированными ролями участников, целями и процедурами, а также отличаются по системно воспроизводимым лингвистическим параметрам. Этим группам противопоставлены методологически проблемные категории, к которым относятся профессиональная коммуникация юристов вне суда, тексты в юридических учебниках и высказывания непрофессионалов о праве. Подобное объединение представляется дискуссионным с точки зрения как последовательного функционально-стилистического анализа, так и исходных оснований классификации.

Если первые две группы текстов действительно обнаруживают инвариантные и вариативные понятийно-языковые параметры и воплощают

канонический институциональный регистр, то включение последующих групп в единую категорию юридических текстов размывает границы объекта исследования. Так, консультация юриста вне суда может протекать в рамках обиходно-бытового функционального стиля, нередко с элементами функции воздействия, а бытовые дискуссии о праве квалифицируются как «юридические» преимущественно по тематическому признаку, будучи лишёнными необходимых понятийно-языковых и институциональных атрибутов. Что касается учебников по праву, то их принадлежность к научному функциональному стилю ставит под вопрос их прямое отнесение к собственно юридической речи в строгом терминологическом смысле.

Попытки конструирования альтернативных классификаций юридических текстов, например, на функционально-стилистической основе, также сопряжены с методологическими сложностями. Так, модель С. Сарцевич [Sarcevic 2000, 11], восходящая к типологии В. К Бхатии [Bhatia 1983, 2], предлагает трёхчастное членение, выделяя: 1) преимущественно предписывающие тексты; 2) тексты описательные с элементами предписания; 3) тексты сугубо описательные.

Несмотря на то что данная модель демонстрирует глубокое понимание исследователем понятийно-языковых механизмов юридической коммуникации, её практическое применение также сталкивается с дилеммой «академического включения». Тексты третьей категории относятся к научному функциональному стилю, и они не функционируют в качестве собственно юридических инструментов. Их основная цель – не непосредственное регулирование правоотношений, а комментирование и интерпретация правовых норм, что закономерно обуславливает различия в понятийно-языковых параметрах между научными и официально-деловыми текстами. Главная проблема заключается в смешении собственно лингвистических параметров с экстралингвистическими основаниями классификации.

Отраслевой подход, представленный, в частности, в трудах Хейкки Э. С. Маттилы [Mattila 2006, 3] и фокусирующийся на терминологической специализации, сохраняет свою ценность для терминоведения. Однако в рамках

решения общелингвистических задач классификации его потенциал ограничен. Данный подход имплицитно проводит искусственные границы внутри официально-делового функционального стиля, фокусируясь на статическом анализе терминологических единиц без учёта всего многообразия функционально-стилистических проявлений языка в юридической коммуникации.

Указанные классификационные затруднения обнажают более глубокие теоретические противоречия самой теории LSP применительно к юридической речи. С одной стороны, они выявляют конфликт между относительно устоявшимися разновидностями юридических текстов, описываемых в рамках регистрового анализа, и очевидно иной функционально-стилистической принадлежностью так называемой периферии. С другой стороны, эти трудности свидетельствуют о методологической тщетности поиска универсального критерия для построения исчерпывающей типологии, поскольку каждый из предлагаемых оказывается релевантным, но недостаточным.

Эти затруднения обусловлены природой лексической системы юридической речи, что становится особенно очевидным в терминологических исследованиях. Семантическая и дефинитивная нестабильность значительного пласта лексики не только осложняет процедуру классификации, но и формирует характерную многослойную, внутренне стратифицированную структуру юридической речи, в рамках которой могут быть выделены три взаимопроникающих лексических слоя: 1) собственно термины, функционирующие исключительно как носители юридических понятий; 2) полутехнические термины, характеризующиеся размытой и контекстно-зависимой семантикой; 3) общеупотребительная лексика, приобретающая в правовом контексте специализированные значения [Riley 1996, 73].

Семантическая сложность лексики юридической речи находит свое отражение в дихотомии терминов по признаку их связи с общелитературной нормой. Выделяются, с одной стороны, термины с относительно прозрачным содержанием, сохраняющие связь с общеупотребительными значениями, а с другой – термины, значения которых радикально дистанцированы от обыденной

речи. Параллельно с этим пласт общеупотребительной лексики в юридических текстах регулярно подвергается функционально-стилистической переориентации, приобретая абстрактные и системообразующие смыслы, чуждые повседневной коммуникации [Riley 1996, 73-78].

Наложение этой сложной лексической стратификации на характерную для юридических текстов грамматико-синтаксическую усложнённость создаёт широкое поле для интерпретационных вариаций [Williams 2007, 31]. При этом процесс толкования терминов неизбежно опосредован институциональными рамками. Так, в законодательных текстах значения жёстко фиксируются дефинитивными статьями, обладая нормативной силой для последующих актов. В судебной же практике механизм прецедентного нормотворчества предоставляет судьям право придавать лексике контекстуально обусловленные значения, которые иногда расходятся с лексикографическими дефинициями.

Как указывает Дж. Норткотт, проблема усугубляется различиями правовых систем. В гражданском праве (Civil Law) значения терминов выводятся дедуктивно из кодифицированных текстов, тогда как в системе общего права (Common Law) интерпретация требует индуктивного анализа казуистики прецедентов [Northcott 2025, 326]. Именно эта глубинная институциональная обусловленность объясняет, почему в преподавании юридической речи лингвистический аспект рассматривается как вторичный по отношению к освоению правовых концепций и соответствующего культурного контекста [Mattila 2012, 27].

А. Райли предложила иерархическую модель контекстуальной детерминации значения, последовательно вытесняющую собственно лингвистический фактор: 1) правопорядковый контекст (международный, ЕС, национальный); 2) контекст правовой системы; 3) отраслевой контекст (уголовное, гражданское право и т.д.); 4) легально-дефинитивный контекст (законодательные определения); 5) судебно-интерпретационный контекст (прецеденты толкования); 6) ситуативно-специфический контекст (обстоятельства конкретного дела) [Riley 1996, 80-81].

Сходные вызовы доминируют не только в теоретических изысканиях, но и в прикладных сферах, таких как юридический перевод. Здесь эквивалентность

терминов определяется не столько лингвистическими соответствиями, сколько комплексом экстралингвистических факторов: правовой системой, отраслевой принадлежностью, культурно-языковой спецификой и прагматическими маркерами (временными и пространственными указателями) [Duričova 2022, 9].

Указанная лексическая неоднородность и институциональная обусловленность значений находят своё закономерное преломление на следующем уровне языковой организации – в области устойчивых словосочетаний. Высокий уровень клишированности юридических текстов переносит вопрос институциональной обусловленности значений с уровня лексики на уровень словосочетаний. Эта мысль находит убедительное подтверждение в исследовании несвободных словосочетаний А. Л. Кьяер, которая рассматривает их как терминологические единицы, чья форма и семантика напрямую обусловлены правовой системой [Kjaer 1990, 26-29]. Предложенная ею типология, основанная на степени нормативной фиксации, выделяет четыре категории: 1) жёстко кодифицированные формулы, прямо предписанные законом; 2) прецедентные сочетания, сформированные судебной практикой; 3) конвенционально-профессиональные клише, минимизирующие коммуникативные риски; 4) узуальные выражения, отражающие профессиональную традицию.

Альтернативный подход, предложенный Л. Биелем, позволяет взглянуть на проблему под иным углом, анализируя внутренние лингвистические механизмы клишированности как универсального свойства LSP. Его модель выделяет: 1) тексто-организующие шаблоны; 2) грамматические модели; 3) терминообразующие синтагмы; 4) полилексемные термины; 5) лексические коллокации [Biel 2014, 36].

Эта типология полезна для выявления универсалий клишированности, позволяя проанализировать и установить соответствия между лексико-фразеологической и морфосинтаксической сочетаемостью слов. Однако её уязвимость заключается в искусственном разделении лексического и грамматического уровней, что игнорирует их равную роль в создании юридического смысла.

Попытку преодолеть этот разрыв, а также избежать экстралингвистического детерминизма предприняли Т. Михта и К. Мрочиньска [Michtha, Mroczynska 2022]. Их корпусное исследование решений Верховного суда Великобритании (2009-2018) реализует интегративный подход, сочетающий корпусные методы (частотный анализ по А. Фёрсу и М. А. К. Халлидею), фразеологический подход (анализ ограниченной сочетаемости по Ф. Дж. Хаусманну) и функциональную грамматику.

Исследователи выявили шесть ключевых морфосинтаксических моделей, структурирующих юридическую фразеологию: 1) определение + существительное; 2) существительное + существительное; 3) глагол + существительное; 4) существительное + глагол; 5) предлог + существительное; 6) существительное + предлог. Обнаруженные грамматические особенности – например, обязательность пассивного залога в определенных контекстах или специфическая семантика числа – формируют постулат о неразрывной связи формы и функции в специализированных контекстах.

Следует подчеркнуть, что представленный анализ сознательно ограничен рамками судебных текстов, что обеспечило однородность материала, но одновременно наложило на исследование определенные ограничения. В фокусе внимания находились преимущественно морфосинтаксические конструкции, в то время как лексическая сочетаемость и более тонкие фразеологические нюансы остались за его пределами.

Проведённый анализ исследований позволяет выявить глубинный парадокс функционально-стилистической специфики юридических текстов. Клишированные конструкции и термины, создававшиеся для обеспечения безошибочной точности, со временем неизбежно превращаются в коммуникативные барьеры. Этот конфликт между семиотической замкнутостью и функциональной неадекватностью побудил англоязычную филологическую науку к пересмотру традиционных представлений о природе юридической речи.

Глубокий анализ гносеологического императива «точности, не допускающей инотолкования» [Crystal, Davy 2016, 173] послужил импульсом для дискуссии о

высокой цене такой точности. Гипертрофированная синтаксическая сложность и перенасыщенность терминологией, долгое время считавшиеся гарантией однозначности, были признаны контрпродуктивными [Melinkoff 2004, 25].

Осознание тупика «точности без понятности» привело к формированию в ряде стран социолингвистических инициатив, институционально продвигающих принципы ясности и доступности юридических текстов (Plain Language Movement). Зародившись в академической среде, движение быстро трансформировалось в масштабную практическую деятельность.

Существенный вклад в концептуализацию его ключевых положений внес британский государственный служащий сэр Э. Гауэрс. Его работа «The Complete Plain Words» [Gowers 2004], обобщившая и развившая материалы двух более ранних официальных руководств («Plain Words», 1948, и «ABC of Plain Words», 1951), представляет собой не столько академическое исследование, сколько авторитетное практическое руководство, предназначенное для повышения эффективности официальной письменной коммуникации. Специфика подхода Э. Гауэрса обусловлена его профессиональной позицией: будучи включённым в бюрократическую среду, он стремился к преодолению «канцелярита» путем последовательного внедрения принципов ясности, точности и лаконичности, свободных от избыточной усложненности и многословия. Показательно, что структура труда включает специальный раздел «Отступление о юридическом английском» («Digression on Legal English»), что свидетельствует о раннем осознании специфических проблем, присущих правовой коммуникации, и о попытке применения к ней общих принципов языковой доступности. Таким образом, деятельность Э. Гауэрса, не будучи основанной собственно на лингвистической теории, заложила концептуальные основания для последующего широкого общественного движения и поспособствовала переходу дискуссии о доступности официальных текстов в практическую плоскость, что в дальнейшем привело к ее институционализации.

Современный этап характеризуется деятельностью многочисленных общественных организаций (Clarity; PLAIN; The International Plain Language

Federation; Plain English Campaign), которые не только продвигают принципы адаптации текстов для непрофессионалов, но и осуществляют экспертный аудит документов, а также инициируют реформы законодательной практики.

Изначально сфокусированное на повышении доступности государственных форм и потребительских контрактов, движение постепенно расширило свою повестку, включив в неё требование понятности базовых законодательных актов. Эти инициативы давно вышли за рамки временного тренда, став частью государственной политики. В США «Закон о простом языке» законодательно обязал федеральные агентства применять принципы «простого языка» во всех документах, адресованных гражданам [Plain Writing Act 2010]. Великобритания демонстрирует схожий вектор развития. Уже с 1993 г. директива «О несправедливых условиях в потребительских договорах» не только устраняет дисбаланс прав сторон, но и прямо предписывает использование упрощённых языковых форм [Unfair Terms in Consumer Contracts Directive 1993]. Кульминацией этого процесса стал масштабный «Проект по пересмотру налогового законодательства», потребовавший четырнадцати лет для глубокой лингвистической модернизации налогового права [Tax Law Rewrite Project 1996].

Несмотря на очевидные практические успехи, научный консенсус относительно определения «простого языка» до сих пор не был достигнут. Определение М. Адлера предлагает, однако, релевантную операционализацию: это «использование языка и структурирование текста, позволяющее целевой аудитории с минимальными усилиями (в пределах, обусловленных сложностью предмета) понять авторский замысел и эффективно применять документ» [Adler 2012, 68].

Из данного определения выводятся три ключевых принципа: приоритет адресата, то есть ориентация на когнитивные возможности и потребности конечного пользователя; структурная целостность, означающая, что упрощение должно охватывать не только язык, но и организацию текста; принцип адекватности, устанавливающий, что степень необходимого упрощения должна

соответствовать объективной сложности регулируемых отношений, исключая примитивизацию содержания.

Эти принципы стимулировали новую волну исследований, перешедших от декларации целей к эмпирической оценке эффективности внедрения «простого языка» в юридическую практику [Boleszczuk 2011; Riera 2015; Alschner 2020; Williams 2023]. В рамках таких исследований для объективного измерения ясности текстов исследователи используют такие выработанные и часто законодательно закреплённые критерии, как высокая частотность субстантивных элементов, частота использования избыточных синонимов, злоупотребление модальным глаголом “shall” и количество пассивных форм.

Именно эти параметры образуют концептуальное ядро современных исследований, выступая точкой соприкосновения различных методологических подходов. Хотя указанные лингвистические параметры не всегда занимают центральное место в теоретических описаниях юридической речи, они приобретают критическую важность в прикладных сферах: при обучении профессиональной юридической коммуникации, переводе правовых документов и – особенно – при оценке эффективности стратегий языкового упрощения.

Сторонники движения обосновывают его необходимость целым рядом преимуществ: снижением числа ошибок, экономией временных и финансовых ресурсов, повышением убедительности и демократической легитимности права, а также улучшением пользовательского опыта, включая субъективную лёгкость и «приятность» восприятия [Adler 2012, 71-72]. Дж. Кимбл добавляет к этому аргумент финансовой целесообразности для организаций, поскольку упрощённые тексты снижают потребность граждан в постоянных консультациях с юристами [Kimble 1992, 1304].

Значительная часть этих аргументов носит экстралингвистический характер, оставляя без внимания функционально-стилистическую специфику юридических текстов. Эта односторонность объясняет скептические оценки некоторых исследователей, утверждающих, что реального глубинного упрощения не

происходит, а потенциальные риски способны перевесить декларируемые выгоды [Williams 2007, 193-195; Riera 2015, 162].

Большинство рекомендаций по упрощению, ориентированных на законодательные тексты, предлагают следующие изменения: замену субстантивных элементов (чаще отглагольных существительных) глаголами; использование активного залога вместо пассивного; сокращение предложений; замену канцеляризованных общеупотребительными словами и замену модального глагола “shall” на “must”, present simple или “may”. Однако эти рекомендации сталкиваются с серьёзными функциональными ограничениями в юридическом контексте.

Замена “shall” – семантически точного маркера нормативного предписания – на present simple нередко нивелирует императивность, трансформируя предписание в описание. Использование “must” чревато полисемией обязательства и рекомендации/вероятности, в то время как “may” неприемлем для императивных норм, выражая лишь дозволение. В таком случае мы говорим не о чётких категориях, а о типах предписания и модальности.

Канцеляризмы обладают строго определенными значениями, отточенными практикой и прецедентами. Их замена общеупотребительными синонимами грозит размыванием смысла и возникновением недопустимой в праве полисемии и синонимии. Особенно важную роль играют субстантивные элементы. Их высокая концентрация в законах формирует точный, стабильный, иерархически организованный понятийный каркас, минимизирующий неоднозначность и обеспечивающий классификацию объектов регулирования. Этот каркас позволяет закону функционировать как автономный инструмент предписания, где ключевыми являются не семантические и валентные характеристики, а агентно-процессуальные параметры. Их замена глаголами не только нарушает устоявшуюся сочетаемость, но и разрушает понятийно-языковое тождество текста, необходимое для его юридической силы и точности.

Таким образом, радикальное упрощение юридических текстов, особенно законодательных, путем устранения их характерных лингвистических черт чревато

не просто снижением понятийной насыщенности, но и трансформацией предписания в описательный текст, утрачивающий свою точность и императивность. Движение за упрощение юридических текстов, несомненно, повышает доступность права для непрофессионалов, но его успех зависит от признания и сохранения функционально-стилистических основ юридической коммуникации. Поиск оптимального баланса между понятностью и неуязвимой правовой точностью, предотвращающей смысловую размытость, остается ключевой задачей для законодателей и исследователей юридического языка.

Активное продвижение принципов упрощения порождает обоснованную критику, которая также нередко выходит за рамки лингвистических вопросов, затрагивая саму суть юридической коммуникации. Как отмечает Р. Асси, корень сложности лежит не в собственно языковых параметрах юридических текстов, а в необходимости владения специализированными когнитивными навыками: способностью выявлять релевантные нормы и доктрины, классифицировать факты по правовым категориям, применять специфические методы интерпретации и правового рассуждения [Assy 2011, 379]. Простое лингвистическое упрощение не преодолевает эти глубинные эпистемологические барьеры.

Примечательно, что Ф. Беннион вводит ключевое методологическое разграничение. Он исходит из того, что многие юридические тексты выполняют не объяснительную, а прескриптивную функцию. Их цель – не растолковывать нюансы закона непрофессионалу, а прецизионно формулировать нормы и порождать конкретные правовые последствия [Bennion 1997]. Задачу интерпретации, таким образом, закономерно делегировать комментариям и вспомогательным материалам. Более того, Ф. Беннион выдвигает весомый контраргумент против упрощения, ссылаясь на риск возникновения «иллюзии понимания»: неспециалист, столкнувшись с адаптированным текстом, может не осознать уровня своего непрофессионализма и наличия смысловых пробелов в своих знаниях, что неминуемо ведёт к ошибочным и потенциально опасным действиям. Следовательно, чтение судебного решения юристом, нацеленное на выявление прецедентной логики, представляет собой качественно иную

когнитивную операцию, нежели поверхностное усвоение фабулы дела непрофессионалом. Эта базовая функция и делает многие чисто лингвистические рекомендации по упрощению функционально неприменимыми, а подчас опасными.

Очевидно, что этот спор упускает из виду собственно лингвистическую основу обсуждаемого функционального стиля. Парадоксальным образом и сторонники, и критики упрощения нередко отодвигают функционально-стилистический анализ на периферию, что, как мы уже отмечали, симптоматично для изучения юридической речи в целом. Между тем, для сохранения онтологической специфики необходимы не в последнюю очередь актуальны именно лингвистические изыскания.

К концу XX века фокус исследований в области LSP закономерно сместился в сторону деловой речи, которая, в отличие от юридической речи с её онтологической тяжбой между точностью и понятностью, демонстрировала принципиально иную природу. В отличие от других функциональных разновидностей, традиционно относимых к «формальным регистрам», деловая речь демонстрирует исключительную гибкость и высокую адаптивность. Эти свойства напрямую обусловлены динамичной и многогранной природой корпоративной среды, требующей эффективного взаимодействия с разнородной аудиторией в широком спектре коммуникативных ситуаций [Johnson 1993, 201]. Именно эта функциональная направленность привела к концептуализации деловой коммуникации – наряду с LSP в целом – в качестве обобщающего, родового термина [Dudley-Evans, St. John 1996, 1].

Данный подход заметно контрастирует с трактовкой юридической речи. Если юридическая речь, несмотря на некоторую теоретическую размытость своих границ, на эмпирическом уровне чаще всего ограничивается текстами законов и судебных решений, то деловая коммуникация охватывает более широкий спектр частных проявлений – от публицистики в деловых СМИ до строго регламентированных контрактов. При этом последние, в свою очередь, обнаруживают структурное и стилистическое сходство с юридическими текстами,

что лишь подчёркивает сложность и неоднородность делового общения. Столь существенный охват материала указывает на принципиально иную, гибкую и открытую, природу объекта.

Внутренняя неоднородность деловой речи порождает закономерные методологические вызовы. Ключевая трудность заключается в отсутствии единой, общепринятой классификации деловых текстов, что побуждает исследователей и практиков оперировать фрагментарными и произвольными таксономиями. Эти системы, как правило, фокусируются на отдельных, наиболее устоявшихся жанрах и не успевают реагировать на стремительную эволюцию деловой практики. Иными словами, разрыв между динамичной реальностью и её академическим осмыслением продолжает углубляться. Данную проблему метко резюмирует М. Нельсон, отмечая, что «преподаватели и авторы учебников часто действуют интуитивно, обучая деловой речи без достаточно чёткого представления о её реальной природе» [Nelson 2000].

Суть этой проблемы определяется исключительной динамичностью самой педагогики делового английского языка, которая развивается в рамках ESP опережающими темпами. За исторически короткий срок дисциплина претерпела значительную эволюцию: от этапа анализа потребностей обучающихся она превратилась в сложный комплекс методик, ориентированных на деловой английский как *lingua franca* (BELF) [Bargiela-Chiappini 2013, 23]. Глобализация BELF, в свою очередь, вызвала лавинообразный рост количества исследований, особенно заметный в работах учёных из Китая, Таиланда, Италии, Аргентины и Франции, что лишь усложнило задачу выработки единого теоретического фундамента.

Отсутствие универсальной классификации вовсе не означает, что деловые тексты объективно неразличимы. Напротив, как справедливо подчёркивает К. Никерсон, академический фокус сосредоточен на анализе наиболее устоявшихся коммуникативных форматов. Исследователь выделяет такие ключевые практики, как переговоры (*negotiations*), деловые встречи (*meetings*), электронная почта (*e-mail*) и деловая корреспонденция (*business letters*) [Nickerson 2005, 368].

Примечательно, что даже при изучении этих базовых разновидностей чисто лингвистические параметры часто уступают по значимости экстралингвистическим факторам. Метаанализ, проведённый К. Никерсон, выявляет обусловленность деловой речи в международном контексте следующими экстралингвистическими факторами: организационно-культурный контекст, стратегические компетенции участников и функциональная мультиязычность [Nickerson 2005].

Действительно, современная научная мысль всё активнее выходит за пределы текста как такового. Теоретические подходы претерпели заметную эволюцию – от лингвистического анализа в рамках ESP к мультимодальной семиотике, которая способна декодировать сложные взаимодействия вербальных и визуальных элементов в современной деловой коммуникации [Kress 2006]. Данный переход подчеркивает важный тезис о том, что эффективность делового текста определяется не столько его формально-языковыми характеристиками, сколько стратегической способностью адаптироваться к конкретному ситуативному контексту, культурной среде и коммуникативной цели.

Эта перспектива, наметившаяся ещё в ранних работах по ESP, находит убедительное подтверждение в ряде значимых исследований. Так, основополагающая работа М. Лампи по деловым переговорам не только заложила методологические основы анализа корпоративных стратегий, описав их многоуровневую структуру, но и наглядно продемонстрировала, как лингвистический выбор обуславливает деловые отношения, указывая на их устоявшийся или только формирующийся характер [Lampri 1986].

Исследование Х. Ямады, посвящённое кросс-культурным особенностям деловых встреч, выявляет фундаментальные расхождения в коммуникативных установках. Х. Ямада убедительно показывает, что японские участники используют встречи преимущественно как площадку для многостороннего обмена мнениями и достижения консенсуса, тогда как их американские коллеги фокусируются на конкретных решениях и оперативных действиях. По мнению исследователя, эти контрастные подходы являются прямым отражением более

глубоких риторических и культурных различий между двумя культурными традициями [Yamada 1990, 295].

Впрочем, существуют и преимущественно лингвистические исследования, такие как работа Э. М. Джонс, которая фокусируется на анализе формальных средств когезии в письменных деловых текстах. Используя адаптированную схему М. А. К. Халлидея и Р. Хасан, исследователь проводит количественный анализ распределения связующих элементов (ссылки, союзы, лексические повторы) в трёх жанрах: деловых письмах, отчётах и учебниках. Её исследование демонстрирует, что, хотя лексическая когезия доминирует во всех типах текстов, конкретные конфигурации («созвездия») этих средств значительно варьируются в зависимости от жанра, что имеет прямую практическую применимость для разработки учебных материалов по ESP [Johns 1980].

Анализ классификаций деловых текстов и их функционально-стилистических особенностей закономерно подводит к ключевому вопросу о доминировании дидактического подхода в данной области. Как свидетельствуют данные обзора современных исследований в области изучения деловой речи, проведённого З. Чжаном, половина всех современных исследований посвящена вопросам преподавания и методики [Zhang 2025, 307-308]. Значительно меньше внимания в рамках оставшихся 50% работ уделяется собственно лингвистическому анализу, социолингвистическим особенностям, взаимосвязям с экономической практикой и приложениям компьютерной лингвистики.

Классификации, представленные в дидактических материалах, демонстрируют существенную разнородность, обусловленную различиями в имплицитных дифференцирующих основаниях. Наиболее часто в качестве таких оснований выступают, во-первых, сфера применения языка, связанная с функциональными областями деятельности и требуемыми коммуникативными навыками, и, во-вторых, уровень абстракции, разграничивающий теоретические концепты и практические инструменты [Emmerson 2007]. Другие модели, например, модель Ф. Талбо, организованы по двухуровневому принципу, выделяя отрасли и бизнес-процессы с сопутствующей коммуникацией [Talbot 2009]. В свою

очередь, классификация Б. Маскалла совмещает функциональный критерий с отраслевым, формируя гибридную схему [Mascull 2017].

При всей своей несомненной прагматической ценности классификации в дидактических материалах редко углубляются в лингвистические механизмы. В тех случаях, когда лингвистические аспекты всё же затрагиваются, основное внимание справедливо уделяется лексическому уровню, признаваемому ключевым структуро- и смыслообразующим элементом деловой речи [Garzone, Viezzi 2001, 26; Thoma 2011, 101; Pickett 1989, 11]. Именно он материализует стратификацию деловой речи через сложные системы специализированных номинаций и семантических преобразований, обеспечивая ее функциональное разнообразие. Однако традиционная ориентация исследований ESP на дидактические задачи, как отмечает М. Нельсон [Nelson 2000], часто оставляет тонкости языковой структуры и функционирования деловой речи на периферии научных интересов филологов.

На этом фоне тем более значимыми выглядят фундаментальные достижения в описании лексического репертуара деловой речи, которые позволяют компенсировать этот дисбаланс. Лексическая система деловой речи характеризуется многомерной стратификацией, проявляющейся в горизонтальном измерении (тематические сферы) и в вертикальном плане (уровень компетенции говорящих: от специалистов до широкой публики) [Roelcke 2017], а также в функциональном смысле (вычленение пластов общеупотребительной лексики, полуспециальной и специальной терминологии [Dudley-Evans 1998, 82]). Семантическое измерение данной стратификации детализировано в классификации М. Бейкера, разграничивающей элементы, выражающие общедисциплинарные понятия, общеязыковые единицы со специализированными или ограниченными значениями, дисциплинарно-специфические термины с вариативной семантикой и лексику, используемую для описания процессов или сигнализации авторских интенций [Baker 1988, 92].

Ключевыми атрибутами деловой лексики выступают монореферентность и формальность, проявляющиеся в строго фиксированных значениях терминов, отсутствии полисемии, эмоциональной окраски и абсолютных синонимов, что

обеспечивает выполнение чисто денотативной функции [Grygiel 2015, 9-10]. Данные характеристики тесно связаны с другими системными чертами, включая высокую степень клишированности и фиксированных лексических ассоциаций [Popsecu, Vocos 2008, 8], активное использование метафор, заимствованных из общего языка, но приобретающих в бизнес-контекстах специфические смыслы (“piggyback on links”, “recapitalize crippled banks”) [Popsecu, Vocos 2008, 9-10] и ярко выраженную социолингвистическую обусловленность, связывающую лексический выбор с контекстом ситуации, социальными ролями коммуникантов, уровнем их информированности и прагматической целью взаимодействия.

Эмпирические данные корпусных исследований указывают на преобладание лексики с позитивной коннотацией и динамизмом, описывающей рост, успех, достижения и фокусирующей на действии и описании продуктов и компаний [Nelson 2000].

Фундаментальный вклад в понимание природы деловой лексики вносит концепция лексического континуума Д. Пикетта [Pickett 1989, 9], трактующая её не как изолированный пласт, а как результат функциональной трансформации и адаптации общезыковых единиц к профессиональной сфере. Данная модель представляет собой градацию специализации – от общепонятных лексических единиц к высокоспециализированным терминам (общие / прозрачные / угадываемые в противовес вводящим в заблуждение / малоизвестным / непрозрачным). Эта градация отражает процесс функционально-стилистической переориентации слов – от функции общения к функции сообщения, – реализуемый через семантическую трансформацию, формирование специализированных словосочетаний и фразеологизмов, а также продуктивность аббревиатур [Pickett 1989, 6]. Однако критический взгляд на эту концепцию [Koester 2010, 51] акцентирует важность различия между «речью о бизнесе», где подчеркивается преемственность, и «речью, непосредственно осуществляющей бизнес-операции», специфика которых требует более строго учёта профессиональных коммуникативных практик.

Дидактическое воплощение этих теоретических построений демонстрирует значительную вариативность и имплицитность критериев отбора. Эта диспропорция стала фокусом комплексного исследования М. А. Шанаевой, опиравшейся на зарубежный опыт и осуществившей детальный анализ лексического состава, представленного в широком спектре источников, ориентированных на изучение деловой речи [Шанаева 2000]. Анализируемый корпус охватывал разнообразные материалы, включая учебные курсы общего профиля, специализированные лексико-ориентированные пособия, отраслевые курсы и словарные издания различных типов: одноязычные общеделовые словари, одноязычные терминологические словари делового общения, одноязычные отраслевые словари, двуязычные словари делового общения.

Методологической основой обсуждаемого исследования послужила стратификационная модель лексики деловой речи, разработанная Т. Б. Назаровой [Назарова 2009, 70-90], в которой учитывались следующие категории: лексика общего языка (General English Words); общеупотребительная терминология делового общения (General Business Vocabulary); специализированная терминология различных профессиональных сфер (Specialized Terminology). Примечательно, что в адаптированной М. А. Шанаевой модели формальная лексика, несмотря на её значимый функциональный потенциал в деловой коммуникации, исключается.

В ходе анализа лексических списков в указанных источниках была выявлена ключевая зона схождения между различными формами лексикографической и учебно-методической репрезентации, выражающаяся прежде всего общеупотребительной бизнес-терминологией, что свидетельствует о высокой степени узуальности, воспроизводимости и стабильности данной лексической страты в деловых контекстах [Шанаева 2000, 168]. Этот фокус на общем ядре деловой лексики существует, однако, на фоне отсутствия консенсуса среди составителей учебных курсов и практических пособий относительно точных границ и внутренней структуры лексики делового общения в целом.

Полученные результаты позволяют выдвинуть гипотезу о том, что формирование лексических списков и корпусов в дидактических материалах в значительной мере обусловлено частотностью употребления единиц в актуальных бизнес-контекстах. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит наблюдение, что далеко не все слова, включенные в подобные перечни, маркируются с точки зрения их функционально-стилистических свойств или даже тематической принадлежности, что указывает на возможное преобладание логики частотности над явными классификационными критериями.

Вернемся к современным зарубежным исследованиям лингводидактического характера, которые также демонстрируют принципиальную неоднородность методологических оснований для отбора лексического минимума в сфере деловой речи. Эта вариативность порождает не просто технические расхождения, но и отражает глубинное теоретическое противостояние по вопросу о том, что, в сущности, составляет релевантную лексику – имманентные статистические закономерности деловых текстов или их прагматическая востребованность в живой коммуникации.

Иллюстрацией первого, гибридного подхода служит исследование М. Тангпиджайкула [Tangpijaikul 2014]. Автор выстраивает многоступенчатую систему фильтрации, последовательно комбинируя корпусные и экспертные методы. Исходный массив слов, полученный через анализ специализированного медийного корпуса и сравнение с British National Corpus (BNC), последовательно сужается. Важно отметить, что на начальном этапе лемматизация проводилась без учёта парадигматических связей, что уже задавало совершенно определенный, формальный взгляд на лексику. Последующее исключение единиц из общеупотребительных и академических списков (GSL, AWL) ознаменовало перенос акцента на сугубо специальную лексику. Кульминацией и итоговым аргументом в пользу финального списка из 134 единиц становится консенсусная оценка трёх экспертов из разных бизнес-сфер. Таким образом, данный подход, хотя и опирается на статистику, доверяет определение значимости слов человеческому суждению, что выводит финансовую терминологию на первый план.

Напротив, исследование В. Хсу демонстрирует строго формализованный подход к формированию дисциплинарно-специфичной лексики, опирающийся на корпусно-статистические процедуры [Hsu 2011]. Исследователь не просто учитывает частотность, а вводит её в систему критериев, куда входят абсолютная частота, междисциплинарная распространённость и принадлежность к низкочастотным стратам в BNC. Такой метод подразумевает, что сама академическая деловая речь через свои статистические закономерности объективно указывает на ядро необходимой лексики.

Принципиальным отличием данного подхода стало отсутствие этапа экспертной валидации, что подчёркивает его ориентацию исключительно на имманентные, дистрибутивно выявляемые свойства текста. Итоговый “Business Academic Word List”, охватывающий 5,66% лексики академических бизнес-текстов (в синергии с GSL/AWL обеспечивая ~95% покрытия для беспрепятственного чтения), позиционируется как инструмент диагностики рецептивного владения и педагогического проектирования. Доминанту списка составляют номинализации с высокой концептуальной плотностью и термины финансово-экономического сектора, что отражает ядерные темы бизнес-исследований, а морфологическая структура многих единиц свидетельствует о тенденции к формализации академической речи.

Оба этих подхода оспариваются антропоцентрической парадигмой, развитой в исследовании Г. С. Чин [Ching 2012]. Его центральный тезис состоит в том, что любой отбор, основанный на статистических текстовых корпусах – будь то с экспертной оценкой или без оной – упускает из вида динамическую и прагматическую природу деловой коммуникации. Г. С. Чин предлагает модель, где лексика генерируется не из текстов, а из аутентичных профессиональных ситуаций и сценариев. Это рассуждение подводит к принципиально иному выводу о том, что релевантность слова определяется его операциональной ценностью при решении конкретных бизнес-задач, а его отбор делегируется самим носителям профессионального дискурса через механизмы рефлексивной верификации.

Несмотря на столь явные методологические расхождения, все три подхода эмпирически фиксируют сходный результат. Неизменное ядро бизнес-терминологии составляют лексические единицы, соотносящиеся преимущественно с финансово-экономическими явлениями. Данное наблюдение, в свою очередь, позволяет предположить, что деловая речь обладает определенной объективностью, независимо от способов выявления последней. Характерно, что значительная часть этой лексики демонстрирует двойную детерминацию, обусловленную как частотностью в бытовых контекстах, так и её функциональной значимостью для решения бизнес-задач. Это же открытие закономерно ведёт к другому, более глубокому вопросу – достаточно ли для владения профессиональной речью простого знания изолированных терминов?

Критический анализ существующих методик, как убедительно демонстрируют работы М. Нельсона и М. Грыгиэля, отвечает на этот вопрос отрицательно [Nelson 2000; Grygiel 2015, 6]. Их основной контраргумент заключается в том, что подобные подходы игнорируют синтагматическую природу языка. Следовательно, фокус на отдельных словах неминуемо создает разрыв между искусственной учебной моделью и аутентичной речевой практикой, где единицей коммуникации выступает не слово, а сложный комплекс устойчивых словосочетаний. Таким образом, логическое развитие данного теоретического рассуждения смещается от проблемы отбора лексики к фундаментальному вопросу о природе и классификации этих неразрывных единств.

Принципиальная значимость словосочетаний для профессиональной адекватности высказывания [Chen 2017, 195] соседствует с сохраняющейся дискуссионностью и терминологической неоднозначностью в их лингвистической трактовке. Хотя поверхностный анализ существующих концепций выявляет определённую общность, их вариативность остаётся значительной. Абсолютизация любого единого подхода неизбежно ведёт к потере аналитической точности, поскольку игнорирует дифференциацию исследовательских парадигм.

Современные исследования словосочетаний в деловой речи демонстрируют заметное методологическое размежевание. Несмотря на утверждения о

неразрывности лексики и грамматики [Popsecu, Vocos 2008, 164], многие работы концентрируются либо исключительно на лексико-фразеологических аспектах, либо на морфосинтаксических моделях, фактически воспроизводя разрыв, наблюдающийся в классификации специализированных словосочетаний юридической речи Л. Биеля.

Одно из направлений представлено М. Бенсоном и его последователями. Оно фокусируется на морфосинтаксическом аспекте, оперируя дихотомией «лексические» и «грамматические» коллокации и выводя критерий разграничения из их структурной специфики. Согласно этой логике, лексические коллокации оперируют прежде всего связями между полнозначными словами, в то время как грамматические всегда включают служебные элементы [Benson, Pson 2010, 19, 31]. Исследователи систематизировали следующие ключевые модели: 1) глагол + существительное; 2) прилагательное + существительное; 3) существительное + глагол; 4) существительное + существительное; 5) наречие + прилагательное; 6) глагол + наречие [Benson, Pson 2010, 19]. Данная модель, будучи адаптированной для педагогических целей, доказала свою практическую эффективность [Sukman 2022]. Анализ распределения частей речи в ключевой бизнес-лексике выявил доминирование существительных, за которыми следуют прилагательные и глаголы. Распределение по морфосинтаксическим моделям показало преобладание нестойких сложных слов, образующихся по модели «основа существительного (герундий) + существительное», и словосочетаний со структурой «прилагательное + существительное», «существительное + глагол», «глагол + существительное» и «глагол + наречие». Хотя исследование опиралось на частотные данные, его теоретическое обоснование остаётся в рамках концепции идиоматичности и фразеологической связанности.

Альтернативное направление, представленное лексико-фразеологическими исследованиями, акцентирует роль устойчивых моделей в формировании жанра. Так, А. П. Бербер-Сардинья, анализируя модели употребления слова “year” в годовых бизнес-отчётах, утверждает, что профессионалы систематически используют частично реконструированные фразы [Berber-Sardinha 1994].

Установлено, что лексические конструкции не укладываются в традиционные структурные описания, предполагающие свободу выбора. Существует также позиция, согласно которой освоение коллокаций не зависит от знания грамматических правил. Соответствующие исследования [Suleman 2020, 184] опираются преимущественно на критерий воспроизводимости словосочетаний в определённых моделях, хотя и признают некоторые структурные ограничения.

Указанная дифференциация подходов коренится в фундаментальном противопоставлении частотного и фразеологического методов изучения словосочетаний в языках для специальных целей [Nesselhauf 2004, 12]. Частотный подход рассматривает коллокации как феномен, определяемый статистически значимым совместным употреблением слов [Sinclair 1991]. Фразеологический подход, напротив, определяет их как «ассоциации двух или более лексем, распознаваемые по их встречаемости в определённом диапазоне грамматических конструкций», характеризующиеся «семантической прозрачностью» и «вариативностью» при наличии произвольных ограничений на выбор элементов в одной или нескольких позициях [Cowie 1994].

Попытку преодоления разрыва между лексическим и грамматическим подходами предпринял М. Нельсон [Nelson 2000]. В своём исследовании он сочетал анализ собственно деловой лексики с изучением словосочетаний и их семантических ассоциаций (сочетаемости с позитивными / негативными контекстами), а также рассматривал морфосинтаксические модели как контекст для лексических структур. М. Нельсон выявил, что бизнес-лексика формирует уникальные семантические поля, влияющие на грамматические выборки: например, глаголы типа “negotiate” или “allocate” чаще встречаются в формах настоящего времени в деловых переговорах, а существительные финансовой сферы (“budget”, “contract”) регулярно сочетаются с определёнными предлогами. Хотя эти наблюдения не оформились в системную теорию интеграции подходов, они обладают значительным интегративным потенциалом. Выявленные шаблоны типа “make a decision” демонстрируют взаимопроникновение лексической сочетаемости

и грамматических структур, а данные о семантических ассоциациях показывают, как лексический контекст определяет выбор грамматических форм.

Коренной особенностью деловой речи, таким образом, является её принципиальная антиномичность. Будучи объектом строгих классификационных попыток и дидактических систематизаций, она по своей природе сопротивляется жёсткой таксономии. Её лексико-фразеологическое ядро демонстрирует устойчивость, независимо от метода исследования. Однако подлинное владение деловой речью заключается в постижении синтагматической природы составляющих её языковых единиц.

2.3. Категория речевого жанра и официально-деловой функциональный стиль

Проведённый в предыдущих разделах историко-теоретический анализ показывает, что официально-деловой функциональный стиль представляет собой сложное и внутренне неоднородное образование, что признано представителями как отечественной, так и зарубежной научной традиции. Выявление его инвариантных свойств и описание вариативности требуют надёжного методологического инструментария. Одним из ключевых инструментов, позволяющих перейти от абстрактного понятия стиля к анализу конкретных речевых произведений, выступает категория жанра. Особую значимость этот инструмент приобретает при работе с англоязычным материалом, где традиция изучения языков для специальных целей исторически тяготеет к жанроцентричному подходу.

Становление лингвистики текста как самостоятельной дисциплины во второй половине XX в. поставило перед исследователями фундаментальную методологическую проблему, обусловленную многоаспектной природой самого объекта исследования. Имманентная сложность текста, проявляющаяся в его принципиальной неоднородности, глубокой укоренённости в коммуникативных

актах и широком спектре социокультурных контекстов, неизбежно породила методологический плюрализм, выразившийся в множественности подходов к классификации текстов. Стремясь систематизировать столь комплексный феномен, исследователи разрабатывали типологии, исходя из различных, порой взаимоисключающих оснований: функционально-смысловые типы речи; структурные принципы организации; формальные признаки; историко-культурная обусловленность; коммуникативно-прагматические установки и другие. При этом даже в классификациях, учитывающих коммуникативную направленность текста, часто игнорировался вопрос о том, какая именно из трёх основных функций языка формирует понятийно-языковую основу текста, что неизбежно приводило к смешению функционально-стилистических и жанровых критериев.

Однако каждая из таких классификаций, демонстрируя несомненную продуктивность в рамках собственных исследовательских задач и методологических границ, обнаруживала свою ограниченность при попытке ее применения в качестве универсальной модели. Как отмечает Н. С. Валгина, «главная трудность заключается в том, что при текстовой дифференциации неправомерно исходить из какого-либо одного критерия» [Валгина 2003, 74]. Действительно, многомерная природа текста приводит к тому, что один и тот же текст может быть отнесен к различным классификационным рубрикам в зависимости от избранного основания анализа. Например, один и тот же англоязычный юридический документ может быть одновременно отнесён к официально-деловому функциональному стилю по функции и к жанру «судебный прецедент» по коммуникативной цели. Хотя тезис о принципиальной невозможности охватить все имеющиеся тексты единой схемой представляется обоснованным, было бы ошибочным впадать в крайний скепсис относительно эвристической ценности типологий как таковых. Ключевое возражение против идеи всеобъемлющей классификации состоит в том, что подобная унификация нивелирует специфику текстовых проявлений, размывая их уникальные черты в угоду искусственному единству.

На этом методологическом фоне дискурсивный подход сформировался как реакция на известную статичность и ограниченную объяснительную силу ряда традиционных типологий. Если, например, функциональный стиль понимается как исторически сложившийся канон, система языковых средств, обусловленных основными функциями языка, то дискурс определяется как принципиально иное измерение анализа – «речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова 1990, 136-137]. Теория дискурса отвечает современным потребностям лингвистики и занимается среди прочего исследованием социокультурного контекста, ситуативных и прагматических характеристик общения.

Осознавая ограниченность функционально-стилистического подхода в условиях усложняющейся коммуникации, некоторые его представители, в частности М. Н. Кожина, усматривали перспективу в сближении двух парадигм. Это позволяло, не отказываясь от системообразующей роли функционального стиля, преодолеть жёсткость его рамок и вписать анализ текста в живой, динамический контекст его порождения и восприятия. М. Н. Кожина признавала гносеологическую асимметрию этих категорий, но подчёркивала их взаимодополняемость, выражающуюся в общности принципа членения коммуникативного пространства [Кожина 2004].

В противоположность этой точке зрения Е. О. Менджерицкая выявляет между ними непримиримые различия. Согласно её позиции, функциональный стиль представляет собой замкнутую систему языковых средств, тогда как дискурс – это динамический процесс, объединяющий лингвистические средства, экстралингвистические факторы и когнитивные механизмы. Если функциональный стиль игнорирует экстралингвистические факторы как нерелевантные, то дискурс, напротив, интегрирует их в качестве ключевого элемента [Менджерицкая 2011].

В этой дискуссии о соотношении стиля и дискурса имплицитно затрагивается вопрос функций языка. Функциональный стиль закреплён за реализацией одной из трёх функций, тогда как дискурс, учитывая экстралингвистические факторы, допускает ситуативное смешение функций, что и создаёт эффект «живой речи».

В этих условиях категория речевого жанра заняла центральное место как компромиссное решение, призванное преодолеть пропасть между абстрактным функциональным стилем и конкретным дискурсом. Однако сам этот компромисс был достигнут за счёт упрощения методологических подходов: жанр, будучи привязан к коммуникативной ситуации и цели, не раскрывает понятийно-языковое содержание текста в терминах функций языка. Иными словами, жанровая принадлежность текста сама по себе еще ничего не говорит о том, какие именно языковые механизмы, связанные с функцией сообщения, общения или воздействия, в нём задействованы и в какой пропорции.

Многие исследователи настаивают на родо-видовой иерархии стиля и жанра [Наер 1987], поскольку жанровая дифференциация наиболее адекватно отражает внутреннюю неоднородность функциональных стилей, имплицитно признавая подчинения и разделения [Тырыгина 2010, 11]. Кроме того, некоторые определения жанра максимально сближаются с определением дискурса [Гвишиани 2015, 39].

Как уже было упомянуто, по мнению М. Н. Кожиной, функциональные стили являются языковым отражением определенной сферы человеческой деятельности, связанной с типом общественного сознания. Жанры, в свою очередь, органично вписываются в эту парадигму, неся в себе информацию о сфере, в рамках которой они сложились, и о задачах, которым подчиняются.

Изучение жанров в функциональной стилистике имеет самостоятельные истоки, восходящие к идеям великого теоретика речевых жанров М. М. Бахтина о «типических формах высказываний» и концепции трёх стилей М. В. Ломоносова, который успешно применял жанровый принцип для классификации текстов [Вомперский 1970, 145]. Хотя изначально жанры рассматривались в рамках художественной литературы, они чётко дифференцировались и на уровне других функциональных стилей.

Можно предположить, что модель родо-видовых отношений функционального стиля и речевого жанра, адаптированная в рамках новейшей дискурсивной парадигмы, сформировалась не без влияния западных исследований. Так, В. К. Бхатия, опираясь на труды Дж. Суэйлза, детально описал теоретические

основы и функционирование жанров в рамках функциональных разновидностей языка, уже отойдя от концепции «регистров» в пользу дискурсивного анализа [Bhatia 2014].

Связь функциональных стилей и жанров прочно закрепилась в научном сознании, что находит отражение в авторитетных лингвистических словарях: «другим важнейшим критерием классификации Р.ж. являются сферы деятельности (прежде всего духовной) и общения» [Салимовский 2006, 353]. «Группа Р. Ж. как устойчивых типов высказываний входит в определенный функциональный стиль» [Новый словарь методических терминов и понятий 2009, 256]. «Речевой жанр (в социолингвистике). Разновидность функционального стиля, используемого в соответствующей сфере и ситуации общения» [Словарь лингвистических терминов 2010, 309].

Современные учебники и учебные пособия по стилистике русского и английского языков неизменно включают упоминания речевых жанров при описании каждого функционального стиля и их базовых теоретических основ [Евтюгина 2018, 8].

Тем не менее, несмотря на общепризнанный тезис о том, что жанры составляют основу внутренней неоднородности функциональных стилей, многие исследователи указывают на их принадлежность к разным категориальным порядкам. Однозначное отнесение конкретного жанра к определенному функциональному стилю часто вызывает затруднения. Наблюдается значительная жанровая мобильность. Некоторые жанры функционируют на стыке стилей (межстилевые), а другие и вовсе выходят за рамки функционально-стилистической системы [Наер 1987, 47].

Н. М. Разинкина утверждает, что, несмотря на зыбкость границ жанров, в каждом тексте можно выделить жанровую доминанту, выражающуюся через набор языковых признаков. Однако в случаях, когда экстраполяция жанровых признаков на функциональные стили невозможна, исследователь предлагает опираться на содержательные признаки текстов [Разинкина 2004, 8], что ставит под сомнение релевантность категории жанра для функциональной стилистики.

Теоретические лакуны проявляются и на эмпирическом уровне. Так, Н. И. Клушина и М. В. Иванова, анализируя трансформацию медийных жанров в интернете, отмечают, что жанр интернет-новости, относящийся к публицистическому функциональному стилю, по своему стилистическому оформлению строится по законам официально-делового функционального стиля [Клушина, Иванова 2017, 123].

А. С. Стаценко и Н. Ю. Зими́на предлагают одиннадцать компонентов дифференциации жанров и подчёркивают, что такие критерии, как, например, «выбор формы итогового текста», не всегда присутствуют в явном виде. Это вынуждает сочетать различные таксономические принципы и переходить к анализу «скрытых внутренних особенностей текста» [Стаценко, Зими́на 2023, 279].

Исследование Т. И. Голубевой и С. В. Фирсовой о функционально-стилистическом статусе автобиографии демонстрирует, что на её формирование повлияли газетно-публицистический, научный и художественно-беллетристический функциональные стили. Сами авторы констатируют, что «сложность стилевой дифференциации произведений автобиографического жанра определяется самой спецификой текстов данного типа, среди которых встречаются произведения высоко художественные и наряду с ними – простые исторические свидетельства, строгая документалистика и автобиографии, стирающие грань между мемуарами и романом» [Голубева, Фирсова 2023, 214], что свидетельствует о проблематичности жёсткой функционально-стилистической атрибуции жанров.

Указанные методологические пробелы значимы и не могут игнорироваться, особенно при утверждении жёстких родо-видовых отношений между функциональными стилями и жанрами. Это приводит к выводу, что параметры их дифференциации неодинаковы, а сами отношения не являются однозначными.

Поиск причин этой проблемы иногда осуществляется в рамках самой функциональной стилистики. Например, Г. В. Векшин обращается к её терминологическим трудностям и утверждает, что она «насильственно» упрощает картину многообразия речевых форм [Векшин 2009]. С одной стороны, с этим трудно не согласиться, учитывая методологический плюрализм в данной области.

С другой стороны, проблемы функциональной стилистики не должны заслонять тот факт, что жанровая классификация представляет собой типологию иного порядка. Если функциональная стилистика фокусируется на языковых элементах текста, то лингвистика текста и изучение жанров предлагают иной взгляд на речевую коммуникацию.

Неправомерность смешения теории функционального стиля и теории жанра связана с тем, что толкования последнего часто исключают собственно языковой аспект. Как показал анализ В. А. Тырыгиной, определения жанра включают такие свойства, как стереотипизированность; предсказуемость и готовность адресата к рецепции; установка на способ представления действительности; указание на назначение, коммуникативную цель; привязка к обстоятельствам, условиям общения; единство формы (плана выражения) и содержания (плана содержания); утилитарность, инструментальность; эластичность, креативный потенциал [Тырыгина 2010, 320]. Собственно языковой аспект лишь имплицитно присутствует в пункте «единство формы и содержания».

То же самое характерно для изучения языков для специальных целей. Дж. Суэйлз определяет жанр как узнаваемое коммуникативное событие, характеризуемое набором коммуникативных целей, которые выделяются и понимаются членами профессионального сообщества [Bhatia 2014, 13]. Чаще всего оно строго структурировано и стандартизировано, с ограничениями на допустимые коммуникативные шаги с точки зрения их намерения, позиционирования, формы и функциональной ценности. И вновь языковые особенности лишь подразумеваются в «форме». Дополнения В. К. Бхатии о когнитивном уровне конструирования жанра (жанровая компетенция) и его динамичности, безусловно, углубляют понимание категории, но не конкретизируют её лингвистических характеристик [Bhatia 2014, 13-16]. Следует отметить, что современные теоретические построения о жанрах включают три взаимосвязанных измерения, в том числе и лингвистическое: риторическую организацию, лексико-грамматические модели и социориторический контекст [Hafner 2023].

Обращение к конкретным жанровым классификациям, например, к классификации жанров официально-деловых документов, приводимой в книге представителей пермской стилистической школы «Стилистика русского языка» и насчитывающей более 20 наименований, демонстрирует иные основания [Кожина 2008, 329]. Наряду с устоявшимися жанрами, например, законами и приказами, выделяются такие, как «беседы на приёме граждан» или «личный листок по учёту кадров». Как отмечают авторы, «широта сферы делового общения позволяет различать более частные стилевые разновидности /.../ однако вопрос об их выделении ещё не получил окончательного решения» [Кожина 2008, 372]. Подобная классификация, будучи полезной для первичной ориентации в материале, часто не сопровождается сравнительно-стилистическим анализом и не проясняет функционально-стилистического подобия или несходства текстов, поскольку различия между многими жанрами носят узкоспециальный и содержательный, а не системно-языковой характер.

С позиций категориального подхода это означает, что такие жанры, как «закон» или «приказ», при всех их тематических и процедурных различиях, объединены одной понятийно-языковой основой, реализующей функцию сообщения. В то время как иные жанры, тяготеющие к устной форме, будут включать больше элементов функции общения, что принципиально меняет функционально-стилистическую ориентацию соответствующих текстов, но не всегда фиксируется в традиционных перечнях жанров.

Аналогичные ограничения присущи и другим известным классификациям. Так, преимущественно социолингвистическая схема Б. Дане, построенная на двух осях – форма речи и степень формальности, – бесспорно, являлась новаторской для своего времени [Danet 1980]. Её достоинством остался учёт устных юридических жанров и отказ от жёсткой бинарности в пользу континуума, что позволяет более тонко ранжировать жанры. Однако и в этой модели собственно лингвистические характеристики рассматриваются не как основа классификации, а как производное, как следствие избранного формата и уровня формальности, что оставляет в тени вопрос о том, какие именно языковые средства реализуют эти параметры.

Функционально-прагматическая классификация П. Тирсмы, разделяющая все юридические тексты на оперативные (создающие правовые отношения) и экспозиционные (их объясняющие), предлагает содержательный и релевантный для юриспруденции критерий [Tiersma 1999, 39]. Вместе с тем, её недостатком является излишнее обобщение. Широкие категории нивелируют важные функционально-стилистические различия внутри групп, которые могут быть значимы.

Ещё один подход, представленный в работе М. Готти, рассматривает иерархический аспект, разделяя жанры по их юридическому статусу [Gotti 2012, 63]. Этот подход схож с некоторыми отечественными попытками классификации законодательных текстов, но он также отталкивается от внешних по отношению к языку юридических критериев.

Помимо слабого учёта собственно языковых критериев, фундаментальная трудность всех жанровых типологий заключается в их принципиальной неполноте. В них невозможно охватить весь спектр жанровых проявлений и их динамических форм ввиду бесконечного разнообразия коммуникативных ситуаций и постоянной эволюции речевых практик.

Кроме того, понятие «жанр» используется в множестве других лингвистических дисциплин, например, в лингводидактике [Celce-Murcia, Olstein 2000, 217] и социолингвистике [Карасик 1992, 132], куда оно «приходит со значительным багажом накопленных смыслов» [Kress 1993, 31], что усложняет его унификацию. Это семантическое наследие включает в себя сложную историю трансформации категории от формально-канонического понимания в нормативной поэтике до её современного содержательного толкования как многомерной, интегративной культурологической категории, связывающей социальную действительность с миром художественных и речевых явлений. Это привело к развитию понятия жанр за пределами искусствознания и объясняет его широкое, но неоднородное применение в различных областях гуманитарного знания [Васильев 1990].

Тем не менее это не означает, что категория жанра бесполезна для функциональной стилистики. Как указывает Н. Б. Гвишиани, жанры – это «социально ратифицированные типы текстов, принятые в языковом сообществе» [Гвишиани 2015, 2]. Они представляют собой устоявшиеся, узнаваемые форматы вербальной коммуникации. Особенно в учебном процессе жанры служат образцами для обучения адекватному использованию языковых средств в конкретном функциональном стиле [Гвишиани 2015, 6-7]. В этом смысле жанр выступает как исходная, схематичная категория, с которой начинается функционально-стилистический анализ, поскольку он содержит наиболее типичные языковые проявления того или иного функционального стиля. Данный принцип последовательно реализован в исследовании А. И. Комаровой, где для анализа каждой из выделенных разновидностей были выбраны тексты преимущественно определенных жанров: для нулевого уровня – терминологические словари, для первого уровня – научные статьи, для второго уровня – учебные пособия [Комарова 1996]. Эта же логика, предполагающая связь функционального стиля и жанра, прослеживается в более поздних работах. Несмотря на то что в кандидатской диссертации В. В. Хуринова и его совместной монографии с А. А. Липгартом концептуальные основания анализа были уточнены, а терминологические лакуны устранены, исследование сохраняет первичную ориентацию на тексты ключевых для каждого стиля жанров [Хуринов 2009; Липгарт, Хуринов 2019].

Несмотря на методологические сложности и неизбежную условность любых классификационных схем, категория речевого жанра сохраняет свою значимость в функциональной стилистике, предоставляя исследователю устойчивый ориентир для анализа. Ценность данной категории заключается не в построении жёстких таксономий, а в выявлении типического, что позволяет рассматривать жанр как концептуальный инструмент, связывающий языковую структуру с её социальным контекстом и коммуникативным назначением, несмотря на всю динамичность и изменчивость современной речевой практики.

Выводы к Главе 2

1. Официально-деловой функциональный стиль занимает особое положение в лингвистике в силу его высокой социальной значимости для регламентации общественных отношений. Исторически сложившийся экстралингвистический подход к его изучению и классификации, акцентирующий внешние по отношению к языку факторы, predetermined известную методологическую неравномерность в описании данного функционального стиля.

2. Традиционная классификация официально-делового функционального стиля, доминирующая в отечественной науке, предполагает его членение на четыре основных «подстиля»: законодательный, административный, юрисдикционный и дипломатический. Однако статус этих разновидностей остаётся дискуссионным, а внутренняя таксономия лишена единой методологической основы.

3. Основным организующим принципом официально-делового функционального стиля, обеспечивающим его системное единство, является всепроникающая клишированность на всех уровнях языка, непосредственно связанная с доминированием функции сообщения.

4. В современных условиях наблюдается тенденция к расширению сферы действия функции общения, проявляющаяся в определённом сближении официально-делового функционального стиля с нормами обиходно-бытовой речи. При этом экспрессивные элементы, будучи контекстуально обусловленными или эпизодическими, не употребляются систематически во всех разновидностях официально-делового функционального стиля. В случае их регулярного применения (оценивая разновидность) они не создают устойчивого ассоциативного плана и крайне редко выходят за пределы чистой экспрессивности.

5. В зарубежной лингвистической традиции, в отличие от отечественной с её развитым понятийным аппаратом, жёсткое разграничение функциональных стилей уступило место более гибкой, прагматически ориентированной парадигме «языков для специальных целей» (LSP). Соответственно, акцент сместился с

описания имманентных языковых свойств на изучение речи в её профессиональных контекстах, с фокусом на задачи обучения эффективной коммуникации.

6. В рамках парадигмы LSP юридическая речь исследуется глубоко, но её границы размыты. Ключевой проблемой оказывается её глубокая институциональная обусловленность. Значение языковых единиц определяется не собственно лексикографической практикой, а правовой системой, законодательными дефинициями и судебными прецедентами. Это порождает фундаментальный конфликт между семиотической замкнутостью, требующей точности, и необходимостью обеспечения доступности языка права. Существующие попытки классификации юридических текстов осложняются необходимостью включения в них единиц иной функционально-стилистической принадлежности.

7. Деловая речь, в свою очередь, рассматривается как наиболее адаптивная и гибкая разновидность LSP, что обусловлено динамикой корпоративной среды и потребностью в коммуникации с разнородной аудиторией. Доминирующий дидактический подход нацелен на выявление и обучение наиболее релевантным лексико-грамматическим моделям для конкретных бизнес-ситуаций и жанров. В связи с этим классификация деловых текстов отличается высокой степенью фрагментированности и жанроцентричности при отсутствии единой общепринятой таксономии.

8. Существующие исследования в обеих традициях имплицитно фиксируют проявление разных функций языка, но не предлагают аппарата для их системного описания и разграничения.

9. Многомерная и неоднородная природа текста делает невозможным создание универсальной и исчерпывающей классификации на основе какого-либо единого критерия. Различные подходы демонстрируют продуктивность в рамках своих конкретных исследовательских задач, но обнаруживают ограниченность при попытке применения в качестве универсальной модели.

10. Несмотря на устойчивое представление о родо-видовой природе отношений функционального стиля и жанра, их связь не является однозначной и

жѐсткой. Параметры их дифференциации лежат в разных плоскостях. Функциональный стиль – это, прежде всего, система языковых средств, детерминированных доминирующей функцией языка, в то время как жанр – это коммуникативно-прагматический формат. Многие жанры демонстрируют значительную мобильность, функционируя на стыке функциональных стилей или вовсе выходя за их рамки, что ставит под сомнение возможность применения понятия жанр как надёжного и единственного основания для описания внутренней неоднородности функциональных стилей.

11. В существующих определениях жанра основное внимание уделяется его экстралингвистическим, коммуникативно-прагматическим и социокультурным параметрам. Собственно лингвистические характеристики при этом часто отходят на второй план, рассматриваются как производные от внешних факторов и не получают статуса системообразующего классификационного основания.

12. Выявленные методологические ограничения жанрового подхода в полной мере относятся к изучению официально-делового функционального стиля. Традиционные для него классификации и многочисленные жанровые таксономии, будучи полезными для первичной ориентации в материале, базируются на внешних по отношению к языку основаниях и не позволяют провести последовательное разграничение.

13. Несмотря на методологические проблемы, категория жанра сохраняет свою операциональную ценность как практический инструмент для анализа и обучения. Жанры, будучи социально ратифицированными типами текстов, служат исходным, схематичным образцом, репрезентирующим наиболее типичные содержательные проявления того или иного функционального стиля. В рамках данного исследования жанр будет использоваться именно в этом качестве – как источник эмпирического материала для последующего анализа с применением категориального подхода.

Глава 3. Официально-деловой функциональный стиль английского языка: инвариантные и вариативные признаки

3.1. Общие замечания

Анализ, представленный во второй главе, позволяет выявить существенные методологические сложности в работе с материалом официально-деловых текстов. Они связаны с тем, что для установления значений и степени клишированности лексики необходима опора не только на лексикографические источники, которые нередко упускают значения узкоспециальных терминов, но и на нормативные акты и корпус прецедентных текстов. Этот подход в известной мере смещает фокус функционально-стилистического анализа в сторону лексикографического изыскания, придавая ему междисциплинарный характер.

В этом контексте классификация, разработанная А. А. Липгартом, демонстрирует существенную объяснительную силу. Она предлагает критерий определения статуса лексической единицы через её семантику и контекстуальную дистрибуцию в соответствии с типом передаваемого понятийного содержания. Данный критерий, как было показано в главе 1, восходит к категориальной трихотомии функций языка. Доминирование функции сообщения в официально-деловом функциональном стиле предопределяет как отбор языковых средств, так и характер их сочетаемости.

Такой подход позволяет утверждать, что слова, функционирующие в узусе соответствующей понятийной сферы, полноценно выполняют свою языковую функцию, хотя это может и не быть закреплено в словарях. Помимо семантики лексических единиц категориальный функционально-стилистический анализ подразумевает обращение к их сочетаемости на морфосинтаксическом и лексико-фразеологическом уровнях, а также выявление специфических морфологических и синтаксических свойств текстов, обеспечивающих реализацию доминирующей функции.

Эмпирическая часть данного исследования выдержана в методологии функционально-стилистического анализа, разработанной А. И. Комаровой и В. В. Хуриновым. Анализ организован в соответствии с иерархией частей речи – от имен существительных и прилагательных к глаголам и наречиям, что обеспечивает систематичность и сопоставимость результатов.

На первом этапе лексические единицы классифицируются на основе структурных и функционально-семантических признаков в общеязыковом аспекте. На втором этапе в рамках официально-делового функционального стиля исследуется тип передаваемого понятийного содержания, относящегося к одной из трёх функций языка, через анализ семантики, контекстуальных связей и дистрибутивных свойств слов.

Для углубления анализа применяются элементы корпусных методов и узуальное сравнение, нацеленные на выявление степени клишированности и устойчивости языковых средств. Особое внимание уделяется сопоставительному анализу редакций документов за предыдущие годы, поскольку их регулярный ежегодный выпуск предоставляет уникальный материал для наблюдения за динамикой языковых изменений и стабильностью терминологического аппарата.

Отдельно рассматриваются синтаксические свойства текстов.

3.2. Нулевой уровень: дефиниционные официально-деловые тексты

Теоретическое обоснование существования «нулевого уровня» в контексте внутренней неоднородности функциональных стилей в теоретическом плане обосновывается рядом фундаментальных методологических принципов, позволяющих рассматривать его не как один из вариантов стилевой реализации, а как аналитическую категорию более высокого порядка. Логика его выделения закономерно вытекает из общенаучного метода декомпозиции, в рамках которого исходная система, занимающая нулевую позицию, служит теоретическим пределом членения. Эта точка отображает систему в её сущностном, инвариантном виде, предшествующем началу процессов варьирования и усложнения, и является

результатом научной абстракции. Таким образом, нулевой уровень функционирует как идеализированная модель стиля, демонстрирующая его в «чистом» виде, максимально свободном от влияния жанров, адресата или индивидуальной манеры автора, что позволяет выявить и исследовать его системообразующие черты.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что дефиниционные тексты, выступающие в роли нулевого уровня, представляют собой усеченную версию инвариантной основы официально-делового стиля. Они с предельной чистотой реализуют функцию сообщения, демонстрируя высокую плотность терминологической номинации и строгую понятийную обусловленность словоупотребления. Однако в них редуцированы или отсутствуют иные системные признаки, которые в полной мере раскрываются в текстах первого уровня. В частности, дефиниции лишены развернутой модальности предписания, сложных синтаксических структур, организующих иерархию норм, и многих референциальных механизмов, обеспечивающих связность объемного документа. Нулевой уровень является, таким образом, важнейшей аналитической абстракцией, позволяющей изолированно рассмотреть фундаментальное свойство стиля — его специфическую понятийную природу, — но не исчерпывающей всего его инвариантного богатства.

В качестве текстовой реализации нулевого уровня в рамках официально-делового функционального стиля правомерно выделить дефиниционные тексты. Убедительным примером служат словарные статьи из терминологических словарей соответствующих сфер (например, юридических), поскольку они с максимальной чистотой реализуют инвариантные свойства стиля. Рассмотрим фрагмент из “The Essential Law Dictionary”:

“indecent. ADJ. Offensive, vulgar, against modesty or proper behavior, obscene or lewd. N. indecency.

indecent exposure. N. Lewdly exposing private parts of the body in a public place. See also obscene.

indefeasible. ADJ. Not able to be defeated, annulled, or revoked; usually describes an estate or a right that cannot be revoked.

indefinite. ADJ. Vague; not clearly expressed or defined; temporary.

indefinite failure of issue. N. A dead person's lack of living children or descendants that can occur at any time after the decedent's death, however far in the future; see also failure of issue.

indemnify. V. To pay or reimburse someone for a loss or injury; to take on legal responsibility for someone else's actions; to insure.

indemnity. N. Money given as compensation or reimbursement for a loss or injury; security against legal responsibility for one's own actions; the benefit provided by an insurance policy.

indemnity against liability. N. A promise to take on another person's liability or compensate him or her if and when that liability arises.

indemnity against loss. N. Compensation given to a person when he or she suffers a particular loss. See also insure, subrogation.

indenture. N. (1) A formal agreement conveying real estate from one party to another and binding both parties with obligations. (2) An agreement issuing corporate bonds and debentures, often between a corporation and an indenture trustee, who holds title to the trust property and carries out the terms of the agreement. (3) Historically, a legal contract made into several copies with the edges indented to mark them as authentic. (4) Historically, an agreement in which a person in the British colonies agreed to pay the transportation costs for someone who wanted to immigrate in exchange for the recipient's labor for a specified number of years; the recipient was called an indentured servant.

independent contractor. N. A person who does a job for another person independently, using his or her own methods and is not under the control of the employer in regard to how the work is accomplished" [Blackwell 2008, 240-241].

Подобные тексты, будучи лингвистическим эквивалентом развёрнутого номинативного суждения, обладают рядом строго детерминированных черт, свидетельствующих о доминировании на нулевом уровне функции сообщения. Словоупотребление в них ограничено рамками конкретной понятийной сферы, что приводит к полной понятийной обусловленности функционирования знаменательных частей речи, прежде всего существительных и прилагательных. Номинативный характер суждений предопределяет и специфику использования

глаголов: в дефинициях доминируют неличные формы и отглагольные образования, передающие действие в отвлечённо-логическом ключе, тогда как личные формы отступают на второй план. Семантически глаголы либо непосредственно связаны с обсуждаемой понятийной сферой и реализуют специализированные значения, либо являются неспециализированными и соотносятся с функцией общения. При этом пласт общеупотребительных глаголов, обладая широким общеязыковым фразеологическим и полисемантическим потенциалом, в данных контекстах реализуют лишь одно, строго фиксированное значение. Кроме того, анализ показывает минимальное присутствие нетерминологических, описательных прилагательных и модальных наречий.

На уровне синтаксиса дефиниционные тексты демонстрируют нулевую предикацию на уровне соотнесения определяемого термина и собственно толкования его значения, которое осуществляется с помощью атрибутивных конструкций (придаточные определительные и причастные обороты), а также суждений, содержащих полисиндетонные и асиндетонные конструкции.

Проведение более подробного функционально-стилистического анализа дефиниционных официально-деловых текстов в данном случае излишне, поскольку на понятийно-языковом уровне они демонстрируют почти полное совпадение с аналогичной разновидностью научного функционального стиля, детально описанной А. И. Комаровой. Исследовательница выделяет для дефиниционных научных текстов следующие характеристики: номинативный характер суждений; специфическое использование атрибутивно-субстантивных словосочетаний; выражение родо-видовых отношений по принципу “genus proximus/differentia specifica”; максимальное устранение глагольной идиоматики и резкая ограниченность синонимии [Комарова 2020, 85].

Все перечисленные черты в полной мере присущи и дефиниционным официально-деловым текстам. Это сходство позволяет в положительном ключе решить вопрос о правомерности выделения идентичных разновидностей в двух разных функциональных стилях.

Ответ на этот вопрос лежит не в плоскости чистой лингвистики, а в области концептуального разграничения функциональных стилей, реализующих одну и ту же функцию сообщения. Круг понятийно-языковых параметров, обеспечивающих реализацию функции сообщения, широк, но ограничен необходимостью соблюдения литературной нормы и точной передачи смысла. Эти параметры могут пересекаться в текстах разных функциональных стилей, а потому не могут служить достаточным критерием для их дифференциации.

Дифференцирующим критерием здесь выступает принципиально различная коммуникативная направленность, при доминировании функции сообщения. Научный функциональный стиль направлен на объективное описание и объяснение законов окружающей действительности. Официально-деловой функциональный стиль имеет иную цель – регулировать социальные отношения и предписывать нормы поведения, определяя должное и недолжное. Это фундаментальное различие проецируется на все уровни языка. На лексическом уровне оно проявляется в природе терминов: если биологический термин “photosynthesis” называет объективно существующее природное явление, то юридический термин “contractual obligation” является социально-правовым конструктом, не имеющим аналога в физическом мире.

Таким образом, выделение «нулевого уровня» текстов демонстрирует свою эвристическую ценность не столько в фиксации инвариантных черт, сколько в их последующей интерпретации. Он позволяет перейти от констатации формального сходства к его содержательному объяснению.

Выявленное на понятийно-языковом уровне почти полное совпадение дефиниционных текстов в научном и официально-деловом функциональных стилях перестаёт быть парадоксом, требующим искусственного устранения. Напротив, оно становится ключевым доказательством того, что идентичные языковые механизмы могут обслуживать реализацию принципиально различных коммуникативных интенций. Для целей нашего исследования важно зафиксировать, что именно здесь, на нулевом уровне, мы наблюдаем базовый, но усеченный набор инвариантных черт.

3.3. Первый уровень: предписывающие официально-деловые тексты

К первому уровню в рамках движения от функции сообщения к функции общения и функции воздействия, на наш взгляд, относятся предписывающие официально-деловые тексты. Именно эта разновидность текстов представляет собой полную, эталонную инвариантную основу официально-делового функционального стиля. В них в наиболее концентрированном и системном виде реализуются все ключевые понятийно-языковые параметры, которые, будучи дополненными вариативными признаками, будут присутствовать во всех последующих разновидностях. Следовательно, любые тексты второго (описывающего) и третьего (оценивающего) уровней обязательно содержат в своей основе весь комплекс характеристик, присущих предписывающим текстам. В предписывающих текстах наиболее явно проявляется именно функция сообщения, хотя это не исключает наличия в них элементов функции общения как общеязыковой нормы, составляющей основу всех функциональных стилей.

Термин «предписывающие официально-деловые тексты» был избран не случайно, хотя он не отражает напрямую модальной специфики данных текстов. Под этим термином понимается устойчивая совокупность понятийно-языковых параметров, которые регулярно воспроизводятся в текстах, устанавливающих некие устойчивые и не подлежащие изменению правила. Будучи носителями инвариантной основы, эти тексты демонстрируют наиболее полный набор стилеобразующих черт. Именно поэтому отдельные элементы этой комбинации признаков — например, устойчивые клишированные обороты, характерные для законодательных актов, или строгая иерархия понятий — могут обнаруживаться и в иных типах документов — таких, как описательные разделы или ходатайственные тексты. Однако в последних они выполняют вспомогательную функцию (указывая на нормативную основу или сохраняя формальную точность), не формируя при этом всей полноты предписывающей модальности, присущей текстам первого уровня.

Представленный текст является фрагментом британского Акта о государственных ассигнованиях (Supply and Appropriation (Main Estimates) Act 2024) – законодательного документа, завершающего процесс утверждения государственного бюджета. Его лингвистическая организация всецело подчинена ключевой цели обеспечения юридически безупречного и однозначного распределения финансовых средств:

“(1) The aggregate of the following (which is £1,039,448,062,000) is appropriated for the year ending with 31 March 2025 in accordance with subsections (2) to (4)—

(a) the amount of resources the use of which for that year is authorised by section 1(1) of the Supply and Appropriation (Anticipation and Adjustments) Act 2024, and

(b) the amount of resources the use of which for that year is authorised by section 1(1).

(2) the amount of resources which is—

(a) set out in each of the Scheduled Estimates, and

(b) identified in that Estimate as a net amount authorised subject to a particular Departmental Expenditure Limit,

is appropriated by this Act for use, for current or for capital purposes (according to how it is identified in the Estimate), in respect of any relevant DEL matter.

(3) The amount of resources which is—

(a) set out in each of the Scheduled Estimates, and

(b) identified in that Estimate as a net amount of Annually Managed Expenditure, is appropriated by this Act for use, for current or for capital purposes (according to how it is identified in the Estimate), in respect of any relevant AME matter.

(4) The amount of resources which is—

(a) set out in each of the Scheduled Estimates, and

(b) identified in that Estimate as a net amount of Non-Budget Expenditure, is appropriated by this Act for use, for current or for capital purposes (according to how it is identified in the Estimate), in respect of any relevant NBE matter.

(5) Section 5(4) applies (instead of subsections (2) to (4) of this section) to any amount of resources set out in a Scheduled Estimate if it is identified in that Estimate as

representing the amount of an estimated surplus” [Appropriation of resources authorized for use for year 2024-25. Supply and Appropriation (Main Estimates) Act 2024].

Содержательное ядро текста формируется взаимодействием ограниченного набора ключевых терминологических единиц, образующих семантическое поле финансов: “aggregate”; “amount”; “surplus” и относящегося к законодательной сфере термина “Act”. Данные единицы обладают свойством консубстанциональности, хотя их полисемантический потенциал, согласно данным авторитетных толковых словарей английского языка, резко сужен. Большинство из этих терминов имеют лишь два значения. Исключением является слово “Act”, которое выделяется большей концептуальной широтой, насчитывая шесть значений, что свидетельствует о его широкой применимости в языке в целом [Oxford Learner’s Dictionary].

Характерной и определяющей чертой терминосистемы текста является высокая концентрация полилексемных терминов, образующих специализированные атрибутивные комплексы и нестойкие сложные слова. Эти единицы не просто называют понятия, но и систематизируют их, выстраивая иерархическую классификацию видов бюджетных расходов. К ним относятся: “Scheduled Estimate”; “net amount”; “Departmental Expenditure Limit (DEL)”; “Annually Managed Expenditure (AME); “Non-Budget Expenditure (NBE)”. Последние три термина формируют структуру текста, разделяя общий объём финансирования на три логически выделенных потока. Благодаря повторяемости формулы в трёх разделах создаётся строгий параллелизм, усиливающий клишированность и предсказуемость изложения.

В группу полилексемных терминов также входит ссылка на дополнительный Акт – “Supply and Appropriation (Anticipation and Adjustments) Act 2024”. Будучи юридическим термином, он одновременно идентифицирует конкретный нормативный источник и органично интегрируется в финансовый контекст, определяя его правовые основания.

Прочие существительные (такие, как “the following”; “use”; “purposes”; “matter” и “resources”) относятся к пласту общеупотребительной лексики, они

реализуют функцию общения и с общеязыковой точки зрения не формируют самостоятельных тематических групп. Их полисемантический потенциал также оказывается ограниченным. На этом фоне лишь минимально выделяются небольшие группы временных указателей (“year”; “March”) и элементов структуры документа (“section”; “subsection”), однако их объём недостаточен для формирования устойчивых тематических групп.

Однозначная онтологическая соотнесённость с функцией сообщения, то есть с передачей специального неэмоционального содержания, в наибольшей степени характерна для полилексемных терминов. В то же время консубстанциональные термины и общеупотребительная лексика в значительной мере соотносятся также с функцией общения. Именно поэтому для точного определения типа передаваемого содержания крайне важен анализ контекстуального функционирования лексических единиц и их сочетаемости.

Морфосинтаксическая организация текста строится прежде всего на моделях субстантивной сочетаемости, для которой характерно доминирование развёрнутых именных групп с последовательным добавлением атрибутивных элементов. Ключевые понятия уточняются через зависимые номинации, формируя иерархические цепочки определений. Такой подход ориентирован на констатацию правовых фактов и отношений между абстрактными финансовыми и иными категориями. В результате основная смысловая нагрузка ложится именно на имена существительные и их окружение, в то время как глагольные конструкции выполняют прежде всего структурно-связующую и модально-предписывающую функции, которые также играют значимую роль в передаче специального неэмоционального содержания.

Среди используемых морфосинтаксических моделей с существительными в тексте доминируют атрибутивные номинативные конструкции с предлогом “of”, которые реализуют относительно свободные с общеязыковой точки зрения атрибутивные связи. Эта высокопродуктивная модель позволяет формировать новые лексические комбинации, обеспечивая точное именование сложных понятий и выстраивая между ними чёткие иерархические и логические связи. Вместе с тем,

употребление этих конструкций не является случайным. Их специфическая функциональная нагрузка требует дальнейшего анализа в рамках лексико-фразеологической сочетаемости для определения их места в системе понятийно-языкового репертуара данной разновидности официально-деловых текстов.

Эти структуры формируются преимущественно полилексемными терминами, включая “net amount of Annually Managed Expenditure”, “net amount of Non-Budget Expenditure”, “section 1(1) of the Supply and Appropriation (Anticipation and Adjustment) Act 2024”. Это отражает высокую степень контекстуальной иерархичности, а также стремление к максимальной автономности и самодостаточности текста. Каждая конструкция функционирует как замкнутая семантическая цепочка, содержащая исчерпывающее определение понятия без необходимости обращения к внешнему контексту, что минимизирует риски разночтений.

Особый интерес представляют словосочетания, сформированные на основе консубстанциональных терминов и общеупотребительной лексики, поскольку они наглядно демонстрируют процесс специализации нейтральных с общеязыковой точки зрения единиц. Ключевую роль здесь играет высокочастотное клишированное словосочетание “amount of resources”, структурно-семантическая неизменность которого обеспечивает его устойчивость и предсказуемость. В отличие от него, уникальная конструкция “aggregate of the following”, встречающаяся исключительно во вводном разделе, вводит в правовое поле общий объём финансирования. Завершает этот ряд словосочетание “amount of an estimated surplus”, которое появляется в заключительной части и функционирует как исключение, вводя особый режим финансирования для прогнозируемого профицита.

Существительное “aggregate” выполняет метатекстовую функцию категоризирующего заголовка, аккумулирующего и предваряющего последующую детальную номенклатуру расходов. Его употребление обусловлено терминологической привязкой к финансово-экономической сфере, что подтверждается данными авторитетных лексикографических источников. Так, в

Oxford Learner's Dictionary оно определяется как “a total number or amount made up of smaller amounts that are collected together” и относится к тематической группе «деньги» [Oxford Learner's Dictionary]. В Merriam-Webster Dictionary выделяется значение “the whole sum or amount” в качестве номинативно-производного значения [Merriam-Webster Dictionary], в то время как в “Collins Dictionary” оно маркируется пометой “formal”, что сразу задаёт контекст его употребления [Collins Dictionary].

В анализируемом тексте существительное “aggregate” реализует своё специальное значение через синтаксическое и семантическое взаимодействие с другими элементами высказывания. Выступая ядром номинативной группы в позиции подлежащего, оно конкретизируется пояснительным придаточным определительным (“which is £1,039,448,062,000”), что трансформирует абстрактное понятие «совокупности» в конкретное, исчислимое финансовое понятие. Семантика термина окончательно сужается и закрепляется в рамках предметной области благодаря предикативной связи с ключевым глаголом “is appropriated”. Этот глагол реализует специальное коллигационно-обусловленное значение (“to take or give something, especially money for a particular purpose”) через пассивную форму и управление предлогом “for”.

Наиболее тесную и конструкционно обязательную связь существительное “aggregate” образует с субстантивированным прилагательным “following”. Его общеязыковое значение (“the thing or things that you will mention next”) в данном контексте подвергается функционально-стилистической переориентации, превращаясь в формальный маркер, катафорически отсылающий к последующему рубрицированному перечню.

Анализ текстов “Supply and Appropriation Act” (2015-2025) показывает абсолютную инвариантность конструкции “aggregate of the following”. Она выполняет ключевую текстоорганизующую функцию, вводя и обобщая последующую номенклатуру расходов. Кроме того, в британских законодательных актах найдено более двухсот вхождений этого словосочетания, причём встречается оно не только в отношении денежных сумм, но и временных показателей

[legislation.gov.uk]. В British National Corpus (BNC) не зафиксировано употребления данной конструкции [British National Corpus]. Её высокая клишированность и уникальность для данного типа текстов является прямым следствием жёстких структурных и содержательных конвенций, что подтверждает передачу данным словосочетанием специального неэмоционального содержания.

Системообразующее словосочетание “amount of resources” встраивается в ряд усложнённых синтаксических конструкций. К ним относятся: придаточные определительные (“which is set out in /.../ identified in /.../”), предложные группы (“set out in /.../”), а также структуры, где синтаксическая функция подлежащего делегируется существительному “use” (“amount of resources the use of which /.../”). Это создаёт многоуровневую систему взаимоподчинённых квалифицирующих определений.

Словосочетание “amount of resources” обладает неоднозначным статусом с общеязыковой точки зрения. Существительное “amount” в данном контексте не реализует своего специального значения (“a sum of money”), поскольку его морфосинтаксическая сочетаемость с предлогом “of” и последующим существительным “resources” проявляет более общее номинативное значение (“a quantity of something”). Существительное “resources” в изоляции также не обладает финансовой семантикой, потенциально обозначая широкий спектр явлений – от природных до административных.

Функционально-стилистическая переориентация этих лексических единиц, как и всего словосочетания в целом, осуществляется за счёт их интеграции в формально-юридические конструкции. Наиболее показательной является конструкция “the amount of resources which is set out in each of the Scheduled Estimates, and identified in that Estimate”. Контекстуальное влияние глаголов и связанных с ними обстоятельственных оборотов, относящихся к сфере законодательства и финансов, приводит к трансформации исходных общеязыковых значений в специализированные элементы и к реализации ими функции сообщения.

Во всех ежегодно принимаемых Актах об ассигнованиях [Legislation.gov.uk.] словосочетание “amount of resources” обозначает объём финансовых средств, которые правительство вправе использовать в конкретном финансовом году. Впрочем, в законодательной практике наблюдается определенная вариативность. В некоторых Актах вместо абстрактного существительного “resources” приводятся конкретные цифровые обозначения. Данные BNC подтверждают клишированность этого словосочетания в специализированных контекстах. Из двадцати трёх зафиксированных случаев употребления девять соотносятся с текстами коммерческой и финансовой тематики [BNC]. Остальные также явно принадлежат экономической сфере. Несмотря на отсутствие прямого законодательного определения, его узкоспециализированная семантика и частотность в соответствующих контекстах позволяют рассматривать “amount of resources” как устойчивую предтерминологическую номинацию – то есть терминоподобное образование, занимающее промежуточное положение между строгим термином и отраслевым клише.

В случае словосочетания “amount of an estimated surplus” специализация проявляется более явно и носит градуальный характер. Атрибут “estimated” сужает значение последующего существительного “surplus” (“an amount that is extra or more than you need”). Это первичное уточнение, в свою очередь, обуславливает интерпретацию всего словосочетания в целом, делая его понятийно-ориентированным на строго финансовую категорию.

Клишированность и контекстуальная обусловленность рассмотренных словосочетаний однозначно свидетельствуют о передаче ими специального неэмоционального типа понятийного содержания, что составляет специфику функции сообщения. Их стандартизированная форма и строгая дистрибуция в тексте служат эффективным механизмом обеспечения точности, не допускающей интолкувания.

Существительное “use” занимает в тексте иное положение, отличаясь вариативностью и не образуя устойчивых номинативных сочетаний с предлогом “of”. Оно не выступает как термин, фиксирующий единое понятие. Его функция –

связующая, организующая отношения между ключевыми элементами: понятием (“amount of resources”), санкционирующими действиями (“is authorized”; “is appropriated”) и целевым назначением (“for current or for capital purposes”).

Общезыковое значение этого существительного претерпевает функционально-стилистическую переориентацию и в данном контексте семантически сужается до обозначения целевого направления применения ассигнований. Несмотря на вариативность форм реализации (“for use, for current or for capital purposes”; “/.../ the use of which ... is authorized by ...”), оно остаётся в рамках предсказуемых моделей. Такая вариативность отражает допустимую степень языковой гибкости нормативного текста, не отменяя передачи данным словом специального незмоционального содержания и реализации функции сообщения.

Клишированные обстоятельственные конструкции – такие, как “in accordance with” и “instead of” – обеспечивают строгую логико-смысловую корреляцию между частями правового акта. Их функция выходит за пределы простого синтаксического соединения. Они устанавливают исключительные отношения между блоками юридических норм и также могут восприниматься как элементы функции сообщения.

Конструкция “in accordance with subsections (2) to (4)” подводит общее положение под действие более конкретных правил, детализация которых представлена в последующих пунктах. Конструкция “instead of subsections (2) to (4) of this section”, в свою очередь, вводит альтернативный правовой режим для особых случаев и исключает применение общих норм в соответствующих ситуациях.

Корпусные данные (BNC) показывают, что обе конструкции широко употребляются и в функции общения [BNC]. Однако в официально-деловых текстах их семантика и сочетаемость сужаются – “in accordance with” преимущественно сочетается со ссылками на нормативные акты и конкретные положения, что придаёт ему значение «в соответствии с (законом)», тогда как при неспециализированном речупотреблении можно обнаружить примеры сочетания с широкими понятиями (например, “good sense”). Аналогичным образом, предлог

“instead of”, будучи частотным в бытовой речи, в нормативных документах часто выступает как маркер эксклюзивности за счёт привязки к конкретным нормативным блокам.

Анализ сочетаемости существительных выявляет характерную особенность исследуемого текста – интенсивное использование референциальных механизмов, позволяющих избегать тавтологии при обеспечении семантической точности изложения. Одним из ключевых элементов является временной дейксис, выраженный конструкциями типа “for that year”, которые отсылают к ранее обозначенной точной дате (“the year ending with 31 March 2025”), устраняя потребность в её дублировании. Ещё одним примером служит текстовый дейксис, реализуемый посредством обозначения множества объектов (“each of the Scheduled Estimates”) и последующего обращения к каждому элементу этого множества с использованием форм с указательным местоимением (“that Estimate”). Структурный дейксис также активно используется, когда ссылка осуществляется через систему нумерации (“subsections (2) to (4)”), обеспечивая точное определение взаимосвязанных компонентов правового акта.

Эти референциальные механизмы играют ключевую роль в реализации функции сообщения, позволяя создавать семантически самодостаточный текст, который не требует внешних пояснений и функционирует как относительно замкнутая система точно определённых понятий и их взаимосвязей.

Анализ функционирования прилагательных в представленном тексте демонстрирует их функционально ограниченную и обусловленную контекстом роль. В отличие от словесно-художественного творчества, а также публицистической и бытовой речи, где прилагательные часто используются для передачи неспециального эмоционального содержания, в предписывающих официально-деловых текстах они играют инструментальную роль, служа средствами точной квалификации и категоризации понятий, обеспечивая передачу специального неэмоционального содержания и реализуя функцию сообщения.

Все прилагательные в тексте находятся исключительно в атрибутивной позиции перед существительным, образуя тесную синтаксическую связь с ним.

Уже на общеязыковом уровне им свойственен определенный формальный оттенок, тогда как в официально-деловом контексте они приобретают специализированный характер. К ним относятся: “relevant DEL/AME/NBE matter”, многократно повторяющееся словосочетание “for current or capital purposes” и “particular Departmental Expenditure Limit”.

Эти конструкции включают относительные прилагательные, характеризующие объекты через принадлежность к определенной группе или классу, а не через качественные признаки, способные проявляться в степенях сравнения. Это свидетельствует об их ограничивающей, а не описательной функции. Значение этих прилагательных передает абсолютный, дихотомический смысл, определяемый принципом либо наличия, либо отсутствия отнесённости к заданной категории.

Так, конструкция “for current or for capital purposes” формирует исчерпывающую бинарную оппозицию. Хотя прилагательные “current” и “capital” являются общеупотребительными, в данном контексте они сужают семантику существительного “purposes” до двух законодательно закреплённых категорий. Это разделение соответствует фундаментальному принципу бюджетного процесса разделения на “current expenditure” и “capital expenditure”, что подтверждается указанием в приложениях-сметах на конкретные суммы для “net resources authorized for current/capital purposes”.

Конструкция “relevant DEL/AME/NBE matter” представляет собой анафорическое выражение, отсылающее к определённым категориям вопросов/дел, установленных законом. Основная специализирующая нагрузка приходится на специальный акроним, который выступает вторым атрибутом в словосочетании. Само прилагательное “relevant”, будучи общеупотребительным и обладая двумя значениями (“closely connected with the subject you are discussing or the situation you are in” и “the fact of being valuable and useful to people their lives and work”), в данном контексте реализует номинативное значение, исключая второе, обладающее ингерентными коннотациями (которое реализуется в предикативной позиции или с частицей “to”).

Аналогичным образом в конструкции “particular Departmental Expenditure Limit” прилагательное “particular” ограничивает общее понятие «лимит расходов» до конкретного, индивидуально определённого в сводной смете лимита.

Переходя к рассмотрению глагольной системы текста, отметим, что она, подобно существительным, отличается ярко выраженной клишированностью. Наиболее частотными глаголами являются следующие: “identify” (7 случаев); “appropriate” и “set out” (по 4 случая); “authorize” (2 случая). Остальные глаголы: “end”, “apply”, “represent”, “estimate” – встречаются по одному разу.

Характерной чертой глагольного строя выступает преобладание пассивного залога как в одиночных конструкциях, так и в рамках перечислительных рубрик. В этой связи обращают на себя внимание причастия II. Одним из немногих смысловых глаголов в активном залоге является “applies”. Эти особенности способствуют созданию эффекта объективной данности, представляя предписание как констатацию свершившегося юридического факта.

Обращение непосредственно к глаголам, употребленным в тексте, позволяет выявить несколько функционально-семантических групп. Во-первых, это формальные глаголы: “authorize”, “identify”, “apply”, “represent”. Во-вторых, это слова общего языка: “end” и фразовый глагол “set out”. Последнюю и самую малочисленную группу составляют специальные глаголы: “estimate”, “appropriate”.

Морфосинтаксические модели с глаголами демонстрируют выраженное преобладание конструкций с предложными дополнениями и обстоятельствами: “is appropriated for/by”, “ending with”, “is authorized by”, “is set out in”, “is identified in”, “applies to”. Некоторые глаголы используются в более сложных конструкциях: “identified in /.../ as /.../”; “is appropriated by /.../ for /.../”. Также в тексте присутствуют единичные случаи иных конструкций, например, атрибутивное словосочетание с причастием (“estimated surplus”), что ограничивает специализированность на предикативном уровне, а также глагол с прямым дополнением (“representing the amount /.../”) и комплексная модель “is authorized subject to”.

В целом на уровне синтаксиса для рассматриваемого текста характерны те же черты, что наблюдались при анализе предшествующей разновидности официально-деловых текстов (активное использование определительных конструкций, асиндетона и полисиндетона) за исключением нулевой предикации; новым по сравнению с текстами нулевого уровня оказывается появление сложноподчиненных предложений с параллельным соподчинением.

Данный синтаксический сдвиг по сравнению с текстами нулевого уровня отражает усложнение понятийной структуры. Текст не просто определяет термины, но и устанавливает между ними иерархические и логические связи. Однако, как и на нулевом уровне, синтаксис полностью подчинён задаче точной передачи специального неэмоционального содержания, оставаясь в русле функции сообщения.

Преобладание комплетивных синтаксических связей, обусловленное использованием моделей с предлогами, отражает высокие требования к точности предписывающих официально-деловых текстов и необходимость детального описания условий. Эти синтаксические единицы несут на себе значительную смысловую нагрузку, определяя агента действия, цель, источник, классификацию, объект применения и характер представляемой величины.

Этими же факторами объясняется практически полное отсутствие наречий в тексте. В классической функции определения при глаголе, прилагательном или другом наречии они не представлены.

Между морфосинтаксическими моделями глаголов и их лексико-фразеологической сочетаемостью не наблюдается строгих соответствий. Хотя формальные и специальные глаголы чаще сочетаются со специальными существительными, это связано скорее с общей плотностью специализированных лексических единиц в тексте, чем с системной закономерностью. Встречаются также модели «общеупотребительный глагол + общеупотребительное существительное» (“year ending with 31 March 2025”), но эти сочетания являются клишированными. Общеупотребительный глагол “set out”, в свою очередь, сочетается со специальным существительным “estimate”.

Стабильная сочетаемость на морфосинтаксическом и лексико-фразеологическом уровне исключает полисемантические проявления, что характерно не только для глаголов, но и для существительных.

Такая организация глаголов служит важнейшим инструментом реализации функции сообщения, переводя предписание в разряд объективной данности, где каждое действие или состояние зафиксировано в строго определённой форме, исключающей многозначность и свободу интерпретаций.

Для верификации первоначальных наблюдений целесообразно проанализировать другой текст, принадлежащий к жанру международного соглашения в рамках дипломатического подстиля. Подобно первому, данный текст относится к предписывающей разновидности официально-деловых текстов, но относится к области международного публичного права. Его основная цель состоит в обеспечении правовой определённости, преемственности и предсказуемости при переходе от предыдущего международного соглашения к новому. Эта цель предопределяет некоторое своеобразие рассматриваемого текста по сравнению с первым, не отменяя их фундаментальной общности на уровне понятийно-языковой организации:

«The Parties agree that unless this instrument provides otherwise, at the date of entry into force of this Agreement:

If a period if the EU-Central America Agreement has not yet ended, the remainder of that period shall be incorporated into this Agreement; and

if a period in the EU-Central America Agreement has ended, any ongoing right or obligation in the EU-Central America Agreement shall apply between the Parties and that period shall not be incorporated into this Agreement.

Notwithstanding paragraph 1, a reference in the Incorporated Agreement to a period relating to a procedure or other administrative matter (such as a review, committee procedure or notification) shall not be affected» [Continuation of Time Periods. Agreement Establishing an Association between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Central America, 2019].

Лексический состав данного текста отличается несколько иным типом терминологической насыщенности, охватывающей широкий спектр правовых понятий. В отличие от плотной, узкоспециальной терминосистемы финансового характера, здесь преобладают более универсальные – в первую очередь, правовые – консубстанциональные словам общего языка термины: “instrument”, “obligation”, “right”, “reference”, “committee”, “paragraph”. Хотя эти единицы менее специфичны по отдельности, их точное значение в рамках данного текста критически важно для однозначного толкования норм.

Наряду с этим присутствует значительный пласт общеупотребительной лексики (“date”; “entry”; “force”; “period”; “matter”; “review”), который, будучи включённым в специализированные словосочетания и специфический юридический контекст, подвергается функционально-стилистической переориентации в сторону реализации функции сообщения. Выделяются также несколько формальных лексических единиц (“procedure”; “notification”; “remainder”).

Важную организующую и структурирующую роль играют полилексемные термины и устойчивые именные группы, выступающие в роли ключевых (прежде всего, обстоятельственных) элементов. Они специализируют понятия и чётко разграничивают сферы действия правовых режимов. Среди них центральное место занимают наименования соглашений (“EU-Central America Agreement” и “Incorporated Agreement”), а также формульные обозначения (“the Parties” и “this Agreement”), значения которых закреплены в преамбуле данного документа в разделе с определениями. Такая предварительная фиксация ключевых терминов является характерным приёмом для текстов, реализующих функцию сообщения, поскольку она гарантирует, что все последующие употребления этих единиц будут однозначно интерпретироваться в заданных рамках, исключая полисемию и контекстуальные толкования.

Как и первый текст, этот документ отличается высокой степенью клишированности и строгой композиционной организацией, в соответствии с которой он разделён на вводную часть, отражающую основное регулирующее

положение (пункт 1 (a)(b), и завершающую часть, содержащую исключение (пункт 2). Он построен на параллельных синтаксических конструкциях, что обуславливает повтор ключевой лексики и исключает вариативность на лексико-фразеологическом и морфосинтаксическом уровнях.

Особого внимания заслуживает проведённое в рассматриваемом тексте тонкое терминологическое разграничение между словосочетаниями “this instrument” и “this Agreement”. Это различие не является стилистическим вариантом, а несёт строго смысловую нагрузку. “This instrument” отсылает к тексту соглашения как к формальному документу, его букве и материальному носителю правовых норм. Напротив, “this Agreement” обозначает весь комплекс правоотношений, возникающих между Сторонами.

Морфосинтаксическая организация текста сходна с первым образцом, в частности, в использовании именных конструкций с предлогом “of”, например, “date of entry into force of this Agreement” и “remainder of that period”. Однако если в финансовом документе подобные конструкции служили преимущественно для построения иерархии понятий, то здесь они применяются в операционно-условном ключе – для описания юридических последствий, условий и временных рамок, действующих в переходный период между соглашениями.

Словосочетание “date of entry into force” является показательным примером, где все компоненты за исключением последнего являются общеупотребительными единицами. Несмотря на это, атрибутивная связь между ними оказывается самодостаточной для их специализации. Устойчивая формула “entry into force” в сочетании с определяемым существительным эффективно сужает значение слова “date”, наделяя всё словосочетание статусом специализированного обозначения конкретного юридического факта.

Полилексемная формула “entry into force” подобно конструкции “aggregate of the following” из финансового акта является абсолютно стандартизированной для текстов международного права. Корпусный анализ показывает, что она используется преимущественно в официально-деловых текстах. Это словосочетание встречается в тысячах документов, неизменно обозначая момент

обретения документом юридической обязательности [Legislation.gov.uk.]. При этом в авторитетных корпусах общего языка его употребление либо отсутствует, либо связано с цитированием официально-деловых источников [BNC]. Это подтверждает его статус не просто формального, а строго специализированного клише, функционирование которого ограничено сферой права и дипломатии. Его неизменность и узнаваемость для специалистов минимизируют риски разночтений.

Второе словосочетание, “remainder of that period”, демонстрирует иной способ специализации, который реализуется не через внутреннюю семантику компонентов, а посредством активации референциального аппарата текста. Указательное местоимение “that” в конструкции “that period” выполняет анафорическую функцию, отсылая к ранее введённому понятию “a period in the EU-Central America Agreement”. Эта связь, эксплицитно установленная в тексте, трансформирует всё словосочетание в формальный оператор, значение которого всецело зависит от его места в логической структуре документа, а не от общеязыкового смысла входящих в него слов. К референциальным средствам текста также относится определенный артикль (“the Parties”; “the remainder”; “the date”; “the Incorporated Agreement”; “the EU-Central America Agreement”), который выполняет аналогичную функцию, указывая на уникальные, заранее определённые в документе сущности.

Предложное управление в данном тексте сохраняет важную роль в обеспечении точности. Существительные в сочетании с обстоятельственными группами (“a period in the EU-Central America Agreement”; “a reference in the Incorporated Agreement to a period /.../; “notwithstanding paragraph 1”) соотносят абстрактные понятия с конкретными источниками права, документами или их разделами. Каждый обстоятельственный оборот выступает определённым семантическим «фильтром», который локализует действие нормы, устанавливает иерархию и логическую связь, способствуя специализации и сужению значений до рамок правового контекста.

Анализ прилагательных в данном тексте подтверждает и даже усиливает выводы, сделанные при изучении прилагательных в финансовом Акте, вновь

демонстрируя их абсолютную подчинённость передаче специального неэмоционального содержания и реализацию ими функции сообщения. Количество прилагательных в тексте минимально. Все относительно свободно функционирующие прилагательные (“ongoing”; “other”; “administrative”) употреблены в составе атрибутивных конструкций и входят в разряд относительных, что изначально исключает возможность их градации. В данном тексте они выступают как квалифицирующие. Их роль заключается не в описании, а в разграничении правовых понятий.

Прилагательное “ongoing” выполняет роль временного квалификатора, проводя разграничение между теми правами и обязательствами, которые продолжают своё действие, и теми, которые прекратили свое существование. Эта дифференциация является важной для нормы пункта 1(b), и без неё правило потеряло бы юридическую определённую. Специализация субстантивных компонентов словосочетания (“right” и “obligation”) происходит через их привязку к правовому источнику (“.../ in the EU-Central America Agreement”).

Прилагательное “other”, несмотря на свой нейтральный с общеязыковой точки зрения статус, функционирует в данном тексте как логико-юридический ограничитель. Оно указывает на иллюстративный, а не исчерпывающий характер последующего перечня (“a review, committee procedure or notification”), обеспечивая гибкость нормы и распространяя её действие на всю родовую категорию административных вопросов/дел. Это прилагательное сопровождается ещё одним атрибутом “administrative”, которое является единственным специальным прилагательным в тексте. Оно сужает значение слова “matter” до сферы процедурных и исполнительных действий, а не материального права, а также специализирует слова из указанного выше перечня.

Глагольный ряд в международном соглашении, сохраняя ключевую роль в передаче правовых действий, обладает заметными отличиями от первого текста. Его организация отражает принцип равноправия сторон и взаимности обязательств.

Центральное место в этой системе занимает модальный глагол “shall”, который выполняет императивную функцию особого типа. В отличие от финансового Акта, где императивность выражает вертикальное предписание власти, в международном соглашении “shall” передаёт обязательность взаимно принятых и взаимно обязывающих условий. Каждое его использование создаёт юридически обязательное для обеих сторон последствие: “shall be incorporated”; “shall apply”; “shall not be affected”.

Текст также демонстрирует иную видо-временную организацию, отражающую переходный характер положений, что достигается за счёт контраста между формой Present Perfect, обозначающей завершённое действие, релевантное на момент вступления соглашения в силу, и модальным глаголом “shall” в сочетании с инфинитивом, выражающим предписание на будущее.

Функционально-семантический спектр глаголов остаётся схожим. Преобладают формальные глаголы (“incorporate”; “provide”; “affect” apply”), дополняемые общеупотребительными глаголами, приобретающими в тексте специальные значения (“agree”; “end” и фразовый глагол “relate to”). Специальные глаголы, характерные для узкопрофессиональных отраслей, в тексте отсутствуют.

Морфосинтаксический анализ употребления глаголов свидетельствует о доминировании в тексте конструкций с предлогами (“shall be/not be incorporated into”; “relating to”; “shall apply between”), хотя почти равную позицию занимает абсолютное употребление глаголов (“has ended/has not ended”; “shall not be affected”). Необходимость использования этой модели заключается в том, что обстоятельства уже установлены и требуется сфокусировать внимание на самом действии или состоянии. Употребление глаголов в абсолютной модели указывает на их высокую семантическую значимость.

Интерес представляет абсолютное употребление глагола “end” с временным номинативом в позиции подлежащего, что контрастирует с его предложным управлением в иных контекстах. Анализ законодательных текстов за последнее десятилетие показывает, что сочетание “period has ended” с обстоятельственными модификаторами фиксируется ограниченно, что

свидетельствует об отсутствии статуса клише, несмотря на наличие устойчивой тенденции к его использованию [Legislation.gov.uk]. Данное наблюдение согласуется со словарной дефиницией, предлагающей широкое абстрактное значение “to finish; to reach a point and go no further” [Oxford Learner’s Dictionary], что предполагает вариативную лексическую сочетаемость.

Ситуация с глаголом “affect” является более сложной в силу его значительного полисемантического потенциала:

affect somebody/something – to produce a change in somebody/something;

affect somebody/something (of a disease) – to attack somebody or a part of the body; to make somebody become ill;

affect somebody [often passive] – to make somebody feel very sad, sorry, etc. about somebody/something;

(formal) to pretend to be feeling or thinking something;

affect something (formal, disapproving) to use or wear something that is intended to impress other people [Oxford Learner’s Dictionary].

Столь разветвлённая семантика, где некоторые из значений обладают ингерентными коннотациями, обуславливается широким спектром лексико-фразеологической сочетаемости. В исследуемом контексте подлежащее (“reference /.../ or other administrative matter”) активизирует номинативное значение глагола.

Таким образом, даже глаголы с богатым полисемантическим потенциалом, попадая в жёсткие рамки специализированного контекста, подвергаются функционально-стилистической переориентации и начинают выполнять функцию сообщения, реализуя только одно из своих значений – специализированное.

В целом, анализ лексико-фразеологической сочетаемости в данном случае, как и в первом тексте, не выявляет устойчивых закономерностей. Тем не менее, один элемент в каждом словосочетании последовательно сохраняет свою специализированную функцию, а большая часть словосочетаний являются клишированными.

Отметим также использование стандартной для международных соглашений придаточной изъяснительной конструкции (“agree that /.../”), вводящей

обязательства сторон, и клишированной глагольно-наречной фразы “provides otherwise”, вводящей исключение из общего правила.

Наречный слой текста предельно сжат и выполняет узкоспециализированные функции. Помимо уже упомянутого “otherwise” в инвертированной формуле, присутствует лишь наречие “yet”, маркирующее незавершённость действия, тем самым подчёркивая актуальность временного параметра для возникновения договорных обязательств.

На синтаксическом уровне отметим в первую очередь характерное для предписывающих текстов параллельное соподчинение, а также наличие придаточных изъяснительных и условных, которые нельзя отнести к конституирующим параметрам исключительно данной разновидности официально-делового функционального стиля.

Анализ предписывающих текстов мы завершим изучением корпоративного устава компании Amazon, представляющего собой административный документ, регламентирующий порядок управления корпорацией:

“At any special meeting of the stockholders, only such business as is specified in the notice of such special meeting given in accordance with subsection 2.4 hereof shall come before such meeting.

At a special meeting of stockholders at which Directors are to be elected pursuant to the notice of meeting given in accordance with subsection 2.4 hereof, nominations for the election of Directors may be made only (a) by or at the direction of the Board or (b) by any stockholder of record entitled to vote for the election of Directors at such meeting who submits a written notice containing the information set forth in subsection 2.5.3 hereof, provided that such notice is received by the Secretary at the corporation’s principal executive office not later than the close of business on the tenth day following the date on which public disclosure of the date of such special meeting is first made.

At any special meeting held on the written demand of stockholders pursuant to subsection 2.2.2 hereof, in addition to any nomination of Directors as set forth in and in accordance with the immediately preceding paragraph, only such other business may be considered as (a) shall be brought before such meeting by or at the direction of the Board,

or (b) shall be stated in the demand, provided that with respect to this clause (b), (i) any such business must be a proper matter for stockholder action under the DGCL, and (ii) the Proposing Stockholder must be entitled to vote on such matter at such meeting” [Nominations and Other Business at Special Meetings. Amended and Restated Bylaws of Amazon.com, INC. 2020].

Терминологический аппарат данного текста демонстрирует высокую степень специализации и отражает сложную систему корпоративных отношений и процедур, характерных для англо-американской правовой традиции. В тексте выделяется пласт таких полилексемных терминов и устойчивых номинаций, как “Proposing stockholder”; “special meeting”; “principal executive office”; “written notice”; “public disclosure”; “close of business”. Все они выполняют функцию юридической квалификации фактов, устанавливая формальные требования и разграничивая компетенции участников корпоративных отношений.

Группа собственно терминов состоит из слов, чьи значения целиком определены правовым контекстом и не сводятся к общеупотребительным (“Stockholders”; “nomination”; “Secretary”; “Corporation”), что демонстрирует иную степень специализации по сравнению с предыдущими текстами.

Параллельно в тексте присутствуют два других лексических пласта – консубстанциональные термины (“meeting”; “election”; “record”; “demands”; “clause”) и общеупотребительные существительные (“information”; “day”; “matter”; “respect”; “date”; “addition”).

Композиционная структура текста отличается клишированностью, о чём свидетельствует анафорический повтор предложной конструкции “at a/any special meeting” в начале каждого абзаца. Она не создаёт строгого синтаксического параллелизма, но выполняет текстоорганизующую функцию, процедурно привязывая каждое правовое условие к собранию акционеров.

Среди словосочетаний с существительными центральное место занимают многочисленные конструкции с предлогом “of”. К ним относятся: “notice of special meeting”; “meeting of stockholders”; “election of Directors”; “direction of the Board”; “written demand of stockholders”; “nomination of Directors”; “stockholder of record”, а

также многокомпонентное сочетание “public disclosure of the date of such special meeting”.

Подавляющее большинство этих словосочетаний представляют собой устойчивые клишированные блоки, что подтверждается их высокой частотностью и идентичным воспроизводством в уставных документах других корпораций как частного, так и публичного сектора [Microsoft bylaws; USA Swimming bylaws]. Примечательным является их отсутствие или статистически незначимое присутствие в таких общих языковых корпусах, как BNC [British National Corpus], что лишний раз подчёркивает их узкоспециальный характер и функциональную привязанность к официально-деловым текстам.

Дальнейший морфосинтаксический анализ существительных позволяет выделить ряд ключевых моделей. Модель «существительное + предлог + дополнение» реализуется в нескольких вариантах, где предлог “for” маркирует целевую направленность (“nominations for the election”; “vote for election”), предлог “on” указывает на объект действия (“vote on such matter”), а предлог “at” обозначает локализацию (“Secretary at the corporation’s principal executive office”). Также присутствует нестандартная модель формирования придаточного определительного предложения (“at which Directors are to be elected”). Синтаксическая структура текста, как и в предыдущих случаях, характеризуется наличием определительных конструкций, асиндетоном, полисиндетоном и сложноподчиненных предложений.

Референциальная система представляет собой сложный механизм, создающий эффект гипертекста. Анализ выявляет анафорические ссылки, реализуемые через указательное местоимение “such”, через нумерацию положений (“subsection 2.4”) и указание на внешние регуляторы (“under the DGCL”). Сюда же можно отнести архаичный вариант референции через конструкцию “the said”, эквивалентную “aforementioned”.

Количество прилагательных в тексте остаётся незначительным, что соответствует результатам предшествующего анализа. Каждое прилагательное является ограничивающим и лишённым градационных характеристик.

Прилагательное “written” использовано в тексте дважды. В первом случае (“written notice”) оно является частью полилексемного термина, означающего уведомление, соответствующее строго установленной форме. Нарушение этой формы может повлечь недействительность самого действия. Во втором случае (“written demand”) оно функционирует более автономно, однако его семантика сужается до значения «в форме письма или документа и потому официально». Все иные значения прилагательного исключаются, соответствующая лексическая сочетаемость отсутствует.

Прилагательные “other” и “proper” функционируют аналогично их использованию в предыдущих текстах, что подтверждает их статус официально-деловых клише. Прилагательное “other” в атрибутивном словосочетании “other business”, как и в “other administrative matter”, указывает на открытый перечень, распространяя действие нормы на любые не перечисленные элементы того же класса и предотвращая необходимость исчерпывающего перечисления. Прилагательное “proper” в словосочетании “proper matter” выступает в качестве ограничителя, сужающего круг рассматриваемых вопросов теми, которые прямо допустимы материальным правом.

Прилагательное “preceding” реализует временную и референциальную функцию, ограничивая ссылку непосредственно предшествующим абзацем или пунктом. Это обеспечивает точность правовых ссылок и исключает возможность расширительного или ошибочного толкования. Как и все прилагательные в тексте, оно является относительным.

Анализ глаголов выявляет доминирование пассивного залога, наличие модальных глаголов (“shall” и “may”), которые сохраняют императивно-разрешительную функцию, выступая маркерами обязательности и допустимости. Наблюдается частое использование неличных форм, прежде всего инфинитивных конструкций (“are to be elected”), подчеркивающих предписанный порядок действий. Как и в иных правовых текстах, здесь отсутствуют сложные видо-временные формы и формы наклонения, что подтверждает неизменность и вневременной характер норм. Таким образом, морфология глаголов в уставе,

сохраняя общие черты юридической речи, адаптирована под задачи регуляции корпоративных отношений через усиление процедурной жёсткости и формальной предсказуемости.

С точки зрения функционально-семантических групп сохраняются характерные черты глаголов. Первую группу представляют общеупотребительные глаголы, причём здесь встречаются базовые глагольные единицы английского языка: “come”; “make”; “bring”; “state”; “contain”; “follow”. Другую, наиболее обширную, группу представляют формальные глаголы: “specify”; “submit”; “receive”; “hold”; “set forth”; “entitle”; “provide”; “consider”. Гораздо меньше в тексте специальных глаголов: “elect”; “vote”.

Наиболее употребительные модели — это глагол с предложным дополнением (is specified in”; “set forth in”; “is received by”; “held on”; “may be considered as”; “shall be stated in”), с альтернативным предложным дополнением (“may be made by or at/by”) и с обстоятельством (“shall come before”; “shall be brought before” + “by or at”).

Другую группу образует употребление глаголов с прямым дополнением, которое также демонстрирует преобладание комплетивных, хотя и более тесных, связей: “submits a written notice”; “containing the information”; “following the date”; “must be a proper matter”. В тексте зафиксировано четыре таких употребления, что говорит о закономерном характере воспроизведения комплетивных синтаксических связей в предписывающих текстах.

В тексте встречаются и другие, менее частотные модели, например, конструкции с инфинитивом, где за инфинитивом следует предложное дополнение или обстоятельство: “are to be elected pursuant to”; “must be entitled to vote on”.

Ряд глагольных сочетаний выполняет роль связующих элементов, чья семантика сужена до функций логико-юридической связи (“as is specified in”; “as set forth in”; “are to be elected pursuant to”). Также в тексте встречаются и специализированные процедурные формулы, где глаголы в сочетании с дополнениями образуют неразрывные единства с уникальным правовым значением

(“to submit a written notice”; “business shall come before the meeting”; “shall be stated in the demand”).

Наречный слой текста предельно сужен и представлен исключительно специализированными элементами: четырёхкратным употреблением формального наречия “hereof” в клишированных контекстах ссылок на пункты устава и однократным использованием наречия “immediately”, уточняющего временные параметры в атрибутивном словосочетании “preceding paragraph”.

Несмотря на принадлежность к различным тематическим сферам, подстилям и жанрам, представленные тексты обнаруживают системное единство понятийно-языковых характеристик, что обусловлено их общей целью – установление обязательных для исполнения норм, правил и процедур. Каждый текст выступает инструментом юридически безупречного волеизъявления: первый – законодательной власти, второй – суверенных государств, третий – руководящего органа корпорации.

Выявленные понятийно-языковые параметры позволяют объединить данные тексты в единую предписывающую разновидность официально-делового функционального стиля, которая является носителем его полной инвариантной основы, связанной с реализацией функции сообщения и проявляющейся в определённых характеристиках.

Клишированность и стандартизированность. Тексты конструируются путем комбинации воспроизводимых блоков, что исключает синонимию и полисемию, обеспечивая семантическую стабильность, необходимую для реализации функции сообщения. Это проявляется в устойчивых номинациях, фиксированном наборе предикатов и строго ограниченном наборе моделей сочетаемости. Референциальные механизмы (дейксис, анафора) также функционируют как часть этой стандартизации, обеспечивая смысловую самодостаточность документа.

Функционально ограниченное употребление прилагательных и наречий, что исключает экспрессивность и субъективность, присущие другим функциям языка. Немногочисленные прилагательные выполняют исключительно инструментальную, ограничительную функцию. Являясь относительными, они

лишены как экспрессии, так и градационного потенциала, формируя классификационные оппозиции или выступая в роли логических ограничителей. Наречия представлены единичными случаями и являются обязательными компонентами клишированных формул.

Доминирование предложного управления. Предложное управление выступает основным способом построения смысловых связей. Модель «существительное + of + существительное» служит для выстраивания четких иерархических понятий. Для глаголов предложное управление является ключевым механизмом детализации условий, агентов и целей действия, обеспечивая смысловую полноту правовой нормы.

Семантика глаголов: констатация и предписание. Глаголы выполняют статусно-констатирующую функцию. Семантическое ядро составляют операторы установления нормы и глаголы формальной идентификации. Их значение предельно сужено и лишено процессуальности, выступая элементом клишированной формулы, фиксирующей правовой факт или неизменный порядок.

Синтаксическая организация. На синтаксическом уровне преобладают конструкции с полисиндетоном и асиндетоном, причастными оборотами, придаточными определительными, сложноподчиненные предложения с параллельным соподчинением, реализующие задачу декларативности. Это обуславливает минимизацию суждений, выражающих причинно-следственные связи, в пользу констатации иерархических и классификационных отношений.

3.4. Второй уровень: описывающие официально-деловые тексты

К следующей разновидности официально-деловых текстов относятся тексты описывающего характера. Будучи производными от полной инвариантной основы, наиболее ярко выраженной в предписывающих текстах, они сохраняют все её ключевые характеристики, но дополняют их набором вариативных признаков, адаптирующих язык к задачам фиксации и анализа. В отличие от предписывающих текстов, ключевая функция которых заключается в установлении норм и правил,

основная цель описывающих официально-деловых текстов состоит в объективной фиксации, документированию и передаче информации о событиях, фактах, состояниях, решениях или процессах, так или иначе связанных со сферой нормативного регулирования. Однако описывающие официально-деловые тексты всегда оперируют понятиями, которые изначально заданы в предписывающих и дефиниционных текстах.

С жанровой точки зрения данная категория отличается значительным разнообразием. К ней относятся такие документы, как официально-деловые отчёты (нередко включающие элементы анализа и интерпретации данных), протоколы заседаний, справки, заключения экспертов, служебные характеристики, биографии и другие.

Описывающие официально-деловые тексты сохраняют ряд общих черт с предписывающими, что обусловлено их общей инвариантной основой как разновидностей официально-деловых текстов. Для них ожидаемо характерна терминологическая насыщенность – это прямая реализация функции сообщения как инвариантной для данного функционального стиля. Однако лексический состав демонстрирует заметный сдвиг в сторону общеупотребительной лексики и допускает большую вариативность и гибкость употребления, что является вариативным признаком, вызванным необходимостью описывать конкретные, часто уникальные обстоятельства. Степень клишированности таких текстов, как правило, ниже, чем у предписывающих, поскольку они в большей мере ориентированы на отражение уникальной ситуации или совокупности фактов.

Рассматриваемый текст, который представляет собой фрагмент аналитического отчёта Совета управляющих Федеральной резервной системы, посвящённый политике зарубежных центральных банков в условиях инфляционного давления, служит характерным примером описывающей разновидности официально-деловых текстов:

“In response to persistent inflationary pressures, foreign central banks—especially those in AFEs—raised policy rates expeditiously. Some also started reducing, or laid out plans to reduce, the size of their balance sheets. In light of the cumulative increase in

policy rates and signs that inflation is easing, many foreign central banks have in recent months slowed the pace of their policy rate increases, signaled that such a slowing is coming, or paused policy rate hikes to take stock of the effects of policy tightening thus far on their economies. Even so, most foreign central banks have communicated that they would maintain sufficiently restrictive policy stances to lower inflation to target.

The European Central Bank has communicated its intention to continue raising its policy rate, citing strong underlying price pressures, while the Bank of England has signaled additional tightening will be warranted if inflationary pressures, especially from the labor market, prove more persistent than anticipated. Both these central banks have indicated that future policy decisions depend on realized progress toward their inflation goals. In January, the Bank of Canada conveyed that it was pausing policy rate hikes to assess the effect of the cumulative rise in interest rates on inflation and the economy. That said, the Bank of Canada also warned that it stood ready to raise its policy rate further if needed to lower inflation to its 2 percent target. In contrast to other foreign central banks, and notwithstanding a widening of the trading band on 10-year Japanese government bond yields, the Bank of Japan reaffirmed that it intends to maintain accommodative monetary conditions “as long as it is necessary” to achieve its 2 percent inflation target, including by conducting further asset purchases.

Within EMEs, the Central Bank of Brazil has left its policy rate unchanged since the middle of 2022 but recently indicated that it will resume tightening the stance of policy if reductions in inflation do not progress as expected. Other EME central banks, including the Bank of Mexico and Reserve Bank of India, have conveyed the possibility of further rate increases given still-elevated core inflation” [...leading many foreign central banks to continue tightening monetary policy. Monetary Policy Report, March 2023].

Прагматическая установка анализируемого текста принципиально отличается от целеполагания предписывающих официально-деловых текстов. Вместо нормативного установления правил он выполняет функцию информирования, анализа и описания сложившейся экономической конъюнктуры и ответных мер ключевых институтов. Это различие в коммуникативном намерении непосредственно определяет его лингвистическую организацию,

которая при сохранении инвариантных черт официально-делового функционального стиля приобретает новые, вариативные характеристики.

Текст демонстрирует более низкий уровень клишированности. В то же время он, безусловно, оперирует высокостандартизированным терминологическим аппаратом, характерным для макроэкономического анализа и центрального банкинга.

Прежде всего следует отметить высокую концентрацию полилексемных терминологических единиц, реализующих функцию сообщения. В тексте чётко выделяются несколько ключевых групп такой лексики. Во-первых, это институциональные номинации, обеспечивающие однозначную идентификацию субъектов монетарной политики (“central banks”; “The European Central Bank”; “Bank of Brazil”; “Bank of Canada”; “Reserve Bank of India”; “Bank of Mexico”). Их значение является фиксированным и не зависящим от контекста. В эту же группу входят акронимы групп стран: “AFEs” (Advanced Foreign Economics) и “EMEs” (Emerging Market Economies). Во-вторых, обширный пласт полилексемных терминов составляют экономические термины, которые формируют концептуальный каркас текста, описывая ключевые инструменты и показатели экономической политики: “the labor market”; “policy rate”; “interest rate”; “balance sheet”; “core inflation”.

Помимо полилексемных терминов, смысловую основу текста формируют консубстанциональные термины, к которым относятся: “rates”; “increase”; “stock”; “policy”; “asset”; “inflation”; “economies”; “price”.

Ключевой же особенностью существительных, отличающей данный текст от предписывающих, является значительное возрастание доли и функциональной нагрузки общеупотребительной лексики, используемой для пояснения, квалификации и обеспечения логической связности текста. К этой категории относятся следующие лексические единицы: “pressure”; “response”; “signs”; “months”; “pace”; “hikes”; “effects”; “stances”; “intention”; “decision”; “progress”; “goals”; “rise”; “interest”; “target”; “contrast”; “bond”; “middle”; “reduction”; “possibility”; “increase”; “core”. Особую группу составляет пара антонимичных

отглагольных существительных (“tightening” и “widening”), которые относятся к общеупотребительным, но в данном контексте служат для обозначения экономических процессов. Сказанное свидетельствует о расширении репертуара средств, реализующих функцию сообщения.

Количество узкоспециальных терминов, не имеющих широкого хождения за пределами профессионального поля, в тексте незначительно (“trading”; “government”; “yield”). Примечательно, что даже они, как правило, полисемантичны в рамках своей профессиональной сферы.

В тексте используются стандартные логические связки и вводные конструкции (“in response to”; “in light of”; “even so”; “in contrast to”), которые организуют аргументацию, расставляя смысловые акценты и выражая причинно-следственные связи и контрастные отношения, реализуя функцию общения. Общая синтаксическая структура текста не подчинена формальному шаблону. Напротив, синтаксис здесь более гибкий, вариативный и подчинён логике развертывания аналитической мысли. По сравнению с предписывающими текстами существенно возрастает число придаточных изъяснительных и пропорционально уменьшается число полисиндетонных, асиндетонных и определительных конструкций, а также сложноподчиненных предложений с параллельным соподчинением.

Лексико-фразеологическая и морфосинтаксическая организация анализируемого текста, несмотря на его описывающий характер, сохраняет высокую плотность номинации, что является инвариантной чертой официально-делового функционального стиля. Это проявляется в активном использовании предложно-именных конструкций с предлогом “of”: “size of their balance sheet”; “pace of their policy rate increases”; “effects of policy tightening”; “effect of cumulative rise”; “widening of the trading band”; “middle of 2022”; “stance of policy”; “possibility of further rate increases”; “trading band of 10-year Japanese government bond yields”.

Однако в отличие от предписывающих текстов, где подобные конструкции выполняют терминообразующую и классифицирующую функцию, создавая иерархически организованные понятия, в данном тексте их роль принципиально иная. Здесь они служат инструментом для анализа динамических процессов и

указания на их взаимосвязанные характеристики. Конструкции с “of” позволяют отразить в тексте компоненты сложных экономических явлений и их связи.

При ближайшем рассмотрении становится видно, что в подавляющем большинстве случаев как минимум один элемент в таких конструкциях является специальным. Исключением, пожалуй, являются два случая, специализация которых является не лексической, а сугубо контекстуальной: “middle of 2022” и “effect of the cumulative rise”. Временное обозначение приобретает значимость не как календарная дата, а как временной ориентир для отсчёта изменений в монетарной политике Бразилии. Второе словосочетание специализируется через последующее уточнение “in interest rates”.

Наиболее клишированным является сочетание “size of (balance sheet)”. Его высокая степень стандартизации подтверждается эмпирическими данными. В схожем отчёте за февраль 2022 г. зафиксировано 17 случаев употребления конструкции “size of”, из которых 14 были непосредственно связаны с термином “balance sheet” [Monetary Policy Report 2022]. Это позволяет классифицировать данное словосочетание как устойчивое для обсуждения монетарной политики, в частности, количественного смягчения или ужесточения.

Существительное “rise” демонстрирует иной характер использования. При высокой частотности (36 случаев) оно отличается значительным разнообразием сочетаемости, выступая не только с экономическими, но и с временными показателями.

Сочетание “stance of policy” также обладает относительно высокой степенью клишированности, однако чаще оно употребляется с атрибутивным словосочетанием “monetary policy” (7 случаев), что является его канонической, наиболее устоявшейся формой.

Весьма показательным является отсутствие в отчёте за 2022 г. таких единиц, как “widening”, “possibility” и “trading band”. Это свидетельствует о том, что их появление в текущем анализе является контекстуально обусловленным и связано с уникальными событиями конкретного периода, а не с общеупотребительным аналитическим инструментарием.

Это наблюдение приводит нас к осознанию следующего важного отличия данного текста от предписывающих, которое лишь подразумевалось в исходном анализе, но нуждается в явной формулировке – возрастание роли и вариативности других предлогов, которые выполняют разнообразные функции.

Предлог “in” выполняет полифункциональную роль, определяя обстоятельственные рамки процесса. Он указывает на временной контекст (“in recent months”; “in January”). Одновременно он обозначает сферу, в которой происходит изменение (“cumulative increase in policy rates”; “cumulative rise in interest rates”; “reductions in inflation), где второй элемент конструкции неизменно является специальным. Предлог “within” функционально близок к нему, указывая на нахождение внутри определенной категории или группы (“within EMEs”) и задавая классификационные границы.

Предлог “on” выполняет более узкую, но критически важную роль определения объекта воздействия: “widening of the trading band on 10-year Japanese government bond yields”; “policy tightening (thus far) on their economies”; “cumulative rise in interest rates on inflation and the economy”.

Иные предлоги, встречающиеся единично, реализуют специфическую семантику. Например, предлог “from” служит для идентификации источника или происхождения. Он выстраивает причинно-следственные связи (“pressures from the labor market”), в то время как предлог “toward” вносит семантику развития и целеполагания, описывая процесс достижения цели (“progress toward their inflation goals”).

Ни одно из этих словосочетаний не является нейтральным с функционально-стилистической точки зрения и не реализует функции общения. Общеупотребительный первый компонент, выступая в роли родового понятия, подвергается функционально-стилистической переориентации и специализируется через связь со вторым специальным компонентом. Это отличает текст от предписывающих, где функционально-стилистическая переориентация в сторону передачи специального неэмоционального содержания происходит опосредованно,

через дополнительные предложные конструкции. Обе тенденции соотносятся с реализацией функции сообщения.

Отличия в употреблении нестойких сложных слов также очевидны. Эти субстантивные единицы не являются полилексемными терминами, что подтверждается их отсутствием в специализированных словарях и является одним из наиболее ярких отличий данного текста от предписывающих. Такие конструкции, как “policy rate hikes”; “policy tightening”; “policy stances”; “price pressures”; “policy decisions”; “inflation goals”; “percent target”; “percent inflation target”; “trading band”; “bond yield”; “asset purchases”; “rate increases”, формируются путём соединения общеупотребительных или консубстанциональных терминов с другими специальными существительными, создавая при этом новые смысловые единства. Функционально эти элементы соотносятся с функцией сообщения, но степень их терминологизации отлична от той, что характеризует предписывающие тексты.

Особый интерес в рамках этих словосочетаний представляет семантика существительного “hike”. Наблюдаются существенные разночтения в трактовке его значения авторитетными лексикографическими источниками. Так, в Oxford Learner’s Dictionary и Collins Dictionary специальное значение, связанное с резким повышением финансовых показателей, маркируется как “informal”. В Merriam-Webster Dictionary предлагается более абстрактное определение – “an increase especially in quantity or amount” [Merriam-Webster Dictionary], в то время как в Cambridge dictionary вообще не фиксируется подобное значение [Collins Dictionary]. Однако в профессиональном контексте аналитического отчёта это слово подвергается функционально-стилистической переориентации, приобретая квазитерминологический и одновременно экспрессивный статус. Этот пример можно трактовать как крайне редкий для официально-делового стиля случай реализации четвертой функции языка – когнитивно-эмотивной.

Вероятно, авторы текста сознательно выбирают именно это слово по причине его семантической ёмкости и коммуникативной эффективности. Оно передаёт значение решительного повышения. Наиболее показательное употребление этого

существительного раскрывается в противопоставлении с его синонимом “increase”, что полностью обусловлено лексической сочетаемостью и логикой развёртывания аналитического повествования.

Данное противопоставление находит последовательное морфосинтаксическое и лексико-фразеологическое выражение. Во вводном абзаце, где речь идёт о совокупном, обобщённом росте, используется развёрнутая описательная предложная конструкция “cumulative increase in policy rates”. В последующих абзацах при переходе к обсуждению конкретных, частных мер применяется трезкомпонентное нестойкое сложное слово “policy rate hikes”. Первая конструкция ориентирована на описание процесса и его параметров, вторая – на номинацию события как целостного и завершённого факта.

Контекстуальное употребление существительного “hike” отличается крайне низкой вариативностью. Оно используется исключительно в составе специального словосочетания “policy rate hikes” в роли дополнения к глаголу “pause”, что формирует устойчивый комплекс, обозначающий приостановку активной фазы «ужесточения» монетарной политики.

Анализ частотности употребления нестойких сложных слов в отчётах Федеральной резервной системы США за 2019 – 2024 годы (отчеты выпускаются дважды в год) позволяет выявить определенные закономерности [Monetary Policy Report]. Наиболее устойчивыми и частотными оказались сочетания, связанные с ключевыми индикаторами и базовыми процессами: “bond yield” (~ 75 вхождений) и “policy decisions” (~ 40 вхождений). Стабильно высокую частоту демонстрирует “asset purchase” (~ 20 вхождений). Употребление таких более контекстуально зависимых сочетаний, как “policy stance” (~ 10 вхождений) и “price pressure” (~ 15 вхождений), варьируется в зависимости от актуальной экономической проблематики. Наименьшую частоту демонстрируют собственно “policy rate hikes” и “rate increase” (~ 5 вхождений каждый), при этом в качестве родового термина чаще используется сложное слово “interest rate”.

С общеязыковой точки зрения данные нестойкие сложные слова выполняют номинативную и классифицирующую функцию, характерную для официально-

делового функционального стиля. Однако между ними и традиционными конструкциями с предлогом “of” существует принципиальное различие. Рассматриваемые нестойкие сложные слова демонстрируют качественно иную степень синтаксической компактности и лексико-фразеологической специализации, связанных с глобальностью номинации. Эта повышенная компактность выражения не приводит к семантической изоляции. Напротив, она способствует большей точности.

Ключевое функциональное отличие заключается в том, что в описывающих официально-деловых текстах подобные конструкции выполняют динамическую роль оперативного конструирования сложных категорий для точного описания конкретных ситуаций. Они позволяют объединить несколько смысловых блоков в цельное, легко воспринимаемое понятие. Ярким примером служит предельно компактное выражение “2 percent inflation target”, семантически эквивалентное более громоздкой конструкции “a target which is set at the level of two percent for inflation”.

Анализ атрибутивных связей в тексте выявляет их углубление через использование разветвлённой системы прилагательных, что представляет собой один из ключевых дифференцирующих признаков описывающих официально-деловых текстов по сравнению с предписывающими.

Количественный анализ подтверждает существенное возрастание роли прилагательных. Их общее количество примерно втрое превышает соответствующий показатель в предписывающих текстах. Плотность употребления достигает 2-4 прилагательных на предложение, при этом наблюдаются частые повторы, усиливающие смысловые акценты и обеспечивающие терминологическую связность.

С концептуальной точки зрения все прилагательные текста могут быть разделены на ограничивающие, используемые преимущественно в атрибутивных конструкциях (“inflationary”; “cumulative”; “monetary”; “Japanese”), и описательные, несущие качественную и в некотором смысле оценочную нагрузку (“persistent”; “strong underlying”; “more persistent”; “additional”; “future”;

“restrictive”; “accommodative”; “still-elevated”), что позволяет соотнести их использование с реализацией функции воздействия, которая, безусловно, для данной разновидности официально-деловых текстов является эпизодической. Примечательно, что собственно специальными могут быть названы лишь немногие прилагательные (“monetary”; “inflationary”; “accommodative”).

Семантический спектр прилагательных структурируется вокруг нескольких функций квалификации. Прилагательные интенсивности и устойчивости переводят абстрактные понятия в плоскость конкретной оценки (“persistent inflationary pressures”; “strong underlying price pressures”; “still-elevated core inflation”; “cumulative increase/rise”). Прилагательные временной соотнесенности выстраивают хронологию повествования, указывая на позицию события на временной оси и обозначая вектор или объем предстоящих шагов (“recent months”; “future policy decisions”; “unchanged policy rate”; “further asset purchases”; “additional tightening”). Прилагательные, определяющие режим фундаментальной стратегии, показывают саму суть подхода центрального банка к управлению экономикой (“restrictive policy stances”; “accommodative monetary conditions”). Дополняют картину прилагательные пространственно-институциональной отнесенности (“foreign central banks”; “Japanese government bond yields”), обеспечивая географическую и институциональную ясность в глобальном контексте, и квалификаторы состояния (“as expected”; “stood ready”), вводящие элементы оценки реальности против прогнозов или готовности к действию.

Морфосинтаксическое поведение прилагательных демонстрирует относительную гибкость. Абсолютно доминирует атрибутивная модель. Однако встречается и предикативное использование с применением сравнительной степени, вводящее динамическую оценку и акцентирующее соотношение между фактическим развитием событий и прогнозируемым сценарием. Использование сложного прилагательного “still-elevated” является ярким примером языковой экономии, позволяя в одном слове зафиксировать и состояние, и его временную устойчивость.

Проведенный анализ выявляет избирательный характер специализации языковых единиц в тексте. Не все атрибутивные словосочетания обладают одинаковой степенью специализированности. Относительно нейтральными остаются конструкции типа “recent months” и “additional tightening”.

Глагольная система текста показывает сложное взаимодействие морфологического варьирования и повторяемости, служащее для передачи специального неэмоционального содержания. Появляется баланс между клишированностью и вариативностью. С одной стороны, используются стандартные грамматические формы (перфектные конструкции и модальные комплексы), с другой – значительное лексическое разнообразие смысловых глаголов (31 слово при 35 вхождении), что может указывать на сознательное избегание чрезмерной повторяемости. Наиболее частотные глаголы образуют смысловые узлы, вокруг которых выстраивается аргументация.

Функционально-семантическая классификация глаголов выявляет три основные группы. Как и в предписывающих текстах, здесь сохраняется большая группа формальных глаголов (“signal”; “communicate”; “cite”; “warrant”; “anticipate”; “indicate”; “convey”; “reaffirm”; “intend”; “conduct”; “resume”), среди которых отчётливо выделяется группа синонимов с общим значением «передача информации». В контексте официально-деловых заявлений центральных банков эти глаголы могут выступать как ситуативные синонимы, однако между ними существуют важные смысловые отличия, которые определяют их выбор. Например, “signal” предполагает косвенное указание на возможные будущие действия, что соответствует одному из значений “to be a sign that something exists or is likely to happen” и согласуется с контекстом (“slowed the pace of their policy rate increases, signaled that such a slowing is coming”). Лексико-фразеологическая сочетаемость также исключает другие значения. Глагол “communicate” обозначает прямую передачу информации, поэтому в данном случае мы говорим скорее не о синонимии, а о тематической группе соответствующих глаголов.

Значительно возрастает состав группы общеупотребительных глаголов, становящихся полноценными участниками передачи смысла, а не

преимущественно связками (“start”; “lay out”; “depend on”; “have”; “slow”; “come”; “continue”; “pause”; “take”; “maintain”; “lower”; “realize”; “assess”; “say”; “warn”; “need”; “achieve”; “include”; “leave”; “progress”).

Среди специальных глаголов выделяются следующие: “raise”; “reduce”; “ease”, характеризующие основные направления монетарной политики. Между “ease” и “reduce” также существует синонимия, однако их употребление различается по степени интенсивности в сфере применения. Глагол “ease” относится к смягчению монетарной политики в целом (“cumulative increase in policy rates and signs that inflation is easing”), в то время как “reduce” описывает конкретные операции по сокращению показателей (“started reducing the size of their balance sheet”). К группе специальных глаголов можно отнести и некоторые общеупотребительные (“lower” и “slow”).

Распределение глаголов по морфосинтаксическим группам представляет собой несколько более сложную задачу ввиду вариативности текста. Тем не менее в тексте можно выявить несколько регулярно воспроизводимых моделей с глаголами. Наиболее представительной группой являются конструкции с прямым дополнением, где в роли дополнения регулярно выступают сложные атрибутивные комплексы: “slowed the pace”; “paused policy rate hikes”; “would maintain (sufficiently) restrictive policy stances”; “to lower inflation”; “has communicated its intention”; “citing strong underlying price pressures”; “has signaled additional tightening”; “was pausing policy rate hikes”; “to assess the effect”; “to raise its policy rate”; “has left its policy rate (unchanged)”; “will resume tightening”; “have conveyed the possibility”; “including the Bank of Mexico”; “to achieve its 2 percent inflation target”.

Во вторую значимую группу входят конструкции, образованные по модели «глагол + герундий + прямое дополнение» и «глагол + инфинитив + прямое дополнение»: “started reducing (or laid out plans to reduce) plans”; “to continue raising its policy rate”; “needed to lower inflation to”; “intends to maintain accommodative monetary policy”.

Третью группу составляют глаголы, за которыми следуют придаточные изъяснительные: “signaled that /.../”; “have communicated that /.../”; “have indicated that /.../”; “conveyed that /.../”; “warned that /.../”; “reaffirmed that /.../”; “indicated that /.../”. В этой модели наблюдается употребление глаголов со значением передачи информации.

Особого внимания заслуживает наличие гибридных конструкций, сочетающих несколько моделей, например, “including by conducting further asset purchases” или “will be warranted if /.../”. Эпизодически встречаются такие конструкции, как “inflation is easing”; “slowing is coming”; “paused policy rate hikes to take stock”; “to lower inflation to target”; “prove more persistent than anticipated”; “depend on realized progress”.

Поскольку некоторые глаголы используются в разных моделях (например, “communicated that” и “communicated its intention to”), при анализе передачи ими типа понятийного содержания следует обращать внимание на лексико-фразеологические связи рассматриваемых глаголов.

Особыми чертами данного текста на этом уровне являются усложнение регулярно воспроизводимых конструкций, хотя их количество остается в пределах инвариантной основы; увеличение количества эпизодических морфосинтаксических проявлений; и, что не менее важно, доминирование более тесных комплетивных связей, где используется дополнение без предлога.

Передача специального неэмоционального содержания специальными и формальными глаголами не вызывает сомнений, за исключением некоторой вариативности (например, “have communicated that /.../” и “has communicated its intention”). Гораздо актуальнее в этом плане рассмотреть функционирование общеупотребительных глаголов, особенно в свете наличия в тексте базовых глагольных единиц английского языка, отличающихся широкой полисемией.

Глаголы в значительной мере не реализуют большинства своих привычных прямых значений и приобретают узкоспециальный оттенок. Такие глаголы, как “slow” (“slowed”); “pause” (“paused”; “was pausing”); “maintain” (“would maintain”; “to maintain”); “leave” (“left”); “progress” (“do not progress as expected”); come (“is

coming”); “start” (“started reducing /.../ the size of their balance sheet”), употребляются для отражения динамики экономических показателей. Другие используются в составе клишированных словосочетаний: “to lay out plans”; “to take stock”; “depend on”; “assess the effect”; “to achieve (target)”.

Анализ наречий в данном тексте завершает картину различий между описывающими и предписывающими официально-деловыми текстами. Если в предписывающих официально-деловых текстах наречия практически отсутствовали, то здесь они являются важным инструментом квалификации действий.

Ключевой группой являются наречия образа действия, которые выступают в роли определений к глаголам, придавая им качественную или количественную характеристику: например, наречие “expeditiously” в постпозиции в конструкции “raised policy rates expeditiously”, а также наречие “further” в “raise its policy rate further”. Повторяемость последнего превращает его в важный маркер продолжающегося процесса.

Другая важная категория – это временные наречия, служащие для точного позиционирования действий во времени относительно момента высказывания. Устойчивая наречная фраза “thus far” выполняет функцию подведения промежуточного итога, ограничивая временной период анализа и создавая точку отсчёта для оценки эффективности. Сюда же можно отнести наречие “recently” (“but recently indicated”), которое выполняет функцию точного временного позиционирования, указывая на самый последний поворот в политике. Эти наречия не несут специальной терминологической нагрузки, а выполняют функцию ориентации читателя во временной шкале, что является проявлением функции общения.

Особую роль играет усилительное наречие, которое вносит в текст элемент квалификации. Наречие “especially” в “especially those in AFEs” и “especially from the labor market” фокусируется на выделении наиболее релевантных элементов.

Проведённый анализ фрагмента отчёта Федеральной резервной системы США позволил выявить ключевые понятийно-языковые характеристики

описывающей разновидности официально-деловых текстов по сравнению с текстами предписывающими, одновременно подтвердив предположения об инвариантной основе официально-делового функционального стиля в целом. Анализ следующего текста, посвящённого вопросам трудовых отношений и прав профсоюзов Великобритании, подтверждает общую гипотезу о сохранении в описывающих текстах инвариантной основы официально-делового функционального стиля при наличии вариативных характеристик:

“The Advisory, Conciliation, and Arbitration Service (ACAS), primarily funded by the Department for Business, Energy, and Industrial Strategy, works to help employees and employers better adhere to collective bargaining and other workplace laws and to improve workplace relationships. It provides free advice to employers, employees, and their representatives, as well as dispute resolution services. If ACAS is not able to settle a dispute, a claim may be made for unfair dismissal and interim relief.

In its September submission to an International Labor Organization (ILO) committee of experts, the Trades Union Congress (TUC) detailed recent government actions that allegedly infringe upon rights due to trade unions under ILO conventions. Chief among these were implementing additional powers for the certification officer (office responsible for statutory functions relating to trade unions and employers' associations) without further consultation; introducing legislation that allows employment businesses to supply agency workers to replace workers taking industrial action in nonessential sectors; and quadrupling to £1 million the maximum damages that an employer can seek if a union's industrial action violates the law regarding industrial action.

The TUC alleged failure by the government to protect the rights of 786 seafarers to collectively bargain when they were summarily dismissed in March and replaced by foreign agency workers who were paid less than the national minimum wage by leading UK ferry operator, P&O Ferries. The company gave no prior notice and failed to offer consultations to the government or to the seafarers' unions before the dismissals took effect, despite the requirements that it do so under statute and under its collective agreements with the unions. At a joint meeting of the House of Commons transport and

business select committee, the company's chief executive acknowledged it had a statutory duty to consult the unions but did not do so. P&O Ferries offered the dismissed seafarers enhanced redundancy packages which included compensation packages for its failure to consult, unfair dismissal, and other actions. The settlement agreement barred the workers from starting claims in an employment tribunal. The country's Insolvency Service determined that P&O Ferries would not face criminal proceedings because there was no realistic prospect of a conviction. This decision, according to TUC, suggests legislation is insufficient to deter antiunion discrimination because it allows employers to pay required compensation and dismiss any worker for being a union member with better terms and conditions under a collective agreement" [Worker Rights. Freedom of Association and the Right to Collective Bargaining. Country Reports on Human Rights Practices: United Kingdom, 2022].

Анализом отрывка подтверждается общая модель лексической организации официально-делового текста, которая заключается в его разделении на три структурно-семантических уровня. Первый уровень составляют полилексемные термины, формирующие нормативно-правовую основу документа. ("Advisory, Conciliation, and Arbitration Service (ACAS)"; "collective bargaining"; "unfair dismissal"; "interim relief"; "redundancy packages"; "compensation packages"; "employment tribunal"; "criminal proceedings"; "collective agreements"; "terms and conditions"; "certification officer"). Второй уровень представлен консубстанциональными терминами ("law"; "rights"; "powers"; "committee"; "businesses"; "workers"; "sectors"; "damages"; "company"; "notice"; "duty"; "settlement"; "agreements"; "conviction"; "discrimination"; "compensation"). Третий уровень включает общеупотребительные лексические единицы ("relationships"; "advice"; "experts"; "actions"; "functions"; "failure"; "transport"; "prospect"; "decision"; "member").

Если в экономическом тексте доминировали номинации процессов и показателей, то здесь абсолютно преобладают институциональные и процедурные номинации. На первый план выходят наименования органов власти, организаций и юридических процедур.

На уровне существительных наблюдается контекстуальная синонимия, которая служит обеспечению конкретики. Ярче всего это проявляется в группе номинаций, обозначающих «работников». Вместо повторения одного термина используется ряд семантически близких, но не тождественных понятий: “employees” – наемные работники, состоящие в прямых договорных отношениях с работодателем (“employer”), “workers” – более широкий термин, обозначающий всех лиц наемного труда, включая тех, кто работает на иных основаниях, и “union member” – работник, обладающий статусом члена профсоюза.

Анализ структуры текста выявляет схожие черты с предыдущим примером в плане наличия в нем жёсткой логической последовательности и явной причинно-следственной связи, но здесь каждый тезис подкрепляется конкретными правовыми отсылками и фактическими доказательствами. Как и предыдущий, данный текст отличается аргументационной направленностью благодаря наличию причинно-следственных связей (“because”), противопоставлений (“despite”), сопоставлений (“as well as”), придаточных условия и т.д.

Анализ сочетаемости существительных в представленном тексте не только подтверждает вывод о её ключевой роли в обеспечении функционально-стилистического тождества текстов, но и раскрывает важные семантические особенности. Состав и структура предложных конструкций сохраняют формальное сходство с предыдущим текстом, но их семантическая нагрузка претерпевает изменения.

Конструкции с предлогом “of” выражают преимущественно партитивные и атрибутивные отношения, выступая одним из основных средств организации специализированных комплексов: “committee of experts”; “rights of 786 seafarers”; “joint meeting of the House of Commons”; “prospect of a conviction”. При этом, кроме сочетания “right of”, почти ни одно из только что приведенных словосочетаний не повторяется в предыдущих отчётах.

Особенностью данного текста становится усиление правовой семантики в предложных конструкциях. Если в экономическом тексте предлог “of” часто выражал количественные и процессуальные отношения, то здесь он

преимущественно обслуживает юридическую квалификацию и установление правовых связей.

Семантика предложных конструкций в анализируемом тексте выходит за рамки исключительно атрибутивных отношений, формируя сложную систему указания на юрисдикционные и функциональные параметры правового регулирования. Предлог “in” указывает на сферу применения и юрисдикционные границы. Он определяет временную принадлежность (“in its September submission”), устанавливает отраслевые отношения и принадлежность (“industrial action in nonessential sectors”) и обозначает юрисдикционную подведомственность (“starting claims in an employment tribunal”).

Предлог “for” выражает как целевую направленность (“additional powers for the certification officer”), так и причинно-следственные связи в более комплексной конструкции “compensation packages for its failure to consult”. Особую смысловую нагрузку несёт предлог “with” в конструкции “collective agreements with the unions”, подчёркивая взаимный характер обязательств и паритетность отношений между сторонами. Предлог “regarding” вводит тематическую спецификацию правового регулирования (“law regarding industrial action”). Предлог “by” маркирует субъект ответственности и создаёт причинно-следственную связь (“failure by government”). Характерно, что каждая из этих конструкций, включая словосочетание с предлогом “of”, сохраняет обязательное наличие специального элемента, обеспечивающего терминологическую точность высказывания.

Анализируемый текст демонстрирует диалектическое единство стабильности и вариативности. Конструкции с “of” сохраняют свою структурную роль, в то время как другие предлоги демонстрируют расширение своего репертуара и смысловую гибкость.

Параллельно и не с меньшей значимостью функционируют нестойкие сложные лексические единицы. Такие сочетания, как “workplace relationships”; “September submission”; “government actions”; “agency workers”; “settlement agreement”; “antiunion discrimination”, демонстрируют, как первая основа не просто описывает, а существенно сужает и специализирует значение второго

субстантивного элемента, адаптируя его к конкретному правовому контексту. Здесь наблюдается определенная аналогия с конструкциями с притяжательным падежом (“union’s industrial action”; “seafarers’ unions”), которые, с одной стороны, указывают на принадлежность, а с другой – активизируют целый комплекс правовых отношений.

Нестойкие сложные слова выполняют функцию сообщения в той мере, в какой обеспечивают точную номинацию уникальной ситуации, но их неустойчивый, контекстуально обусловленный характер сближает их со средствами функции общения, обеспечивающими гибкость и адаптивность языка.

Данные полилексемные комплексы, как мы убедились на примере предыдущего текста, при всей своей формальной нестойкости демонстрируют высокую степень семантической целостности, что позволяет сохранять баланс между терминологической точностью и необходимой гибкостью выражения в рамках адаптации к описанию уникальных ситуаций. Данные BNC подтверждают, что частотность использования подобных морфологических единств в каждом конкретном случае индивидуальна: “government action” фиксируется 128 раз, “agency worker” – 9 раз, “settlement agreement” и “certification officer” – по 3 раза. При этом остальные комбинации в корпусе не представлены [BNC].

В итоге, сочетаемость существительных в описывающих текстах предстаёт как регламентированная система, где выбор модели диктуется задачами максимальной концептуальной чёткости, смысловой экономии и формальной определенности, что соответствует реализации функции сообщения.

Анализ атрибутивных связей подтверждает ключевой дифференциальный признак описывающих официально-деловых текстов – активное использование прилагательных, – но при этом раскрывает их различную семантическую направленность. Если в экономическом тексте прилагательные выполняли в основном описывающую функцию, измеряя интенсивность и динамику явлений, то здесь доминирует ограничивающая функция, выражающаяся в категоризации. Прилагательные здесь не столько описывают степень проявления признака,

сколько относят объект к определенному классу или категории: “statutory duty”; “industrial action”; “national minimum wage”.

Примечательно, что специальных прилагательных в тексте не так много: “statutory”; “industrial”; “foreign”; “national”. Основную массу составляют общеупотребительные прилагательные: “better”; “other”; “free”; “interim”; “recent”; “additional”; “responsible”; “leading”; “sufficient”; “maximum”. Также есть формальные прилагательный, типа “interim” и “prior”. Наиболее воспроизводимой моделью является атрибутивное словосочетание, где даже нейтральные с общеязыковой точки зрения сочетания (“free advice”; “maximum damages”) служат для передачи специального незэмоционального содержания.

Помимо атрибутивных словосочетаний в тексте активно используются иные модели, в частности предикативные: “is insufficient to deter”; “responsible for”. Данные конструкции регулярно применяются для формулирования выводов, констатации нарушений или описания функций и полномочий (при этом конструкция “responsible for” характерна и для бытовой речи).

Такое разнообразие моделей и их сочетаемости подчёркивает вариативный характер использования прилагательных в описывающих официально-деловых текстах, демонстрируя их способность адаптироваться к различным задачам.

Глагольные системы обоих описывающих официально-деловых текстов демонстрируют высокую степень лексического разнообразия. Для них характерна установка на избежание тавтологии, что проявляется в минимальном количестве прямых повторов смысловых глаголов и в использовании широкого спектра лексических единиц в рамках конкретных предметных областей.

В аспекте морфологии наблюдается схожая ориентация на грамматические средства, обеспечивающие объективность изложения. Оба текста опираются на формы настоящего времени для констатации функций, обязанностей и постоянных процессов; пассивный залог для безличного представления информации; модальные конструкции для выражения возможности, необходимости и условия.

С функционально-семантической точки зрения глаголы в анализируемом тексте образуют чёткую традиционную трёхуровневую иерархию, связанную с

реализацией функции сообщения. Общеязыковые глаголы (“help”; “work”; “improve”; “give”; “had”; “be”; “make”; “detail”; “relate to”; “take”; “fail”; “do”; “include”; “face”) формально сохраняют свои базовые значения и потому могут быть соотнесены с функцией общения, но обретают процессуальную семантику. Например, “give no prior notice” описывает не бытовое действие, а юридически значимое нарушение процедуры, а “fail to offer consultations” становится специализированным обозначением процессуального упущения.

Формальные глаголы составляют смысловое ядро текста, непосредственно выражая властные полномочия, правовые нормы и процедуры (“provide”; “detail”; “implement”; “introduce”; “allow”; “allege”; “acknowledge”; “determine”; “bar”; “suggest”). Их функция заключается в передаче действий институтов и сторон в рамках установленных регламентов.

Немногочисленные специальные глаголы представляют собой узкотематические единицы, относящиеся к различным аспектам трудового права: “supply” (кадровые и экономические вопросы); “violate” (правовые нарушения); “bargain” (процедура переговоров); “dismiss” (трудовые отношения); “pay” (финансовые средства).

Морфосинтаксические модели с глаголами в тексте проявляют исключительную структурную сложность и вариативность. Наиболее репрезентативной моделью выступает конструкция «глагол + прямое дополнение»: “to improve workplace relationships”; “introducing legislation”; “violates the law”; “to protect rights”; “select committee”; “to consult the unions”; “included compensation packages”. Дополнение часто выражено развернутыми атрибутивными комплексами: “detailed recent government actions”; “were implementing additional powers”; “taking industrial action”; “alleged failure”; “gave no prior notice”; “would not face criminal proceedings”; “was no realistic prospect of a conviction”. Данная модель служит основным средством выражения нормативных предписаний и юридических квалификаций

Вторую, менее многочисленную, но семантически важную группу составляют конструкции «глагол + предлог», которые обеспечивают точное

определение процессуальных условий и обстоятельств: “primarily funded by”; “adhere to”; “may be made for”; “relating to”; “quadrupling to”; “replaced by”.

Особую синтаксическую сложность представляют гибридные конструкции с несколькими неоднородными дополнениями, например, “provides free advice to”; “infringe upon rights due to trade unions under ILO Conventions”; “taking industrial action in”; “offered the dismissed seafarers enhanced redundancy packages”; “were implementing additional powers for”; “barred the workers from starting claims”. Подобные модели позволяют, насколько это возможно, компактно – без обращения к предикативным структурам – описывать сложные и насыщенные деталями правовые ситуации с указанием всех участников и условий.

Характерной чертой текста является также широкое использование сложных конструкций, часто включающих инфинитивные и герундиальные обороты, а также дополнения: “is not able to settle a dispute”; “failed to offer consultations to the government or to the seafarers’ unions before the dismissal took effect”; “dismiss any worker for being a union member”; “allows employment businesses to supply agency workers to replace workers”; “acknowledged it had a statutory duty”; “works to help employers and employees better adhere to”; “suggests legislation is insufficient to deter”; “allows employees to pay required compensation”. Эти структуры обеспечивают логическую связность и позволяют выражать каузальные, целевые и условные отношения в рамках одного предложения.

Эпизодически встречаются и другие модели – например, конструкции с придаточными предложениями, сравнительные обороты и т.д.: “can seek if /.../”; “were paid less than”; “determined that /.../”.

Функционирование общеупотребительных глаголов в рамках данного текста показывает их важную роль в формировании правового смысла. Несмотря на кажущуюся нейтральность, эти слова подвергаются значительной функционально-стилистической переориентации и начинают передавать специальное неэмоциональное содержание. Их морфосинтаксическая вариативность служит основой для построения сложных синтаксических конструкций, однако именно

лексико-фразеологическая сочетаемость раскрывает их истинную значимость в специализированном контексте.

С точки зрения устойчивости сочетаний можно выделить несколько моделей. Наиболее показательна группа узуальных словосочетаний с выраженной юридической семантикой. Такие формулировки, как “gave no prior notice”; “have a statutory duty”; “took effect”; “failed to offer”; “(a claim) may be made”, представляют собой клише.

Остальные глаголы подвергаются контекстуальной специализации, где приобретают узкопрофессиональные оттенки за счёт сочетания с конкретными юридическими терминами, например, “detailed recent government actions”; “included compensation packages”.

Среди наличествующих наречий особый интерес представляет функциональное различие между наречием “collectively (bargain)” и полилексемным термином “collective bargaining”. Если последнее представляет собой устойчивое юридическое понятие с фиксированным значением, то наречие “collectively” демонстрирует семантическую вариативность, указывая на способ выполнения действия, а не его правовую природу, что лишь подчеркивает наличие вариативности в описывающих официально-деловых текстах.

Наречие “allegedly” имеет формальный оттенок и выполняет принципиально важную функцию ограничения, разделяя утверждения на доказанные и предполагаемые. Его использование отражает фундаментальный правовой принцип «презумпции невиновности».

Средства временной и кваликативной характеристики (“when”; “before”) выполняют функцию общения, обеспечивая временную ориентацию повествования. Наречия степени (“primarily”; “better”; “less”) также преимущественно реализуют функцию общения, однако в контексте правовых норм (например, “paid less than the national minimum wage”) они приобретают квалифицирующее значение, приближающее их к функции сообщения, так как участвуют в установлении факта нарушения.

В завершение анализа описывающих официально-деловых текстов и выявления их вариативных характеристик обратимся к фрагменту судебного решения, относящегося к юрисдикционному подстилю. Суть дела заключается в том, что молодой человек с тяжёлой формой аутизма, эпилепсией, серьёзными нарушениями обучаемости и поведения утверждал, что в течение 18 месяцев местные власти (Совет графства Эссекс) нарушали его право на образование, гарантированное статьёй 2 Протокола №1 к Европейской конвенции о правах человека. Анализируемый отрывок содержит детали медико-педагогического заключения, которое было подготовлено в Национальном центре для молодых людей с эпилепсией (St. Piers) в сентябре 2002 г. и которое стало ключевым моментом в рассмотрении дела “А” (истца):

“35. The very detailed report from St Piers followed. It included reports from each discipline including (but not limited to) an Education Report. A was diagnosed with “generalised seizure disorder; severe learning disability and challenging behaviour (aggressive and self-injurious behaviour)”. The report recommended a residential programme offering the benefit of a 24-hour curriculum with consistent behavioural strategies at a specialist school with expertise in managing very challenging behaviours in order to meet A’s complex needs. He needed 1:1 (sometimes 2:1) supervision and support at all times. He was described as a very sad and anxious young man who had been under-stimulated. His behavioural problems were said to be long-standing and to have deteriorated over the previous 15 months during which he had become more impulsive and aggressive to other people, kicking, biting and throwing objects at people, leading to his exclusion from school. His self-harming behaviour had also intensified by the time of the St Piers assessment, characterised by slapping himself constantly or head-banging. His parents reported that his self-harming behaviour had deteriorated, the timing of this being shortly after he began his treatment with Chlorpromazine. At the time of the assessment his parents had to hold his hands constantly while he was awake to stop him from self-harming.

36. The report described A’s difficulties as a combination of his severe learning difficulties, severely challenging behaviour and his epilepsy, as well as a result of poor

management of his needs. It recommended that Chlorpromazine be discontinued and that the dose of another drug be increased. It also made a number of other recommendations and concluded in this way: /.../

37. As can be seen, A's parents were initially opposed to a residential solution. However, they accepted the recommendations and in October 2002 discussions took place as to inter-departmental funding for a placement for A and on 10 October joint funding between education and social services was approved. Between 16 October and 17 December Essex wrote to no fewer than 26 schools seeking a placement for A, but without success.

38. At a meeting in 2003 professionals acknowledged that his home environment was having a negative impact on A's behaviour because he remained under-stimulated and bored and needed to be supported appropriately. In January 2003 A started to receive respite sessions three mornings a week at the Limbourne Centre, where he was also offered tuition. He continued to attend sessions at LS as before. On 10 January A's solicitors wrote to Essex threatening a possible application for judicial review on the grounds that A was not receiving an education in accordance with his SSEN" [Judgement. A (Appellant) v Essex County Council (Respondent)].

Номинативное содержание текста отражает его принадлежность к сфере медицинской и социально-педагогической экспертизы, сочетая клиническую терминологию с языком официальной отчётности. Поэтому анализ позволяет не обращаться к прецедентам.

Текст насыщен конвенционально оформленными терминами, ядро которых прежде всего составляют термины, представленные функцией точного обозначения диагнозов, учреждений и программ: "Education Report"; "generalized seizure disorder"; "learning disability"; "specialist school"; "learning difficulties"; "SSEN"; "judicial review"; "joint funding"; "social services".

Значительный пласт лексики представлен консубстанциональными терминами: "discipline"; "programme"; "curriculum"; "behaviour"; "management"; "needs"; "placement". Выделяются в тексте и собственно термины: "Chlorpromazine"; "epilepsy"; "self-harming"; "tuition"; "drug"; "solicitor".

Формальная лексика характеризует документ как официально-деловой, фиксирующий решения и процессы (“recommendations”; “supervision”; “assessment”). Общеупотребительные существительные (“report”; “parents”; “way”; “home”; “man”; “problems”; “hands”; “difficulties”; “discussions”; “success”; “meeting”; “sessions”; “morning”; “week”; “review”; “result”; “number”; “objects”; “people”; “months”; “times”; “timing”) структурируют повествование, интегрируя специальную лексику в логичное изложение ситуации истца и его семьи. Многие из этих существительных, выполняя связующую роль, реализуют функцию общения в тексте, обеспечивая его доступность для понимания и создавая основу, на которой разворачиваются юридически значимые события.

Клишированность текста достигается за счёт употребления устойчивых юридических и медицинских формулировок. Логическая структура отличается ясностью и последовательностью. Анализ начинается с общего представления предмета спора, затем переходит к ключевому доказательству и детально раскрывает его содержание. Использование логических связок обеспечивает плавные переходы между идеями.

Предложно-именные конструкции в данном тексте являются одним из ключевых средств передачи специального неэмоционального содержания. Группа словосочетаний с предлогом “of” является наиболее многочисленной и выполняет функцию точного определения отношений между понятиями. Их структура фиксированна, а лексическое наполнение носит специализированный характер: “benefit of a 24-hour curriculum”; “time of the St. Piers assessment”; “result of poor management of his needs”; “combination of his severe learning difficulties”; “management of his needs”; “dose of another drug”. В некоторых словосочетаниях, где отсутствует специальный с общезыковой точки зрения компонент, функционально-стилистическая переориентация осуществляется за счёт референции: “number of other recommendations”; “timing of this (harming behaviour had deteriorated)”; “time of the assessment”.

Конструкции с предлогом “from” традиционно передают отношения источника, происхождения или отделения: “very detailed report from St. Piers”;

“reports from each discipline”; “exclusion from school”. Конструкции с предлогом “with” выражают отношения сопровождающих обстоятельств, наличия признака или инструментария: “24-hour curriculum with consistent behavioral strategies”; “specialist school with expertise”; “treatment with Chlorpromazine”. Конструкция “without success” демонстрирует ту же синтаксическую модель с отрицательным значением. Группа словосочетаний с предлогом “for” унифицирует выражение целевых отношений: “inter-departmental funding for a placement for A”; “placement for A”; “application for judicial review”. Конструкции с предлогом “on” передают отношения временной конкретики, воздействия или основания: “on October 10”; “negative impact on A’s behaviour”; “on 10 January”; “judicial review on the grounds that /.../.

В данном тексте, как и в предыдущих, неспециальное неэмоциональное содержание прослеживается лишь с общеязыковой точки зрения. Например, словосочетание “negative impact on A’s behaviour” изначально содержит общеупотребительные элементы, но в данном контексте “A” и “behaviour” функционируют как специальные элементы. К этой же группе можно отнести конструкции, указывающие на временные и логические компоненты высказывания, которые организуют точность повествования: “on 10 October”; “the time of the assessment”.

Параллельно с предложно-именными конструкциями в тексте широко используются нестойкие сложные слова, которые выполняют сходную функцию. Такие образования, как “St. Piers assessment”; “October 2002 discussions”; “home environment”; “respite sessions”; “1:1 (sometimes 2:1) supervision”, являются неустойчивыми, окказиональными сочетаниями. Их вариативность и зависимость от широкого контекста (например, расшифровка аббревиатуры “A” дается ранее) противопоставлены стабильности предложных конструкций.

Система прилагательных в тексте выполняет функцию комплексной квалификации состояний, потребностей и рекомендаций, варьируясь по степени специализированности. К ограничивающим прилагательным относятся такие единицы, как: “behavioural”; “other”; “previous”; “another”; “inter-departmental” и

“possible”. Остальные прилагательные – такие, как “consistent”; “challenging”; “complex”; “sad and anxious”; “young”; “under-stimulated”; “long-standing”; “more impulsive”; “aggressive”; “awake”; “severe”; “poor”; “increased”; “residential”; “negative”; “bored” – относятся к группе описывающих. В этой группе имеются прилагательные, реализующие функцию воздействия, статус которой в силу единичности примеров следует считать эпизодическим.

Следует особо отметить роль специальных прилагательных, которые на первый взгляд могут показаться немногочисленными, например, “inter-departmental” и “residential”. Однако в действительности их круг шире. Такие единицы, как “sad and anxious”, “under-stimulated” и “more impulsive”, позволяют дать развернутую характеристику состояния истца, выходящую за рамки базовой клинической оценки.

Основу сочетаемости прилагательных составляют атрибутивные модели: “very detailed report”; “consistent behavioural strategies”; “complex needs”; “very sad and anxious young man”; “behavioural problems”; “poor management”; “inter-departmental funding”; “negative impact”. Некоторые прилагательные, например, “severe” и “challenging”, регулярно входят в состав сложных терминологических единиц, приобретая признаки классифицирующих определений, лишенных ингерентных коннотаций. Аналогичный процесс наблюдается у прилагательных “sad”, “anxious” и “poor”, которые в данном контексте описывают объективное состояние истца.

Такие предикативные модели, как “had been under-stimulated”; “had become more impulsive and aggressive”; “remained under-stimulated”; “was awake”, используются для передачи динамики изменения состояния истца, а также для формулирования клинических и организационных выводов. Даже внешне нейтральное словосочетание “was awake” подчеркивает перманентность проблемы и исключает возможность смягчения интерпретации. Все эти словосочетания являются понятийно-ориентированными, необходимыми для описания состояния пациента.

Вариативность также проявляется в использовании степеней сравнения и усилительных элементов, как, например, в словосочетаниях “very detailed”; “very challenging”; “very sad”, которые повышают интенсивность признака.

Анализ глагольных повторов и морфологических особенностей текста выявляет его строгую судебно-клиническую направленность, ориентированную на установление объективной последовательности событий. Повторы служат терминологической точности и смысловой согласованности. Например, неоднократно встречается глагол “describe”, что отражает процесс документирования и классификации медицинских наблюдений. Повторяются и глаголы “recommend” и “report”, подчеркивая императивный характер заключений.

Морфологически текст показывает преобладание форм пассивного залога и перфекта, что способствует установлению точных временных отношений между событиями. Использование модальных глаголов для передачи рекомендаций и инфинитивных конструкций для выражения цели добавляет тексту директивности.

Деление на функционально-семантические группы показывает следующую картину. Общеупотребительные глаголы (“follow”; “include”; “need”; “describe”; “be”; “meet”; “say”; “stop”; “begin”; “see”; “write”; “seek”; “have”; “oppose”; “support” “start”; “conclude”; “slapping”; “kicking”; “biting”; “become”; “lead”) в данном контексте начинают передавать специальное неэмоциональное содержание, что наиболее ярко видно по употреблению глаголов “kicking, biting and throwing objects”, которые, как и рассмотренные прилагательные, необходимы для полного понимания состояния пациента в его конкретных проявлениях. Присутствуют и формальные глаголы (“offer”; “deteriorate”; “intensify”; “recommend”; “discontinue”; “approve”; “acknowledge”; “remain”; “receive”; “accept”; “characterize”; “manage”; “threaten”). Количество специальных глаголов незначительно (“diagnose”; “self-harm”), они вносят узкопрофессиональную, клиническую специфику.

Морфосинтаксические модели демонстрируют стремление к использованию конструкций с прямым дополнением: “included reports”; “recommended a residential programme”; “seeking a placement”; “including an Educational report”; “offering the benefit”; “needed 1:1 supervision”; “began his treatment”; “was (also) offered tuition”;

“threatening a possible application”; “was not receiving an education”; “accepted the recommendations”; “described A’s difficulties”; “made a number”; “seeking a placement”; “was having a negative impact”; “was offered tuition”;

В тексте встречаются предложные дополнения: “not limited to”; “was diagnosed with”; “was described as”; “to have deteriorated over”; “leading to”; “had also intensified by”; “concluded in”; “opposed to”; “wrote to”. Также имеются сочетания структуры «глагол в личной форме + неличная глагольная форма»: “were said to be long-standing”; “characterized by slapping himself”; “needed to be supported appropriately”; “continued to attend”; “started to receive respite sessions”; а также глаголы в абсолютной форме: “followed”; “kicking, biting”; “head-banging”; “was approved”; “had deteriorated”.

Наречия в тексте, хотя и немногочисленны, выполняют важную роль уточнения и интенсификации, добавляя необходимые нюансы к клинической картине. Доминируют наречия степени и меры “very”. Также встречаются наречия времени (“constantly”, “shortly”), конкретизирующие хронический и непрерывный процесс поведения, реализуя функцию общения. Наречие образа действия “appropriately” вносит нормативный оттенок, указывая на требуемый стандарт «заботы».

Проведенный комплексный анализ описывающих официально-деловых текстов на материале аналитических отчетов центральных банков, докладов о правах человека и судебных решений позволяет выявить системные вариативные характеристики, отличающие данную разновидность от предписывающих текстов при сохранении инвариантной основы функционального стиля.

Основная коммуникативная цель описывающих текстов — объективная фиксация, документирование и анализ событий, фактов и процессов в рамках заданного нормативного поля — обуславливает специфическую языковую организацию, которая может быть конкретизирована следующим образом.

Допускающее появление полисемии и омонимии снижение уровня специализации при сохранении стандартизованности номинаций. Тексты конструируются с большей гибкостью, нежели предписывающие, что вызвано

необходимостью отражать уникальные ситуации. На уровне существительных значительно возрастают численность и функциональная нагрузка общеупотребительных лексических единиц, которые либо реализуют функцию общения, либо через сочетание со специальной лексикой подвергаются функционально-стилистической переориентации и выполняют функцию сообщения. Полилексемные термины сохраняются, но к терминологическим сложным словам для точного описания конкретной ситуации добавляется словообразовательная модель нестойкого словосложения, порождающая единицы, которые находятся на пути к терминологизации. Функция воздействия, как и в случае с предписывающими текстами, реализуется в ничтожно малом числе примеров.

На синтаксическом уровне наблюдается сочетание ранее отмеченных моделей с использованием широкого спектра логических связей, вводящих аргументацию и отражающих причинно-следственные связи. В отличие от синтаксической схемы текстов предыдущих уровней, тексты второго уровня изобилуют сложными структурами с инфинитивами, герундиальными формами, придаточными предложениями и множественными однородными дополнениями, использующимися для выражения каузальных, целевых и условных отношений в рамках одного высказывания и расширяющими объем элементов функции сообщения.

Анализ специфики сочетаемости существительных выявляет сдвиг от иерархической классификации понятий к описанию динамических процессов и явлений. Сохраняется высокая частотность предложно-именных конструкций с предлогом “of”, хотя их функция меняется. Вместо создания статичных, иерархически организованных терминов они служат инструментом для анализа динамических процессов и указания на их взаимосвязанные характеристики. Значительно возрастают роль и функциональное разнообразие других предлогов по сравнению с предписывающими официально-деловыми текстами, что отражает присутствие более сложных отношений, характерных для описания динамических

процессов: от временных рамок до указания на объект воздействия и выражения целевой направленности.

Углубление атрибутивных связей и возрастание роли прилагательных. В отличие от предписывающих текстов, где прилагательные выполняют чисто ограничивающую функцию, здесь они активно используются для описания, оценки и отражения степени интенсивности процесса. Количественный анализ подтверждает возрастание роли прилагательных: относительная частотность их употребления (на 1000 слов) в описывающих текстах примерно в три раза превышает аналогичный показатель в текстах предписывающих. Значимой тенденцией в текстах второго уровня является применение прилагательных, реализующих функцию общения.

Анализ употребления наречий также демонстрирует различия между описывающими и предписывающими официально-деловыми текстами. Если в предписывающих официально-деловых текстах наречия практически отсутствовали, то здесь они являются важным инструментом квалификации действий и признаков. Ключевой группой являются наречия образа действия, которые выступают в роли определений к глаголам, придавая им качественную или количественную характеристику. Повторяемость последнего превращает его в важный маркер продолжающегося процесса и служит средством реализации функции сообщения. Другая важная группа – это временные наречия, служащие для точного позиционирования действий во времени относительно момента высказывания, выполняющие функцию общения.

Глагольная система характеризуется большим лексическим разнообразием и синтаксической вариативностью при сохранении общей ориентации на объективность и формальность. Установка на лексическое разнообразие проявляется в стремлении избежать тавтологии, что характерно для реализации функции общения. Если в предписывающих текстах используются несколько ключевых глаголов, то здесь их число достигает 30 – 35 и более, что отражает необходимость описать многообразие действий и процессов за счет привлечения глагольных единиц, реализующих функцию общения. На семантическом уровне

обращает на себя внимание появление глаголов с процессуальным значением. Доминируют лексические единицы, описывающие изменение состояния, аналитические действия и коммуникацию.

Конкретизация понятий через контекстуальные синонимы. Данная лингвистическая стратегия свидетельствует об отличии описывающих текстов от принципов построения текстов предыдущих уровней. Если в дефиниционных и предписывающих текстах точный повтор терминов является обязательным и выполняет ключевую функцию (обеспечивая терминологическую однозначность и неизменность смысла), то в описывающих текстах наблюдается отход от жёсткой монотерминологичности в пользу использования контекстуальных синонимов. Такой приём позволяет не просто избежать механического повтора, но и осуществить семантическую детализацию, раскрывая различные аспекты или стадии одного явления и демонстрируя возможность варьирования функциональных свойств текстов на уровне функции сообщения.

3.5. Третий уровень: оценивающие официально-деловые тексты

При анализе третьей разновидности официально-деловых текстов мы сталкиваемся с парадоксом. В то время как существующие исследования демонстрируют ограниченное использование элементов функции воздействия в официально-деловых текстах, эмпирический материал показывает не только их систематическое использование, но и сопутствующий набор понятийно-языковых характеристик, который позволяет выделить «стилистически маркированную» разновидность официально-деловых текстов. Как и в случае с описывающими текстами, их фундаментом служит полная инвариантная основа, заданная предписывающей разновидностью. Тем не менее стоит признать, что такие тексты не столь многочисленны: их использование может ограничиваться узким набором жанров, к числу которых относятся годовые отчёты, пресс-релизы и обращения политиков и представителей компаний.

Между тем экспрессивные элементы используются даже в предписывающих и описывающих официально-деловых текстах. Приведем пример того, как экспрессивные элементы могут применяться в предписывающих текстах:

“Section 1. Purpose. In shocking disregard of its citizens' rights, the Republic of South Africa (South Africa) recently enacted Expropriation Act 13 of 2024 (Act), to enable the government of South Africa to seize ethnic minority Afrikaners' agricultural property without compensation. This Act follows countless government policies designed to dismantle equal opportunity in employment, education, and business, and hateful rhetoric and government actions fueling disproportionate violence against racially disfavored landowners” [Purpose. Addressing Egregious Actions of the Republic of South Africa, 2025].

Подобные случаи демонстрируют пороговый эффект. Экспрессивность, будучи тщательно дозированной и прагматически мотивированной, оказывается допустимой даже в самых консервативных текстах, что свидетельствует о расширении коммуникативных границ официально-делового функционального стиля в целом. Это эпизодическое использование показывает общую динамику развития официально-деловой коммуникации и представляет перспективное направление для дальнейших исследований.

В качестве репрезентативного материала, наглядно иллюстрирующего отличие от уже рассмотренных разновидностей официально-деловых текстов, обратимся к тексту, который позволяет выделить третью, оценивающую разновидность официально-делового функционального стиля. Её ключевой отличительной чертой является установка на выполнение функции воздействия и формирование определённого восприятия, что находит прямое отражение в его лингвистической организации.

Анализируемый текст представляет собой фрагмент годового отчёта Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании (Foreign & Commonwealth Office, FCO) за 2019-2020 финансовый год. Важно отметить, что данный документ был опубликован в 2020 году, в период глобальной пандемии COVID-19 и сразу после «Брекзита», что делает его не просто рутинным отчётом,

а стратегическим коммуникативным инструментом, отражающим деятельность ведомства в условиях беспрецедентных кризисов. Данный текст, будучи официально-деловым, ориентирован не только на отчётность, но и на демонстрацию эффективности и ценности организации, что делает его идеальным объектом для анализа оценивающей разновидности:

“The FCO provides high quality, accessible consular services globally, focused on those most in need. Last year, 86% of British people who accessed our services were satisfied, exceeding our target of 80%. We continually look to improve our services; for example, new Emergency Travel Document (ETD) centres can now facilitate remote issuing of ETDs. We provided consular support in over 22,000 cases. This included the support we provided to the families of British victims of the terror attacks in Sri Lanka on 21 April 2019, deploying staff to the British High Commission in Colombo so we could give critical on-the-ground support. The FCO also coordinated, with the Civil Aviation Authority and DfT, the return of over 144,000 Thomas Cook customers to the UK from 50 affected foreign airports when Thomas Cook Group plc fell into compulsory liquidation. A strong focus of consular work throughout 2019 was preparing British people living in Europe for the UK’s exit from the EU. Consular teams were based in embassies in EU Member States with high numbers of resident UK Nationals to ensure we were offering the best support through frequent outreach and engagement. The first three months of 2020 have been spent managing the Covid-19 crisis across our London offices and wider network. Starting with the return of over 180 British people from Wuhan in January 2020, there has been a significant call on our crisis response capability to respond to the challenges Covid-19 poses to the safety of British people. By 31 March 2020, the FCO had returned over 1,500 British travellers on HMG chartered flights to the UK. A new and exceptional operating model to deliver a global operation on this scale has enabled the FCO to work globally with airlines, commercial partners and foreign governments, to bring home more than 38,000 British travellers on 186 charter flights. At the same time, we worked with global partners to keep key routes and transit hubs open, which we estimate has helped over 1.3m people return to the UK by commercial routes to date” [Consular and Crisis (achieved). Annual Report & Accounts 2019-2020, 2020].

Анализ номинативного состава исследуемого текста выявляет его кардинальное отличие от предписывающих и описывающих официально-деловых текстов. Это отличие проявляется, в первую очередь, в тематической неоднородности и широком семантическом диапазоне используемых номинативных единиц. Наглядной иллюстрацией служит состав полилексемных терминов, интегрирующих наименования государственных институтов, геополитические и географические реалии, субъекты экономической деятельности и узкоспециальные понятия из сфер дипломатии логистики и права (“The FCO” (Foreign & Commonwealth Office; consular service”; “British people”; “terror attack”; “Civil Aviation Authority”; “Sri Lanka”; “British High Commission”; “DFT”; “Thomas Cook”; “UK”; “Thomas Cook Group plc.”; “Compulsory liquidation”; “EU”; “UK Nationals”; “chartered flights”; “transit hub”; “commercial route”). При этом не все единицы формируют устойчивые тематические группы. Ряд таких словосочетаний, как “high quality”, типичны для бытового речепотребления, что подтверждается их наличием в авторитетных общеязыковых словарях [Cambridge Dictionary], в то время как другие (“British people”), будучи широко употребляемыми в бытовой речи, в рамках данного контекста подвергаются специализации, подчиняясь целям официального отчёта. Само присутствие подобных элементов свидетельствует об усилении функции общения в оценивающих официально-деловых текстах. Таким образом, полилексемные термины в данном случае выполняют не только номинативную, но и референциальную функцию, связывая текст с широким контекстом узнаваемых событий.

Анализ слоя моноксемных единиц демонстрирует схожую с полилексемными номинациями тематическую разветвлённость. В нём доминируют лексические единицы, относящиеся к сфере администрирования и бизнеса (“services”; “target”; “work”; “outreach”; “engagement”; “network”; “capability”), логистики и транспорта (“flights”; “airports”; “routes”; “return”), а также социально-демографических категорий (“staff”; “customers”; “resident”; “people”; “victims”; “families”). При этом представленный набор лексики недостаточно однороден и специфичен для формирования устойчивых и плотных тематических групп,

характерных для технических и нормативных документов. Помимо этого, текст включает имена собственные (“Colombo”; “Europe”; “London”; “Wuhan”) и обширный пласт общеупотребительной лексики (“year”; “example”; “cases”; “focus”; “numbers”; “time”; “date”; “months”; “call”; “crisis”; “response”; “challenges”; “safety”). Данные единицы, выполняя общетекстовые связующие функции, одновременно подвергаются функционально-стилистической переориентации, адаптируясь для передачи специального неэмоционального понятийного содержания.

Анализ общей организации текста позволяет констатировать, что она в значительно меньшей степени, по сравнению с предписывающими или даже описывающими официально-деловыми текстами, отмечена чисто терминологической насыщенностью. Характерная для официально-деловой коммуникации клишированность здесь выражена не столь явно и не является структурообразующим принципом.

На лексическом уровне это проявляется в избирательной повторяемости ограниченного набора ключевых единиц, таких как “support” (4 случая) и, в особенности, “British” (11 случаев), в том числе в составе полилексемного термина “British people”. Эта частотность однозначно указывает на центральную тему документа – безопасность и защита граждан как приоритетная функция ведомства. Однако, в отличие от описывающих официально-деловых текстов, где повтор часто служит целям терминологической точности и аргументации, здесь он не становится конструктивным принципом, а функционирует как инструмент фокусировки внимания на приоритете.

Более того, существительное “support” демонстрирует в тексте переменную и контекстуально зависимую степень специализированности. Если в словосочетании “consular support” его значение чётко сужено и определено специализированным атрибутом, то в других контекстах его специализация если и достигается, то не за счёт фиксированной лексико-фразеологической сочетаемости, а благодаря последующему развертыванию конкретных фактов и обстоятельств, которые насыщают его ситуативным содержанием. Например, в контексте “the

support we provided to the families of British victims...” значение “support” конкретизируется до психологической и административной помощи жертвам теракта, а в конструкции “we could give critical on-the-ground support” – до оперативной деятельности сотрудников на месте кризиса. Примечательно, что в ряде случаев используется ингерентно коннотативная лексика, как в примерах “the best support” и “critical ... support”, что дополнительно смещает акцент с формальной констатации на демонстрацию эффективности и качества предоставляемых услуг.

Аналогичная динамика наблюдается и в функционировании других существительных. В словосочетаниях “safety of British people” и “British travellers on HMG chartered flights” общеупотребительные значения компонентов в бытовой речи выступают на первый план, оттесняя специальные оттенки. Однако в рамках всего документа эти сочетания подвергаются функционально-стилистической переориентации. Первое приобретает значение не абстрактной безопасности, а конкретной консульской функции по защите граждан за рубежом, а второе трансформирует общую категорию «путешественников» в конкретную группу лиц, эвакуируемых в ходе правительственной операции.

Грамматическая архитектура текста, сохраняя инвариантную основу, отличается несколько большим разнообразием. Особую эффективность в обеспечении когерентности и логической последовательности изложения демонстрирует развитая система метатекстовых связей, таких как “for example”, “this included”, “also”. Кроме того, активно используются грамматические конструкции, эксплицирующие причинно-следственные и целевые отношения: “so we could give”, “which we estimate has helped”.

При рассмотрении морфосинтаксической и лексико-фразеологической сочетаемости обращает на себя внимание устойчивое присутствие конструкций с предлогом “of”, выражающих отношения принадлежности, части, объекта или результата действия. Значительная часть этих словосочетаний представляет собой стандартные партитивные конструкции, служащие для точного количественного или качественного определения и демонстрирующие предсказуемую сочетаемость:

“86% of British people”, “target of 80%”, “remote issuing of ETDs”, “return of over 144,000 Thomas Cook customers”. Параллельно в тексте присутствуют и более сложные синтаксические образования, включающие разные типы дополнений и обстоятельств, как, например: “the families of British victims of the terror attacks on 21 April 2019”, “embassies in EU Member States with high numbers of resident UK Nationals”, “strong focus of consular work throughout 2019”.

Многие из используемых словосочетаний являются узуральными и в общеязыковом употреблении. Данные BNC фиксируют 545 вхождений для “target of”, 1253 – для “return of”, 14 – для “safety of people”. В отличие от описывающих официально-деловых текстов, где подобные конструкции часто служат целям аргументации, здесь они выполняют прежде всего функцию констатации и иллюстрации. Например, словосочетание “families of British victims of the terror attacks” приводится как конкретный пример оказанной помощи, но не получает дальнейшего концептуального развития в системе изложения.

Наряду с доминирующими конструкциями с предлогом “of” в тексте наличествует разнообразие других предложных словосочетаний, которые обладают меньшей частотностью, но важны для смысловой полноты: “consular support in over 22,000 cases”, “British High Commission in Colombo”, “most in need”, “with the Civil Aviation Authority and DfT”, “UK’s exit from the EU”, “a significant call on our crisis response capability”, “by 31 March 2020”.

Анализ субстантивных словосочетаний позволяет выделить пласт нестойких сложных слов, занимающих промежуточное положение между общеупотребительными единицами и полилексемными терминами: “resident UK Nationals”, “London offices”, “crisis response capability”. При этом в анализируемом контексте не все подобные образования носят ярко выраженный специализированный характер. Так, в предложении “The first three months of 2020 have been spent managing the Covid-19 crisis across our London offices and wider network” сочетание “London offices”, безусловно, обозначает не произвольные офисы в Лондоне, а центральный аппарат ведомства в противопоставлении его зарубежной сети. Однако общая структура предложения не является насыщенной

специальными элементами, что подтверждается и данными BNC, где зафиксировано 111 случаев употребления этого словосочетания при сохранении необходимой контекстуальной интерпретации. Это указывает на более гибкий и адаптивный характер номинаций в данном типе официально-деловых текстов.

Анализ прилагательных в представленном тексте в полной мере подтверждает их статус одного из наиболее релевантных показателей для дифференциации разновидностей внутри официально-делового функционального стиля. В данном случае наблюдается качественное изменение в их функциональной нагрузке по сравнению с ранее рассмотренными типами текстов.

В тексте чётко выделяется обширная группа описательных прилагательных: “high”, “accessible”, “new”, “critical”, “strong”, “the best” (субстантивированное прилагательное), “frequent”, “wider”, “exceptional”, “key”, “open”. Им противостоит относительно небольшая группа ограничивающих прилагательных: “last”, “consular”, “British”, “affected”, “foreign”, “commercial”, “global”. Примечательно, что собственно специальная лексика, относящаяся к дипломатической сфере, представлена здесь весьма узким кругом единиц (“consular”, “British”, “foreign”).

Синтаксически прилагательные реализуются практически исключительно в рамках атрибутивных моделей, формируя плотные и информативные именные группы: “high quality, accessible consular services”, “new Emergency Travel Document centres”, “critical on-the-ground support”, “strong focus”, “the best support”, “new and exceptional operating model”, “key routes”. Вариативность в этом плане предельно ограничена, что демонстрирует единственный пример предикативного употребления – “keep transit hubs open”.

Ключевой особенностью текста, кардинально отличающей его от предписывающих и описывающих официально-деловых текстов, является активное использование оценочных прилагательных, которые часто передают неспециальное эмоциональное содержание. Такие единицы, как “critical”, “strong”, “the best”, “significant”, “exceptional”, хотя и сопровождаются конкретными фактами (например, развертывание персонала для оказания “critical on-the-ground support” или организация “exceptional operating model” для репатриации),

сохраняют значительный потенциал субъективной оценки. Их сочетаемость с общеупотребительными существительными (“support”, “focus”, “model”) не сужает, а, напротив, усиливает экспрессивный эффект, направленный на формирование у адресата благоприятного восприятия эффективности и решительности действий ведомства.

С точки зрения объема реализуемых семантических свойств, данные прилагательные могут быть сведены к общему значению интенсификации и положительной квалификации («очень хороший», «важный», «высококачественный»), выполняя, таким образом, преимущественно функцию усилителей. Их ассоциативный и гномический потенциал остаётся неразвернутым, что соответствует конкретным задачам официального отчёта, ориентированного на демонстрацию результативности, а не на создание глубокой образности или аргументации. Хотя отдельные единицы и оказываются полноценно связанными с контекстом (например, “critical” в ситуации теракта), в целом оценочность в тексте остается в значительной степени автоматизированной, шаблонной и не получает дальнейшего концептуального развития, функционируя как стандартный элемент языка корпоративной самопрезентации.

Глагольный состав текста демонстрирует умеренную, но значимую степень клишированности, которая проявляется не в прямых лексических повторах, а в устойчивом воспроизведении глаголов в рамках единых тематических групп и морфосинтаксических моделей. Морфологический анализ выявляет абсолютное доминирование активного залога при свободном варьировании временных форм (от Past Simple и Present Perfect до конструкций с модальными глаголами), что создаёт эффект динамичного и поступательного повествования о деятельности ведомства.

С функционально-семантической точки зрения глаголы образуют две чёткие группы: текст содержит обширный пласт общеупотребительных глагольных единиц (“focus”; “look”; “improve”; “included”; “give”; “prepare”; “base”; “live”; “spend”; “start”; “return”; “bring”; “work”; “keep”; “fall”). Столь же широко представлены формальные глаголы (“access”; “satisfy”; “exceed”; “facilitate”;

“provide”; “deploy”; “coordinate”; “offer”; “manage”; “pose”; “respond”; “enable”; “estimate”) при полном отсутствии узкоспециальной лексики.

Морфосинтаксические модели демонстрируют значительное разнообразие при сохранении общей предсказуемости. В тексте широко представлены конструкции с предложным управлением (“focused on”; “exceeding our target of”; “provided to”; “living in”; “were based in”; “starting with”; “to respond to”; “pose to”; “had returned over”), модели с прямым дополнением (“accessed our services”; “can now facilitate remote issuing of ETDs”; “included the support”; “could give critical on-the-ground support”; “coordinated the return”; “fell into compulsory liquidation”; “there has been a significant call”), структуры с двойной предикацией (“look to improve our services”; “has enabled the FCO to work”; “we worked with global partners to keep key routes and transit hubs open”; “estimate has helped”), конструкции с двойным дополнением (“provided consular support in over 22 000 cases”; “deploying staff to the British High Commission”; “was preparing British people /.../ for the UK’s exit from the EU”; “offering the best support through frequent outreach and engagement”; “have been spent managing the Covid-19 crisis across our London offices and wider network”; “to deliver a global operation on this scale”; “to bring home more than 38000 British travellers on 186 charter flights”), а также несколько эпизодических конструкций, включающих абсолютное употребление (“were satisfied”).

Характерной чертой является то, что общеупотребительные глаголы систематически выступают в качестве ядра сложных синтаксических конструкций, образуя устойчивые сочетания с формальной лексикой. Так, синонимичные глаголы “provide”, “give”, “offer” обнаруживают идентичную сочетаемость, почти исключительно употребляясь с отглагольными существительными, обозначающими абстрактные понятия помощи и поддержки (“services”; “support”). Глагол “focus” реализуется в устойчивой предложной модели с “on”, а конструкция “look to improve” функционирует как стандартное клише, обозначающее перманентный процесс оптимизации.

Глаголы со значением управления (“coordinate”, “manage”) и репатриации (“return”, “bring”) образуют тематические группы, где нейтральные, на первый

взгляд, элементы приобретают специализированные оттенки. Например, синонимическая пара “return” / “bring” демонстрирует тонкую стилистическую дифференциацию. Первый элемент обладает большей формальностью, тогда как второй вносит оттенок нейтральности и даже некоторой экспрессивности, актуализируя семантику «возвращения домой».

Наречия в тексте, хотя и немногочисленны, выполняют важную роль квалификаторов. Единицы “continually” и “frequently” подчёркивают постоянный и регулярный характер действий ведомства, а “globally” акцентирует его масштаб. Синтаксически они демонстрируют вариативность позиционирования, занимая как препозицию (“we continually look to improve”), так и постпозицию (“provides...globally”). Важно, что все наречия в данном тексте лишены экспрессивности. Они выполняют информативную и конкретизирующую функцию, выступая важным элементом создания фактологического и объективного повествования, которое, тем не менее, подчеркивает оперативность и размах работы организации.

Анализ второго текста, представляющего отчёт Счётной палаты Великобритании, позволяет выявить как его существенные отличия от предыдущих текстов, так и сохранение ключевых черт инвариантной основы официально-делового функционального стиля:

“Companies House plays a pivotal role in driving confidence in the UK economy. Our role is vital to ensuring the UK’s business environment has, and maintains, a high standard of corporate governance relating to those entities that enjoy the benefits of limited liability. These benefits are conferred in exchange for standards of transparency and accountability which are essential to give confidence to business, investors, society, consumers and the economy.

This year has seen ongoing organisation-wide transformation and we have continued to pursue our vision of brilliant people, using brilliant systems to deliver brilliant services. Initiatives that will deliver significant culture change and redesign Companies House’s structure, systems and services have continued at pace.

It has also been a busy year of planning for the future. We have been working in partnership with colleagues in BEIS and with others across government on legislative reform. In its 2019 consultation on corporate transparency and register reform, BEIS set out the Government’s vision for a future expanded role for Companies House and the companies register. The consultation recognised the potential for Companies House to deliver a stronger contribution to tackling economic crime, strengthening our contribution to driving confidence in the UK economy.

Wider collaboration with HMRC and the Cabinet Office has also delivered the first use of the Digital Economy Act, setting a standard for joint working that can be built on as we await further development of the Government agenda. A pilot project identified fraud amounting to £14.6m and potential for saving over £100m per annum were the pilot to be made operational.

Planning is underway for the introduction of a new register for Companies House: a Register of Overseas Entities Beneficial Owners that own land in the UK, targeted at combatting money laundering and achieving greater transparency in the UK property market” [Our Companies Role. Annual Report and Accounts, 2020].

Если предыдущий текст фокусировался на операционной деятельности и конкретных событиях, то данный материал демонстрирует более высокий уровень абстракции, будучи ориентированным на стратегические цели, институциональные механизмы и системные реформы.

Анализ существительных выявляет концептуальный характер текста. Его лексический состав сохраняет трёхуровневую структуру, характерную для официально-деловых текстов. Ядро формируют полилексемные термины, которые можно разделить на несколько тематических групп:

- 1) институционально-правовые понятия: “Companies House”; “BEIS”; “HMRC”; “Cabinet Office”; “Digital Economy Act”; “Register of Overseas Entities Beneficial Owners”;
- 2) экономико-регуляторные термины: “corporate governance”; “limited liability”; “economic crime”; “money laundering”; “property market”;

3) процессуально-реформенные номинации: “legislative reform”; “pilot project”; “register reform”.

Слой консубстанциональных терминов представлен высокоабстрактными, почти декларативными понятиями: “economy”; “business”; “benefits”; “investors”; “confidence”; “government”; “agenda”. Их обобщённый характер позволяет выстраивать широкие концептуальные связи и обосновывать инициативы апелляцией к общественным благам. Общеупотребительная (“role”; “confidence”; “standard”; “exchange”; “environment”; “society”; “year”; “vision”; “people”; “systems”; “culture”; “change”; “structure”; “future”; “contribution”; “use”; “introduction”; “saving”; “working”; “land”; “planning”) и формальная лексика (“entity”; “transformation”; “initiative”; “transparency”; “consultation”; “collaboration”) обеспечивают связь между высоко абстрактными терминами и более конкретными положениями, повышая убедительность изложения.

Анализ словосочетаний подтверждает их ключевую роль в организации профессионально-ведомственной основы текста. Специальные сочетания такие, как “high standard of corporate governance” или “benefits of limited liability” формируют концептуальный каркас. При этом, согласно данным BNC, некоторые компоненты (например, “high standard” – 404 вхождения) обладают статусом клише, что указывает на их стандартизированный характер не только в оценивающих официально-деловых текстах, но и в бытовой речи. Параллельно в тексте присутствуют такие более абстрактные сочетания, как “pivotal role in driving confidence in the UK economy” или “the Government’s vision for a future expanded role”, которые, хотя и содержат специальные компоненты, остаются на уровне декларации, не получая детального фактологического подтверждения в рамках текста.

Обратимся к анализу прилагательных. Слова данной части речи в тексте распределяются по двум основным функциональным группам: описательные и ограничивающие. К первой группе принадлежат единицы, передающие качественную характеристику: “pivotal”; “vital”; “high”; “brilliant”; “significant”; “busy”; “stronger”; “wider”; “greater”. Прилагательные второй группы сужают объем

понятия и обозначают специфическую принадлежность: “limited”; “corporate”; “future”; “joint”; “further”. Специальные прилагательные представлены ограниченно и в основном функционируют в составе полилексемных терминов.

Морфосинтаксическая вариативность проявляется в использовании различных моделей, среди которых доминирует атрибутивная. Также в тексте представлены предикативные модели (“role is vital”; “are essential to”; “pilot to be made operational”) и формы сравнительной степени (“stronger contribution”; “greater transparency”). Характерной чертой текста является активное употребление прилагательных, выражающих высшую степень качества без явного морфологического сравнения (“brilliant people”; “significant change”).

Ряд прилагательных, с точки зрения общезыкового употребления, передаёт неспециальное эмоциональное содержание. Таковы “pivotal”; “vital”; “significant”; “stronger”; “greater”; “brilliant” – они способствуют формированию позитивного восприятия деятельности организации. Эти экспрессивные элементы сочетаются с нейтральными субстантивными компонентами абстрактного (“role”; “transparency”; “contribution”) или коллективного (“people”; “services”) характера. Подобное сочетание создает эффект объективизации субъективной оценки, когда экспрессивная характеристика представляется как неотъемлемое свойство самого явления.

При более внимательном рассмотрении выясняется, что не все они передают именно неспециальное эмоциональное содержание. Скорее, они выполняют ритуальную усилительную функцию. Например, словосочетание “pivotal role” демонстрирует высокую частотность в авторитетных текстовых корпусах (37 вхождений в BNC и 703 в COCA), что позволяет говорить о его клишированном статусе [BNC; COCA]. Его синонимическая и синтаксическая вариативность (“role is vital”) еще больше снижает выразительный потенциал, сводя его к автоматизированной речевой формуле. В тексте отсутствует объяснение, почему роль ведомства считается «жизненно важной». Следовательно, данное прилагательное выполняет усилительную функцию и характеризуется автоматизированным употреблением.

Троекратное использование прилагательного “brilliant”, характерное для корпоративной коммуникации Регистрационной палаты, несмотря на декларируемую цель подчеркнуть высокие стандарты, не получает в тексте лингвистического или фактологического обоснования. Отсутствие абстрактного фона и развернутого ассоциативного ряда приводит к стиранию оценочности; его функция сводится к элементарному усилению, а употребление приобретает автоматизированный характер. Это подтверждается возможностью замены или опущения прилагательного без нарушения смысловой цельности высказывания.

В отличие от ранее рассмотренного текста, где оценочность хотя бы частично нейтрализовалась фактологическим контекстом, здесь мы наблюдаем прагматическое использование элементов функции воздействия. Данные элементы лишены семантической наполненности и функционируют как маркеры корпоративной риторики.

Анализ глагольной морфологии текста выявляет её клишированность и функциональную ориентацию на конструирование образа проактивной и трансформирующейся организации. Глагольный уровень демонстрирует доминирование форм настоящего неопределённого времени и форм перфекта, что создает образ постоянной, длящейся деятельности, актуальной на момент составления отчёта.

Как и в предыдущем тексте, повторяемости глаголов здесь не наблюдается. Повторяемость проявляется лишь на уровне тематических групп глаголов с семантикой деятельности и достижения результатов: “deliver”; “driving”; “strengthening”; “combatting”.

С функционально-семантической точки зрения выделяются две ключевые группы, взаимодействие которых формирует специфический характер официально-делового функционального стиля. Общеупотребительные глаголы (“play”; “have”; “maintain”; “relate to”; “enjoy”; “give”; “see”; “continue”; “work”; “drive”; “set”; “build”; “own”; “await”; “make”) выполняют роль семантической основы, обеспечивая базовую понятность и связность изложения. Формальные глаголы (“confer”; “pursue”; “redesign”; “expand”; “recognize”; “tackle”; “identify”;

“achieve”; “target”; “combat”) несут основную специальную нагрузку в тексте, актуализируя ключевые темы документа: реформу, регулирование и противодействие нарушениям. Их отличительной чертой является высокая степень абстракции и ориентация на целеполагание и результат.

Особый статус имеет глагол “deliver”, который, будучи по происхождению общеупотребительным, в данном контексте приобретает специализированный оттенок. Его троекратное употребление в разных контекстуальных окружениях указывает на соотнесенность с концепцией «доставки результатов», что подчеркивает отклонение от привычного значения “to take goods, letters, etc. to the person or people they have been sent to” и свидетельствует о реализации полисемии.

Морфосинтаксические модели с прямым дополнением служат ключевым инструментом обозначения целей и результатов деятельности организации. Конструкции типа “driving confidence”; “has, and maintains, a high standard of corporate governance”; “enjoy the benefits of limited liability”; “has seen ongoing organization-wide transformation”; “to pursue our vision”; “will deliver significant culture change”; “redesign Companies House’s structure”; “it has also been a busy year”; “recognized the potential” указывают на достижимые объекты и целевые состояния.

Предложное управление глаголов демонстрирует более сложные синтаксические отношения, оформляя инструментальные и условные связи: “relating to those entities that /.../”; “are conferred in”; “have continued at”; “have been working in”; “set out”

Особый интерес представляют эпизодические конструкции, совмещающие признаки различных моделей: “are essential to give confidence to”; “using brilliant systems to deliver brilliant services”.

Наречия в тексте немногочисленны. Можно выделить, в частности, наречное выражение образа действия “at pace”, которое качественно характеризует процесс, а также наречие “also”, выполняющее двойную функцию: оно структурно связывает части повествования, последовательно добавляя новые достижения (“It has also been a busy year”; “wider collaboration /.../ has also delivered”), и

одновременно усиливает кумулятивный эффект, создавая впечатление непрерывного потока результатов и инициатив.

Хотя текст избегает эмоционально окрашенных наречий, используемые единицы обладают оценочным потенциалом, характерным для корпоративной «рекламной» речи. Они не выражают эмоции, но определяют эффективность качественно, работая на создание образа высокоорганизованной и динамично развивающейся организации.

В завершение практической части диссертационного исследования рассмотрим ещё один оценивающий официально-деловой текст. В качестве материала рассматривается фрагмент годового отчёта компании Shell, посвящённый оценке деятельности исполнительных директоров:

“2024 was another year of strong and decisive leadership from the Executive Directors. A key deliverable for the year was the Energy Transition Strategy 2024 (ETS24), published in March 2024, setting out the important role Shell intends to play in providing the energy the world needs today, and in helping to build the low-carbon energy system of the future. The Executive Directors played a pivotal role in the shaping of the strategy, and communicating it to our shareholders and other key stakeholders. The resolution was supported by 78% of shareholders who voted through an advisory vote at the 2024 AGM.

Performance, discipline and simplification continued to be our guiding principles during 2024, and the Executive Directors have modelled these values in their leadership, improving how we work across the organisation. Key successes are noted throughout this report, particularly on page 193 on the 2024 annual bonus and page 196 on the 2022 LTIP vesting outcome, and additional comments are provided below.

Wael Sawan has steered Shell through another successful year. The focus has been on delivering against the financial and climate targets set out at Capital Markets Day 2023 (CMD23), establishing a track record in consistently meeting our external commitments. In Integrated Gas and Upstream, we have seen improvement in operational performance and the successful start to a number of projects. In Downstream and Renewable Energy Solutions, there has been continuous high-grading of the portfolio to support a profitable

energy transition. Wael Sawan has demonstrated clear and decisive leadership, driving growth where we have a competitive advantage, and making tough decisions to pause and address performance challenges where needed (for example, pausing the biofuels project in the Netherlands). By the end of 2024, key achievements included /.../” [Personal Performance].

Анализ существительных подтверждает выводы, сделанные относительно двух предыдущих оценивающих официально-деловых текстов. Представленный текст служит наглядным примером данной разновидности, в которой формирование определённого восприятия деятельности руководства выходит на первый план, органично интегрируясь в формальные рамки корпоративной коммуникации. Его лингвистическая организация подчинена ключевой прагматической задаче – не просто проинформировать, а сформировать и закрепить в сознании посредников образ эффективного руководства, уверенно ведущего компанию через вызовы энергетического перехода.

Номинативное ядро текста формируется сложным переплетением нескольких лексических пластов, где доминанту задают полилексемные термины и устойчивые номинации, выполняющие не только информативную, но и рекламно-имиджевую функцию. К их числу относятся различные с тематической точки зрения единицы, относящиеся к стратегическим инициативам и целевым ориентирам, структурным подразделениям компании и оценочно-аналитическим номинациям: “Executive Directors”; “Energy Transition Strategy 2024 (ETS24)”; “low-carbon energy system”; “Capital Markets Day 2023 (CMD23)”; “Integrated Gas and Upstream”; “Downstream and Renewable Energy Solutions”; “Wael Sawan”; “energy transition”; “track record”; “climate target”. Эти термины не просто называют реалии корпоративной деятельности, но и встраиваются в повествование о прогрессе и инновациях.

Значительный пласт составляют консубстанциональные термины, относящиеся к сфере корпоративного управления и менеджмента: “leadership”; “performance”; “discipline”; “simplification”; “principles”; “values”; “growth”; “achievements”; “portfolio”. Именно эти существительные, будучи формально

общеупотребительными, являются концептуальным ядром текста, так как они наделены аксиологической семантикой и транслируют ключевые корпоративные ценности, не будучи при этом ингерентно коннотативными единицами. Выделим также слой собственно терминов (“shareholder”; “stakeholder”; “biofuels”). Их общеупотребительные значения в данном контексте сужаются и специализируются, превращаясь в элементы своеобразного корпоративного кода. Наконец, обширный слой общеупотребительной лексики, такой как “year”; “role”; “success”; “focus”; “decisions”; “challenges”; “advantage”; “page”; “world”; “bonus”; “comment”; “outcome”; “number”, обеспечивает тексту связность и доступность, подвергаясь, однако, функционально-стилистической переориентации. Есть и формальное существительное “commitment”.

Характерной чертой текста является его структурная и синтаксическая организация, которая, сохраняя внешние атрибуты официального отчёта, демонстрирует значительную гибкость и ориентацию на повествовательность. В отличие от жёсткого параллелизма предписывающих текстов, здесь используется более свободное структурирование, где тезисы о лидерстве подкрепляются конкретными примерами и отсылками к другим разделам документа (“particularly on page 193...”), что создаёт эффект всесторонней обоснованности заявлений. Логические связки и вводные конструкции (“for example”, “particularly”) организуют не нормативную иерархию, а развертывание аргументации в пользу эффективности руководства.

На уровне сочетаемости существительных наблюдается использование предложных конструкций, имеющих в своем составе нестойкие сложные слова. Конструкции с предлогом «of» выражают преимущественно атрибутивные и партитивные отношения, выступая инструментом квалификации: “year of strong and decisive leadership”; “role in the shaping of the strategy”; “track record in consistently meeting our external commitments”; “number of projects”; “high-grading of the portfolio”. При этом, в отличие от описывающих текстов, где такие конструкции часто служат динамическому анализу, здесь они нередко носят декларативно-оценочный характер, формируя статичные, но весомые ярлыки-достижения.

Параллельно активно используются атрибутивные группы, которые обеспечивают смысловую компактность и обладают значительным оценочным потенциалом: “advisory vote”; “operational performance”; “clear and decisive leadership”. Эти компактные номинации функционируют как слоганы, в сжатой форме транслирующие ключевые идеи о дисциплине, эффективности и решительности.

Центральным элементом, маркирующим данный текст как оценивающий, выступает система прилагательных. Активность их употребления в количественном плане и семантическая направленность кардинально отличают анализируемый пример от предписывающих и описывающих официально-деловых текстов. В тексте доминируют описательные прилагательные, несущие ингерентные коннотации и выполняющие функцию усилителей: “strong and decisive leadership”; “pivotal role”; “important role”; “guiding principles”; “successful year”; “clear and decisive leadership”; “tough decisions”; “key achievements”. Ограничивающие прилагательные представлены в значительно меньшем объеме (“advisory vote”; “annual bonus”; “external commitments”), а собственно специальные практически отсутствуют, что подчёркивает смещение фокуса с технической специфики на качественные характеристики. Морфосинтаксически прилагательные реализуются почти исключительно в атрибутивной позиции, формируя плотные именные группы. Примечательно, что оценочность этих прилагательных (таких, как “pivotal”, “decisive”, “strong”) является в значительной степени автоматизированной и клишированной. Они функционируют как стандартные элементы корпоративной риторики, чей экспрессивный потенциал отчасти нивелирован из-за частого и предсказуемого употребления в подобных контекстах. Их сочетаемость с абстрактными существительными (“leadership”; “role”; “principle”) приводит к образованию устойчивых формул, которые не столько описывают, сколько предписывают определённое восприятие, оказывая тем самым сильное воздействие на адресата.

Глагольная система текста демонстрирует выраженную ориентацию на передачу результативной деятельности. Морфологически доминируют формы

активного залога и прошедшего времени, которые вкупе с настоящим временем создают повествование о состоявшихся достижениях и длящихся положительных процессах. Как и в предыдущих текстах, повторяемость наблюдается не на уровне отдельных лексем, а в рамках семантических групп глаголов со значением управления и достижения: “play a role”; “set out”; “deliver”; “steer”; “drive”; “demonstrate”. Функционально-семантический спектр представлен, в основном, общеупотребительными и формальными глаголами, которые в данном контексте приобретают специализированные оттенки. Общеупотребительные глаголы (“play”; “need”; “help”; “work”; “see”; “make”) составляют основу повествования, в то время как формальные глаголы (“intend”; “shape”; “communicate”; “support”; “model”; “establish”; “demonstrate”) несут ключевую нагрузку, называя управленческие действия и коммуникативные усилия. Особого внимания заслуживает глагол “deliver” и его производное “deliverable”, которые, будучи центральными для современной корпоративной лексики, актуализируют значение обеспечения результатов и выполнения обязательств, выступая смысловым стержнем всего сообщения.

Морфосинтаксические модели с глаголами отличаются разнообразием и сложностью. Доминируют конструкции с прямым дополнением, в которых глаголы со значением активного, целенаправленного действия, направленного на инициирование, изменение или контроль над процессом, ситуацией или объектом управляют развернутыми объектами: “setting out the important role”; “improving how we work”; “pausing the biofuels project”; “driving growth”. Широко представлено предложное управление, определяющее направления и инструменты деятельности: “played a pivotal role in the shaping”; “communicating it to our shareholders”; “focus has been on delivering against the financial and climate targets”; “supported by 78% of shareholders”. Характерной чертой является активное использование сложных полипредикативных конструкций с инфинитивами и герундиями, которые позволяют компактно объединить несколько действий в единый повествовательный блок: “setting out the important role Shell intends to play... and in helping to build”; “driving growth..., and making tough decisions to pause and address”.

Эти синтаксические комплексы создают эффект насыщенной и многоплановой работы, ведущейся руководством.

Функционально-стилистический анализ наречий в представленном тексте выявляет их значимую роль в реализации функции сообщения. Рассмотренные наречия демонстрируют последовательную ориентацию на точное и фактическое изложение информации, что соответствует канонам делового стиля. Наречия образа действия и времени – такие, как “consistently” в словосочетании “consistently meeting commitments” и “continuously” в конструкции “continuously high-grading” – подчеркивают регулярность, стабильность и бесперебойность процессов, усиливая тем самым объективность изложения и создавая образ системной работы организации. Усилительное наречие “particularly” (“particularly on page 193”) выполняет функцию смысловой акцентуации, направляя внимание реципиента на наиболее релевантные детали в структуре объемного документа.

В структурном отношении вся совокупность наречий в тексте способствует логической связности и последовательности изложения, обеспечивая четкость и ясность подачи материала. Таким образом, наречия в данном тексте выполняют преимущественно информационно-уточняющую и усиливающую функцию, служат инструментом объективации сообщения и акцентирования ключевых моментов, что в полной мере соответствует коммуникативным задачам и стилистическим нормам официально-делового функционального стиля.

Проведенный анализ оценивающих официально-деловых текстов на материале годовых отчетов государственных ведомств и корпораций выявляет системный комплекс вариативных характеристик, отличающих данную разновидность от предписывающих и описывающих текстов. Существование этой стилистически маркированной разновидности представляет собой известный парадокс на фоне традиционных представлений о строгой ориентации официально-делового стиля на реализацию функции сообщения. Однако эмпирический материал демонстрирует устойчивый набор понятийно-языковых параметров, позволяющих выделить оценивающие тексты в обособленную группу.

Основная коммуникативная цель данных текстов смещается с предписания норм или объективной передачи фактов в сторону формирования определенного восприятия деятельности организации и демонстрации ее эффективности, что непосредственно определяет их лингвистическую организацию. Решая более сложную, чем предписание, задачу, эти тексты существенно обогащают инструментарий функции сообщения, привлекая более широкий спектр языковых средств для точной передачи специального неэмоционального содержания. Ниже перечислены выявленные вариативные характеристики оценивающих официально-деловых текстов.

Активное использование ингерентно коннотативных лексических единиц, дающее простор субъективной оценке. Данная характеристика противопоставляет оценивающие тексты текстам предыдущих уровней, где отсутствие эмоционально-оценочных элементов является обязательным условием объективности. Наблюдается целенаправленный отбор коннотативных единиц, принадлежащих к разным частям речи: абстрактные существительные, называющие ключевые ценности или факты их игнорирования; глаголы с семантикой достижения и результативности или, напротив, деструктивности; высокая концентрация прилагательных, выполняющих функцию позитивной или негативной квалификации.

Усложнение номинативных структур при одновременном присутствии нейтральных словосочетаний. Для оценивающих текстов характерно синтагматическое усложнение, создающее информационную плотность и демонстрирующее масштаб деятельности. Это проявляется в использовании развернутых именных групп и цепочек генитивных конструкций. Параллельно в текстах присутствует пласт относительно нейтральных словосочетаний, реализующих функцию общения.

Морфосинтаксическое упрощение глагольных структур при лексикосемантическом разнообразии. Глагольная система демонстрирует единство структурной простоты и лексического богатства. На морфосинтаксическом уровне доминируют относительно простые, легко воспринимаемые модели, прежде всего

– конструкция с прямым дополнением. В то же время, лексико-фразеологическая сочетаемость глаголов отличается разнообразием: наряду с формальными глаголами активно используются общеупотребительные единицы, вступающие в сочетания с абстрактными существительными. Таким образом, число элементов функции общения значительно увеличивается.

Синтаксическая организация текстов характеризуется дальнейшей активизацией использования конструкций с причинно-следственным значением. В дополнение к инвариантным придаточным определительным, причастным оборотам, параллельному соподчинению, полисиндетону и асиндетону, в оценивающих текстах активно употребляются конструкции, подчеркивающие логику и результаты деятельности, что служит целям убеждения и формирования положительного образа субъектов деятельности.

Снижение специализированности текстов и допущение полисемии, омонимии и синонимии. В отличие от предписывающих текстов, где данные явления исключены, и описывающих, где они проявляются ограниченно, в оценивающих текстах их применение становится более активным, что способствует повышению доступности изложения и расширяет арсенал выразительных средств для реализации функции воздействия.

Выводы к Главе 3

1. Категориальный подход, предполагающий выделение устойчивых понятийно-языковых параметров и их последующий анализ на основе структурных, функциональных и семантических признаков с привлечением элементов корпусных методов и узуального сравнения, представляет собой наиболее адекватный методологический инструментарий для исследования внутренней неоднородности официально-делового функционального стиля. Данный подход позволяет не только описать системные различия между текстами, но и выявить иерархические отношения между их разновидностями, построив

уровневую модель, отражающую движение от функции сообщения к функции общения и функции воздействия.

2. Инвариантную основу официально-делового функционального стиля, проявляющуюся во всех его разновидностях, составляют доминирование номинативного начала и высокая терминологическая насыщенность, выражающаяся в активном использовании полилексемных терминов и сложных именных групп; формализация и клишированность глагольного компонента при отсутствии специализации у самих глаголов, которые выполняют преимущественно функцию общения в ее структурно-связующем воплощении, фиксируя правовые факты и нормативные отношения; строго ограниченный потенциал терминологической полисемии и синонимии, когда появление синонимии фиксируется лишь в описывающих текстах, где она служит инструментом смысловой детализации; а также доминирование атрибутивной позиции прилагательных и их преимущественно ограничивающая функция даже в тех случаях, где присутствуют оценочные элементы. Инвариантные характеристики синтаксиса связаны с употреблением причастных оборотов и придаточных определительных и параллельного соподчинения, а также с использованием асиндетона и полисиндетона.

3. Выделение нулевого уровня официально-деловых текстов — дефиниционных текстов — имеет принципиальное методологическое значение. На нулевом уровне инвариантная основа официально-делового функционального стиля современного английского языка представлена в усеченном, редуцированном виде: они с максимальной чистотой реализуют функцию сообщения, демонстрируя высокую плотность терминологической номинации, использование сложных слов на уровне терминологии, строгую понятийную обусловленность словоупотребления и номинативный характер суждений с базовой нулевой предикацией, осложненных разного рода определительными конструкциями. Однако в них отсутствуют развернутая модальность предписания, сложные синтаксические структуры и референциальные механизмы, характерные для текстов последующих уровней. Выявленное почти полное совпадение

дефиниционных текстов в научном и официально-деловом стилях подтверждает, что идентичные языковые механизмы могут обслуживать принципиально различные коммуникативные интенции: объяснение законов действительности в первом случае и регулирование социальных отношений — во втором.

4. Предписывающие официально-деловые тексты, образующие первый уровень, являются носителями полной инвариантной основы и демонстрируют максимальную степень выраженности стилеобразующих черт. Для них характерны высокая клишированность и стандартизированность на всех языковых уровнях, проявляющаяся в использовании устойчивых номинаций, сложных слов терминологического плана, фиксированного набора предикативных единиц и строго ограниченного репертуара морфосинтаксических моделей; крайне ограниченное употребление прилагательных и наречий, при котором прилагательные выполняют исключительно инструментальную, ограничивающую функцию, будучи лишены градационного потенциала; доминирование предложного управления как основного способа построения смысловых связей, где модель «существительное + of + существительное» служит для выстраивания четких иерархических понятий; а также семантика глаголов, ориентированная на констатацию и предписание, при которой глаголы выступают операторами установления нормы и формальной идентификации, лишенными значения процессуальности. Анализ синтаксического уровня организации предписывающих текстов позволяет обнаружить устойчивый набор инвариантных характеристик: употребление причастных оборотов и придаточных определительных, использование асиндетона и полисиндетона, а также применение синтаксического параллелизма (сложноподчиненные предложения с параллельным соподчинением).

5. Описывающие официально-деловые тексты, составляющие второй уровень, сохраняют инвариантную основу и дополняют ее комплексом вариативных признаков, обеспечивающих адаптацию языка к задачам фиксации и анализа. Это проявляется 1) в снижении уровня жесткой клишированности при сохранении общей стандартизированности и переходе к контекстуально

обусловленным номинациям, среди которых значимое место занимают нестойкие сложные слова в противовес употреблению обычных сложных слов терминологического плана в предыдущих двух разновидностях; 2) в использовании стратегии контекстуальной синонимии для семантической детализации и избежания тавтологии; 3) в трансформации функций предложно-именных конструкций от выражения статичных иерархий к анализу динамических процессов; 4) в усложнении глагольной системы с доминированием конструкций с прямым дополнением, отражающих установку на процессуальное многообразие; 5) в углублении атрибутивных связей и возрастании роли описательных прилагательных, выражающих интенсивность, временную устойчивость и качественную оценку; 6) а также в возрастании роли наречий как инструмента обеспечения смысловой точности и квалификации. На синтаксическом уровне ко всем свойствам, перечисленным в ходе анализа предписывающей разновидности, добавляется активное использование придаточных изъяснительных, которое объясняется установкой не на констатацию, а на объяснение и повествование.

6. Оценивающие официально-деловые тексты, образующие третий уровень, представляют собой стилистически маркированную разновидность, ориентированную на формирование у адресата определенного восприятия содержания текстов и демонстрацию эффективности. Их вариативные характеристики включают 1) соотносящийся с функцией воздействия отбор оценочной лексики на всех уровнях — существительных, глаголов и прилагательных, при этом оценочные прилагательные часто функционируют как автоматизированные, клишированные маркеры корпоративной риторики; 2) усложнение номинативных структур и активное использование развернутых именных групп при одновременном присутствии нейтральных словосочетаний; 3) морфосинтаксическое упрощение глагольных структур с доминированием конструкций с прямым дополнением при лексико-семантической разнообразии и формировании тематических групп глаголов со значением достижения и управления; 4) активизацию использования синтаксических конструкций, эксплицирующих причинно-следственные и целевые отношения, при сохранении

прочих синтаксических свойств предыдущих уровней организации официально-делового функционального стиля современного английского языка; 5) а также возрастающую функциональную нагрузку наречий как усилителей, подчеркивающих масштаб, регулярность и системный характер деятельности.

7. Предложенная уровневая модель официально-делового функционального стиля, включающая нулевой, первый, второй и третий уровни, отражает закономерное движение от функции сообщения к функции общения и функции воздействия. Каждый последующий уровень, сохраняя инвариантную основу предшествующего уровня (описательные тексты) и инвариантную и вариативную основу предшествующего уровня (оценивающие тексты), дополняет ее новыми вариативными признаками, что обеспечивает функционально-стилистическую дифференциацию внутри единого стиля. Данная модель обладает объяснительной силой, позволяя интерпретировать как системное единство официально-деловых текстов, так и их функционально-стилистическое разнообразие.

Заключение

Проведённое исследование представляет собой комплексный функционально-стилистический анализ официально-делового функционального стиля современного английского языка, выполненный на основе категориального подхода, разработанного А. А. Липгартом. В ходе работы была достигнута поставленная цель: выявлены инвариантные системообразующие признаки данного функционального стиля и описана его внутренняя неоднородность и вариативность через призму взаимодействия трёх основных функций языка — сообщения, общения и воздействия.

Центральным теоретическим итогом работы является подтверждение продуктивности и методологической состоятельности категориального подхода как инструмента для преодоления кризиса классификационных оснований в функциональной стилистике. Данный подход, в отличие от чисто экстралингвистических классификаций (подстилевых и жанровых), позволяет осуществить последовательное и объективное разграничение как самих функциональных стилей, так и разновидностей внутри них через анализ типа передаваемого понятийного содержания в его неразрывной связи со специфическим набором языковых средств. Применение метода количественно-качественного анализа инвариантных и вариативных признаков текстов, разработанного А. И. Комаровой и В. В. Хуриновым, доказало свою эффективность для выявления и описания системного единства и внутренней неоднородности официально-делового функционального стиля.

Официально-деловой функциональный стиль современного английского языка был системно описан как неоднородная подсистема внутри системы общенародного языка, обладающая чёткой инвариантной основой и структурированной вариативностью. Это позволило преодолеть традиционные противоречия в классификации его отдельных составляющих, поскольку было

показано, что внутреннее разнообразие не отменяет системного единства, а оказывается его закономерным проявлением.

Основным результатом работы стало установление четырехуровневой модели функционально-стилистической вариативности официально-деловых текстов, определяемой типом понятийного содержания и пропорциями использования трёх основных функций языка.

Дефиниционная разновидность официально-делового функционального стиля представляет собой предельно концентрированное и при этом редуцированное воплощение инвариантной основы стиля, в которой доминирующая функция сообщения реализуется в «чистом» виде, и которая непосредственно отражает предметную область того или иного текста без обсуждения механизмов ее регулирования и вне ее связи с аналогичными предметными областями.

Предписывающие официально-деловые тексты, имеющие статус эталона инвариантной основы стиля, демонстрируют наиболее полное и системное выражение функции сообщения. Это находит отражение в констатации свойств предметной области и механизмов ее регулирования за счет строгой лексической специализации, максимальной степени клишированности и минимальной вариативности языковых средств на всех уровнях; синтаксические конструкции ограничены полисиндетоном, асиндетоном, параллельным соподчинением, придаточными определительными и причастными оборотами.

Описывающие официально-деловые тексты сохраняют 1) преобладание функции сообщения, 2) но демонстрируют большее языковое разнообразие благодаря расширению предметной области за счет уточнения ее прикладных характеристик и ее соотношения со смежными предметными областями. Эти процессы связаны с разнообразным в количественном и качественном планах использованием общеупотребительного лексического компонента, который либо остается равным себе в функциональном плане и реализует функцию общения, либо претерпевает функционально-стилистическую переориентацию в сочетании со специализированной лексикой и реализует функцию сообщения. В

описывающих текстах также наблюдается увеличение вариативности синтаксических конструкций за счет использования придаточных изъяснительных и последовательного подчинения, углубления атрибутивных связей; в текстах данной разновидности появляются контекстуальные синонимы.

В оценивающих официально-деловых текстах наряду с сохранением свойств предметной области и языковых характеристик описывающих текстов наблюдается дальнейшее увеличение элементов функции общения и появление элементов функции воздействия на уровне использования оценочной лексики (в первую очередь, ингерентно коннотативных существительных и прилагательных); синтаксические характеристики по сравнению с описывающими текстами остаются неизменными.

В ходе исследования выявлены и описаны инвариантные понятийно-языковые параметры, объединяющие все тексты официально-делового функционального стиля независимо от их жанровой и подстилевой принадлежности. К ним относятся: доминирование номинативного начала и терминологическая насыщенность, при которой смысловое ядро текста формируется именами существительными, а глаголы выполняют преимущественно структурно-связующую функцию; клишированность и стандартизированность языковых средств, обеспечивающие предсказуемость изложения и семантическую стабильность; доминирование предложного управления как основного средства выражения точных логических связей между понятиями; формализация и ограниченная вариативность глагольного компонента; ограничивающийся отдельными случаями и практически не реализующийся потенциал терминологической полисемии и синонимии, являющийся фундаментальным принципом обеспечения однозначности толкования; а также ограниченное употребление прилагательных и наречий с их строго функциональным, квалифицирующим характером. Также были описаны инвариантные и вариативные характеристики официально-делового стиля современного английского языка на синтаксическом уровне.

Разработанная модель анализа может служить инструментом для создания, редактирования и экспертизы официально-деловых текстов в практике делопроизводства, юриспруденции и международных отношений, способствуя повышению их точности, ясности и эффективности.

Перспективы дальнейшего исследования, значимые для англистики, заключаются: 1) в изучении национальных вариантов современного английского языка применительно к официально-деловому стилю на уровне конкретных языковых единиц; 2) в рассмотрении эпизодических проявлений стилистической маркированности в англоязычных официально-деловых текстах в их предписывающей и описывающей разновидностях; 3) в использовании разработанной методологии для анализа обиходно-бытового функционального стиля английского языка, что позволит создать полную картину вариативности всей системы функциональных стилей английского языка; 4) в возможности создания практических рекомендаций по составлению и редактированию официально-деловых текстов на английском языке.

Проведённое исследование заполняет лауну в развитии категориального подхода, который был впервые системно применен к изучению официально-делового функционального стиля современного английского языка. Поскольку научный, газетно-публицистический и художественный стили ранее уже были описаны в данной парадигме, работа создаёт предпосылки для полномасштабного сопоставительного изучения вариативности во всей системе функциональных стилей современного английского языка, включая обиходно-бытовой функциональный стиль как следующую логическую цель.

Таким образом, диссертационное исследование вносит вклад в развитие теории функциональной стилистики, предлагая системное описание официально-делового функционального стиля как структурно и содержательно организованной подсистемы языка, что позволяет не только углубить теоретическое понимание его природы, но и расширить возможности его практического применения.

Список использованной литературы

Научно-теоретическая литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение: Учеб. пособие. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: «Просвещение», 1984. – 383 с.
2. Адмони В. Г., Сильман Т. И. Отбор языковых средств и вопросы стиля // Вопросы языкознания. – 1954. – №4. – С. 93-100.
3. Алексеев А. В. Стилистическая окраска слова в диахроническом аспекте // Вестник МГПУ. Серия "Филология. Теория языка. Языковое образование". – 2017. – №4(28). – С. 64-71.
4. Анисимова А. Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук. – М.: КДУ, 2008. – 237 с.
5. Антонов В. П. О стилевых чертах Интернет-стиля // Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра: Сб. материалов международной научной конференции. – Армавир: Армавирский лингвистический университет, 2005. – С. 30-39.
6. Арнольд И. В. Стилистика. Английский язык: Учеб. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта : Наука, 2002. – 383 с.
7. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 688 с.
8. Ахманова О. С. О стилистической дифференциации слов // Сб. статей по языкознанию. – М.: Издательство Московского университета, 1958. – С. 24-39.
9. Ахманова О. С., Натан А. Н., Полторацкий А. И., Фатющенко В. И. О принципах и методах лингвостилистического исследования. – М.: Издательство Московского университета, 1966. – 184 с.
10. Ахманова О. С., Полубиченко Л. В. "Дифференциальная лингвистика" и "Филологическая топология" // Вопросы языкознания. – 1979. – №4. – С. 46-56.
11. Бавула Ю. И. Языковые особенности предписывающей воинской документации // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве

военного вуза: Материалы III Межвузовской научно-методологической конференции. 16 декабря 2021 года / Под ред. Н. В. Давыдовой. – СПб.: ВАС, 2021. – С. 113-120.

12. Беляков М. В. Терминология дипломатии: лексикографические проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2012. – №2. – С. 83-92.

13. Бондалетов В. Д., Вартапетова С. С., Кушлина Э. Н., Леонова Н. А. Стилистика русского языка: Учеб. пособие для студентов нац. отд. пед. ин-тов союзных республик. – Л.: Просвещение, 1982. – 286 с.

14. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс (На материале немецкого языка). 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «Прогресс-Традиция», 2004. – 416 с.

15. Бранник М. О месте лексики в системе стилеобразующих средств языка // Вопросы лексикологии (Сборник работ кафедры русского языка). – Днепропетровск: б. и., 1969. – С. 107-133.

16. Будагов Р. А. К вопросу о языковых стилях // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С. 54-67.

17. Будагов Р. А. Введение в науку о языке: Учеб. пособие. 3-е изд. – М.: Добросвет-2000, 2003. – 544 с.

18. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. – Киев: Издательство киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, 1957. – 492 с.

19. Бурлак Т. Ф. Учебное пособие по функциональным стилям современного английского языка. – Минск: МГЛУ, 1993. – 78 с.

20. Валгина Н. С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 173 с.

21. Васильев А. З. Из истории категории «Жанр» // Проблемы исторической поэтики. – 1990. – №1. – С. 11-21.

22. Васильева А. Н. Функциональное направление в лингвостилистике и его значение в преподавании русского языка как иностранного: дисс. ... док. филол. наук. – М., 1981. – 490 с.

23. Введенская Л. А., Кашева Е. Ю. Русский язык. Культура речи. Деловое общение. 2-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2014. – 424 с.
24. Векшин Г. В. Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое (о некоторых двусмысленностях в функциональной стилистике) // Жанры речи. – 2009. – №6. – С. 40-59.
25. Вейхман Г. А. О стилистической классификации современного английского языка /// Научные доклады высшей школы. Филол. науки. – 1958. – № 4. – С. 97-110.
26. Верховской П. В. Письменная деловая речь: Словарь, синтаксис и стиль: Разбор и критика бюрократических шаблонов в языке документов. – М.: Техника управления, 1930. – 216 с.
27. Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности. 3-е изд., доп. – М.: Издательство стандартов, 1990. – 160 с.
28. Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII-XIX вв. // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – 1946– Т.5. – Вып. 3. – С. 223-238.
29. Виноградов В. В. Вопросы языкознания в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС // Вопросы языкознания. – 1953. – №1. – С. 3-33.
30. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – №1. – С. 60-87.
31. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 255 с.
32. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
33. Винокур Г. О. О задачи истории языка // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 206-226.
34. Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса) // Развитие функциональных стилей русского языка. – М.: Издательство «Наука», 1968. – С. 12-101

35. Власенко Н. И. Принципы выделения стилей речи, их классификация и субклассификации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2013. – №2. – 27-31.
36. Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трёх стилей. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 210 с.
37. Воробьёва С. А., Киселева А. В. Английский язык для ресторанного бизнеса (B1). Business English for Restaurants and Catering. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 213 с.
38. Воронцова Т. А. Элементарная стилистика: учеб. -метод. пособие. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2008. – 130 с.
39. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. – М.: Издательство «Прогресс», 1967. – С. 338-377.
40. Гальперин И. Р. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. – 1954. – №4. – С. 76-86.
41. Гальперин И. Р. Stylistics. – М.: Высшая школа, 1971. – 342 с.
42. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (Вопросы методологии). – М.: «Высшая школа», 1986. – 279 с.
43. Гвишиани Н. Б. Современный английский язык: Лексикология (новый курс для филологических факультетов университетов). Modern English Lexicology: Vocabulary in use. – М.: Издательство МГУ, 2000. – 221 с.
44. Гвишиани Н. Б. Регистры, жанры и дисциплины в составе предметного дискурса // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – №4(126). – С. 38-45.
45. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
46. Гельгардт Р. Р. О стилистических категориях // Вопросы языкознания. – 1968. – №6. – С. 58-65.
47. Глазкова Т. В. Стили речи. Учебное пособие для бакалавров. – М.: Издательство "Согласие", 2015. – 51 с.

48. Головин Б. Н. Язык и статистика. – М.: Просвещение, 1971. – 189 с.
49. Голубева Т.И., Фирсова С.В. Влияние различных функциональных стилей на жанр автобиографии // Современное педагогическое образование. – 2023. – №5. – С. 213-216.
50. Григорьева О. Н. Стилистика русского языка. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 164 с.
51. Губаева Т. В. Официально-деловая речь: стилистические исследования последних десятилетий // Stylistyka. – 1997. – № V. – С. 173-184.
52. Гуревич В. В. English Stylistics. Стилистика английского языка. 3-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 72 с.
53. Гусева Л. А. Художественный стиль: терминологические коллизии и преподавание курса стилистики русского языка // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – №4. – С. 100-105.
54. Драчук Н. В., Черницына Т. В. Характеристика как жанр официально-делового стиля // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – №4(13). – С. 44-47.
55. Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Стилистика официально-деловой речи. – М.: Академия, 2012. – 263 с.
56. Евтюгина А. А. Функциональная стилистика [Электронный ресурс]. – Екатеринбург: Изд-во Рос. Гос. проф-пед. ун-та, 2018. – 75 с.
57. Ефимов А. И. История русского литературного языка. 3-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1971. – 295 с.
58. Егорова Н. В., Коробейникова А. Н. Элементы экспрессии в текстах, близких к официально-деловому стилю // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – №11(211). – С. 47-52.
59. Емельянова О. Н. Общеупотребительные средства языка, или нейтральные средства языка // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – 352 с.
60. Жилина О. А. Язык современных деловых документов в аспекте компьютерных технологий: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 244 с.

61. Зильберт Б. А. Сложные бессоюзные конструкции с общим значением сопоставления в различных стилях современного русского литературного языка // Вопросы стилистики. – 1969. – Вып. 3. – С. 82-90.
62. Знаменская Т. А. Стилистика английского языка = Stylistics of the English Language : Основы курса. 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 205 с.
63. Ивакина Н. Н. Профессиональная речи юриста. – М.: Издательство БЕК, 1997. – 348 с.
64. Ильинская И. С. О языковых и неязыковых стилистических средствах // Вопросы языкознания. – 1954. – №4. – С. 84-89.
65. Иссерлин Е. М. Официально-деловой стиль. – М.: б.и., 1970. – 41 с.
66. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля. – М.: Флинта, 2021. – 402 с.
67. Карасик В. И. язык социального статуса. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1992. – 495 с.
68. Киклевич А. К. Двенадцать функций языка // Мир русского слова. – 2009. – №3. – С. 5-13.
69. Клушина Н.И., Иванова М.В. Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве интернета // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – №3. – С. 121-129.
70. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. – Пермь: б. и., 1968. – 251 с.
71. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь: б. и., 1972. – 395 с.
72. Кожина М. Н. Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дикурс – Стиль: сб. науч. ст. – СПб., 2004. – С. 9-33.
73. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка : [электронный ресурс] учебник. – 4-е изд., стереотип. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2008. – 464 с.

74. Колтунова М. В. Деловое письмо: что нужно знать составителю. – М.: Акад. Нар. Хоз-ва: Дело, 1998. – 111 с.
75. Колтунова М. В. Деловое общение: нормы. Риторика. Этикет. – М.: Экономика, 2000. – 153 с.
76. Комарова А. И. Теория и практика изучения языка для специальных целей: дисс. ... док. филол. наук. – М., 1996. – 289 с.
77. Комарова А. И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). Изд. стереотип. – М.: Ленанд, 2020. – 194 с.
78. Кондрашов Н. А. Предисловие // Пражский лингвистический кружок: Сб. Статей. – М.: Издательство «Прогресс», 1967. – С. 5-16.
79. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
80. Культура русской речи / Виноградов С. И., Платонова О. В., Граудина Л. К. и др / отв. Ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 1999. – 549 с.
81. Кыркунова Л. Р. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов речи: дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 191 с.
82. Лаптева О. А. О языковых основаниях выделения и разграничения разновидностей современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. – 1984. – №6. – С. 54-68.
83. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
84. Левин В. Д. О некоторых вопросам стилистики // Вопросы языкознания. – 1954. – №5. – С. 74-83.
85. Липгарт А. А. Функциональный стиль и языковые особенности лексических единиц // Актуальные проблемы изучения языка для специальных целей. – М., 1992. – С. 79-81.

86. Липгарт А. А. Лингвопоэтическое сопоставление текстов художественной литературы на английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 253 с.

87. Липгарт А. А. Функции языка в связи с терминологией лингвопоэтического исследования // Терминоведение. – 1994а. – Вып. 2. – С. 66-73.

88. Липгарт А. А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16-20 вв.) дисс. ... док. филол. наук. – М., 1996. – 377 с.

89. Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики: Учебное пособие. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 168 с.

90. Липгарт А. А. Трехотомия функций языка (общение, сообщение, воздействие) и ее недостающий четвертый компонент // Теоретические основы современной англистики / Коллективная монография под общей ред. О.В. Александровой, О.Д. Вишняковой, Т.Б. Назаровой. – М.: Издательство «Наука», 2025. – С. 100 – 103.

91. Липгарт А. А., Хуринов В. В. Функциональные стили современного английского языка: Наука и журналистика. Изд. Стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 208 с.

92. Липгарт А. А. К проблеме языковедческого описания публицистического функционального стиля [Электронный ресурс] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Издательство Московского университета, 2003. – URL: <https://www.sinref.ru/razdel/03850poligrafia/02/394605.htm> (дата обращения: 20.01.2025).

93. Литвякова Т. А. Эмоциональная насыщенность как важный элемент письменной коммуникации (на примере делового письма) // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: Филологические науки. – 2022. – № 3. – С. 103-112.

94. Логинова К. А. Деловая речь и её изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка: Сб. статей. – М.: Издательство «Наука», 1968. – С. 186-230.
95. Лукьянова Н. А. Дискуссионные моменты интерпретации экспрессивности как категории лексикологии // Вестник Волгоградского государственного университета: Серия 2: Языкознание. – 2009. – №1(9). – С. 211-215.
96. Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Английский язык. Стилистика. The Power of Stylistics. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 189 с.
97. Маркова В. А. Эмоциональное пространство делового письма // Электронный научный журнал. – 2017. – № 6. – С. 136-145.
98. Маркова В. А. К вопросу о составе стилевых черт официально-делового стиля // Филология и человек. – 2018. – № 1. – С. 62-73.
99. Марченко М. Н. Источники права. – М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2008. – 760 с.
100. Менджерицкая Е. О. Дискурс vs функциональный стиль: что есть язык СМИ? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №13(228). – С. 99-102.
101. Микоян А. С., Тер-Минасова С. Г. Малый синтаксис как средство разграничения стилей. – М.: Издательство Московского университета, 1981. – 214 с.
102. Михайлов М. М. Стилистика русской речи. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1968. – 370 с.
103. Михайлова А. В. Инновации в официально-деловом стиле русского языка новейшего периода: (на материале жанров договора и письма-предложения): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2003. – 187 с.
104. Моисеева И. Ю., Ремизова В. Ф. Трудности определения понятия «функциональный стиль» // Вестник Оренбургского университета. – 2016. – №11 (186). – С. 101-1015.

105. Мурат В. П. Об основных проблемах стилистики: Материалы к курсам языкознания. – М.: Издательство Московского университета, 1957. – 43 с.
106. Наер В. Л. К проблеме жанра в системе функционально-стилевой дифференциации языка // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации: Сб. науч. тр. – 1987. – Вып. 286. – С. 39-47.
107. Назарова Т. Б. Английский язык делового общения. Курс лекций и практикум. – М.: Астрель: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. – 272 с.
108. Назарова Т. Б. Филология и семиотика: Современный английский язык. – М.: Высшая школа, 2003. – 189 с.
109. Несова Н.М. Стилистическая окраска слова и стилистические пометы в толковых словарях русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/288003218_Stilisticskaa_okraska_slova_i_stilisticskie_pomety_v_tolkovyh_slovarah_russkogo_azyka (дата обращения: 03.11.2024).
110. Николаева Н. Н., Труфанова Н. О. Лексико-стилистические особенности англоязычных академических лекций (корпусный анализ) // Гуманитарные исследования. – 2019. – №1(69). – С. 5-12.
111. Новиков Д. А. Элементы экспрессивности в официально-деловых письмах исполнительных органов государственной власти // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования. – Ханты-Мансийск: Общество с ограниченной ответственностью "Интернаука". – 2021. – С. 61-65.
112. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М.: Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
113. Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 263 с.
114. Основы русской деловой речи : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Н. А. Буре, Л. Б. Волкова, Е. В. Косарева и др.: под ред. Проф. В. В. Химика (электронное издание). 2-е изд. – СПб.: Златоуст, 2015. – 448 с.

115. Паневчик В. В. Деловое письмо. 3-е изд. – М.: Изд-во деловой и учебной литературы, 2001. – 154 с.
116. Панов М. В. О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы) // Вопросы языкознания. – 1962. – №3. – С. 3-16.
117. Панов М. В. О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. (Основные позиционные изменения в фонетике и морфологии) // Вопросы языкознания. – 1963. – №1. – С. 3-17.
118. Панфилов А. К. Лекции по стилистике русского языка. – М.: б. и., 1968. – Т.1. – 105 с.
119. Пиотровский Р. Г. О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания. – 1954. – №1. – С. 55-68.
120. Пиотровский Р. Г. Очерки по стилистике французского языка: Морфология и синтаксис. 2-е изд., перераб. и доп. – Л.: Учпедгиз. Ленинградское отделение, 1960. – 224 с.
121. Полубиченко Л.В. Филологическая топология: теория и практика. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 280 с.
122. Прадид О. Ю. Язык закона: вопросы стилистической квалификации // Litera. – 2019. – №2. – С. 68-77.
123. Прядильникова О. В. Функциональные стили речи: стилистические мастерские // Наука и образование: новое время. – 2018. – №3(26). – С. 525-531.
124. Пудикова Г. Н. Официально-деловой стиль: определение, функции // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – №38-2. – С. 76-79.
125. Пчелинцева И. Г., Чумакова А. В. Business English for Oil and Gas Students. – Тюмень: ТИУ, 2011. – 192 с.
126. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика. – М.: Высшая школа, 2004. – 182 с.
127. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов / Л. В. Рахманин. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 256 с.

128. Роман Л. В. Метаязыковая субстанциональность языка судопроизводства и речевые аспекты его реализации: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1998. – 298 с.
129. Романенко А. П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 287 с.
130. Русский язык и советское общество: Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1968. – Т.1. – 184 с.
131. Салимовский В. А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
132. Самыгин С. И., Руденко А. М. Деловое общение. Культура речи. 5-е изд., перераб. – М.: КноРус, 2016. – 472 с.
133. Сидоров Е. А. Деловая речь: Сборник материалов и заданий для работы по развитию речи: Пособие для рабфаков, совпартшкол и школ взрослых повышенного типа / Е. А. Сидоров, А. Б. Шапиро, С. В. Шувалов. – М.: Работник просвещения, 1926. – 316 с.
134. Сиротинина О. Б. Функционально-стилевая дифференциация литературных языков // Русский язык и культура речи. – М: URSS, 2016. – 216 с.
135. Скребнев Ю. М. Очерки теории стилистики. – Горький: б.и. 1975. – 174 с.
136. Слепович В. С. Деловой английский язык = Business English. – 7-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2012. – 272 с.
137. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
138. Смирницкий А. И. Объективность существования языка – М.: Издательство Московского университета, 1954. – 34 с.
139. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. – М: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 286 с.
140. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М.: Омен: МГУ, 1998. – 259 с.

141. Смолина А. Н. Стилиевые черты // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 634-635.
142. Солганик Г. Я. О стиле // *Stylistika*. – 1995. – №4. – С. 271-274.
143. Солганик Г. Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования: дис. ... док. филол. наук. – М., 1976. – 387 с.
144. Солганик Г. Я., Дроняева Т. С. Стилистика современного русского языка и культура речи: Учеб. пособие для студ. фак. Журналистики. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.
145. Соловьев Н.В. Разговорная речь в условиях официальной обстановки: Словоупотребление юристов в ходе судебного следствия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1977. – 17 с.
146. Сорокин Ю. С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. – 1954. – №2. – С. 68-82.
147. Стаценко А.С., Зимина Н.Ю. Структура жанра как важного элемента дифференциации функциональных стилей в современном русском языке // Вестник Марийского государственного университета. – 2023. – Т.17. №2. – С. 276-282.
148. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
149. Сухомлинова Н. Г. Синтагматическая реализация лексических элементов в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. – 121 с.
150. Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научном и лингводидактическом аспектах. 4-е изд., стереотип. – М.: LENAND, 2019. – 144 с.
151. Толстик В. А. Проблемы классификации юридической терминологии // *Russian Journal of Economics and Law*. – 2013. – № 2(26). – С. 176-182.
152. Толстова Т. В. Жанр и корпус: современные подходы к изучению и преподаванию языка. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. – 195 с.
153. Трошева Т. Б. Нейтральный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2003. – С. 249-250.

154. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2017. – 45 с.
155. Тырыгина В. А. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.
156. Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. – М.: РАП, 2008. – 314 с.
157. Фёдоров А. В. В защиту некоторых понятий стилистики // Вопросы языкознания. – 1954. – №5. – С. 65-73.
158. Фёдоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М.: Издательство «Высшая школа», 1971. – 195 с.
159. Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке // Филологические науки. – 1979. – №2. – С. 20-25.
160. Фосслер К. Грамматические и психологические формы в языке // Проблемы литературной форма: Сб. статей. – Л.: “ACADEMIA”, 1928. – С. 148-190.
161. Хуринов В. В. Функционально-стилистическая дифференциация англоязычных научных и газетно-публицистических текстов (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 272 с.
162. Чаковская М. С. Текст как сообщение и воздействие (На материале английского языка). – М.: Высшая школа, 1986. – 127 с.
163. Черемисин П. Г. Пособие по стилистике русского языка. – М.: Издательство «Просвещение», 1979. – 152 с.
164. Чиненова Л. А. Английская фразеология в языке и речи. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 101 с.
165. Шадеко В. П., Семенова П. И. Функционально-стилевая специфика текста интервью // XXI Царскосельские Чтения. – 2017. – Том 1. – С. 398-405.
166. Шанаева М. А. Словарный состав английского языка делового общения: онтология и эвристика: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 185 с.

167. Шварцкопф Б. С. Официально-деловой стиль // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1979. – С. 186-187.
168. Шварцкопф Б. С. Официально-деловой язык // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 270-280.
169. Шепелёв А. Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2002 – 217 с.
170. Ширинкина М. А. К истории изучения официально-деловой речи: аспекты, проблемы, тенденции // Актуальные проблемы стилистики. – 2021. – № 7. – С. 63-71.
171. Шмелёв Д. Н. Слово и образ. – М.: Издательство «Наука», 1964. – 120 с.
172. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. 3-е изд. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 278.
173. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
174. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. – 1939. – №4. – С. 113-130.
175. Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова // Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 141-146.
176. Яковлева Е. Б. Сложные лексические единицы в английском языке и речи. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 113 с.
177. Язык закона / С. А. Боголюбов, И. Ф. Казьмин, М. Д. Локшина и др. / под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990. – 189 с.
178. Яшина Т. А., Жаткин Д. Н. English for Business Communication. Английский язык для делового общения. 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016 – 110 с.

179. Adler M. *The Plain Language Movement // The Oxford Handbook of Language and Law* / Ed. by Peter M. Tiersma and L. M. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 67-86.
180. Akhmanova O. S., Idzelis R. F. *What is the English we use? A course in Practical Stylistics*. – M.: Moscow University Press, 1978. – 157 p.
181. Akhmanova O. S., Idzelis R. F. *Linguistics and Semiotics*. – M.: Moscow University Press, 1979. – 108 p.
182. Alschner W. *Plain Language Assessment of Statutes // Legal Knowledge and Information Systems*. – 2020. – Vol 33. – P. 207-210.
183. Assy R. *Can the Law Speak Directly to its Subjects? The Limitation of Plain Language // Journal of Law and Society*. – 2011 – Vol. 38. – №3. – P. 376-404.
184. Bally Ch. *Traité de Stylistique Française*. – Heidelberg: C. F. Winter, 1909. – 358 p.
185. Baker M. *Sub-technical Vocabulary and the ESP Teacher: an Analysis of Some Rhetorical Items in Medical Journal Articles // Reading in a Foreign Language*. – 1988. – Vol. 4(2). – P. 91-105.
186. Bargiela-Chiappini F., Nickerson C., Planken B. *Business Discourse*. 2nd ed. – London: Palgrave Macmillan, 2013. – 359 p.
187. Belcher D. *What ESP Is and Can Be: An Introduction // English for Specific Purposes in Theory and Practice* / Ed. D. Belcher. – Michigan: University of Michigan Press, 2009. – 308 p.
188. Bennion F. A. *Statutory Interpretation*. – Oxford: Butterworths-Heinemann, 1997. – 1092 p.
189. Benson M., Ilson R. *The BBI Dictionary of English Word Combinations*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2010. – 386 p.
190. Berber-Sardinha A. P. *Lexical Patterns for “Year” in Annual Business Reports // Corpora for Language Learning* – London: Routledge, 1994. – P. 123-145.
191. Bhatia V. K. *An Applied Discourse Analysis of English Legislative Writing*. – Birmingham: University of Aston, 1983. – 264 p.

192. Bhatia V. K. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. – London and New York: Routledge, 2014. – 246 p.
193. Bhatia V. K. *English for Specific Purposes Research: An Historical Overview // The Handbook of English for Specific Purposes*. 2nd ed. / Ed. by S. Starfield, Ch. A. Hafner. – New Jersey: John Wiley & Sons, 2025. – 683 p.
194. Biber D., Conrad S. *Register, Genre, and Style* / D. Biber, S. Conrad. – Cambridge: Cambridge University Press. 2009. – 344 p.
195. Biel L. *Lost in the Eurofog: The Textual Fit of Translated Law*. – Frankfurt: Peter Lang, 2014. – 347 p.
196. Boleszczuk E. *Plain Language Solutions to the Problems of Legalese – A Case Study of Wills // Comparative Legal Linguistics*. – 2011 – №5. – P. 67-83.
197. Bühler L. *Sprechtheorie*. – Stuttgart: UTB GmbH, 1965. – 468 p.
198. Celce-Murcia M., Olsain E. *discourse and context in language teaching Cambridge. A Guide for Language Teachers*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 270 p.
199. Chen L. *Corpus-aided Business English Collocation Pedagogy: An Empirical Study in Chinese EFL Learners // English Language Teaching*. – 2017. – Vol. 10. – P. 181-197.
200. Ching G. S. *Blog Assisted Learning: Experiences in Learning Business English Vocabularies // International Journal of Research Studies in Educational Technology*. – 2012. – Vol. 1. – P. 181-197.
201. Cowie A. P. *Phraseology // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. by R. E. Asher, J. M. Y. Simpson*. – Oxford: Pergamon Press. – P. 3168-3171.
202. Crystal D., Davy D. *Investigating English Style*. – Bloomington: Indiana University Press, 1969. – 264 p.
203. Crystal D., Davy D. *Investigating English Style*. – London: Routledge, 2016. – 278 p.
204. Danet B. *Legal Discourse // Handbook of Discourse Analysis*. – London: Academic press, 1980. – P. 134-152.

205. Doležel L. K obecné problematice jazykového stylu (Příspěvek do diskuse) // slovo a slovesnost. – 1954. – №3. – P. 97-105.
206. Dudley-Evans T. Developments in English for Specific Purposes. A multidisciplinary approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 317 p.
207. Dudley-Evans T., St. John M. J. Report on Business English: A Review of Research and Published Teaching Materials // TOEIC Research Report. – 1996. – №2. – P. 1-45.
208. Duricova A. Kontextabhängigkeit von Rechtsbegriffen als Übersetzungsproblem // Studia Germanistica. – 2022. – Vol 31. – P. 5-13.
209. Emmerson P. Business English Handbook. Advanced. – Oxford: MacMillan, 2007. – 128 p.
210. Filipez J. Rozbor odborného stylu a jeho vnútorní diferenciace // Slovo a slovesnost. – 1955. – № 1. – P. 37-52.
211. Garzone G., Viezzi M. Comunicazione Specialistica e Interpretazione di Conferenza. – Trieste: E. U. T., 2001. – 231 p.
212. Garzone G., Rudvin M. Domain-specific English and Language Mediation in Professional and Institutional Settings. – Brooklyn, New York: Arcipelago, 2003. – 1999 p.
213. Goulart L. Linguistic Perspectives on Register / L. Goulart, B. Gray, Sh. Staples, A. Black, A. Shelton, D. Biber, J. Egbert, S. Wizner // Annual Review of Linguistics. – 2020. – Vol. 6. – P. 435-455.
214. Gotti M. Text and Genre // The Oxford Handbook of Language and Law. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 52-66.
215. Gowers E. The Complete Plain Words. – Boston: Godine, 2004. – 288 p.
216. Grygiel M. Business English from a Linguistic Perspective // English for Specific Purposes World. – 2015. – Vol. 16. – P. 1-12.
217. Gvishiani N. B. An Introduction to Contrastive Lexicology (English-Russian Cross-Linguistic Correspondances). – M.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 286 с.
218. Hafner C. A. Digital mediation in ESP genres // C. A. Hafner, S. Harrison, W.Y.J. Ho // English for Specific Purposes – 2023. – Vol. 71. – P. 115-122.

219. Halliday M. A. K., Matthiessen M. I. M. *An Introduction to Functional Grammar*. – London: Routledge, 2014. – 480 p.
220. Halliday M. A. K., McIntish, A, Strevens P. *The Linguistic Sciences and Language Teaching*. – Harlow: Longman, 1964. – 322 p.
221. Halperin I. R. *Stylistics*. – M.: Higher School, 1977. – 336 p.
222. *Handbook of English for Specific Purposes / Ed. B. Paltridge, S. Starfield*. – New Jersey: John Willey & Sons, 2013. – 577 p.
223. Hausenblas K. K základním pojům jazykové stylistiky // *Slovo a slovesnost*. – 1955. – Vol. 16. – №1. – P. 1-15.
224. Hébert L. *The Functions of Language // An Introduction to Applied Semiotics*. – Cambridge: Routledge, 2019. – P. 219-230.
225. Hsu W. *The Vocabulary Thresholds of Business Textbooks and Business Research Articles for EFL Learners // English for Specific Purposes*. – 2011. – Vol. 30(4). – P. 247-257.
226. Hymes, D. H. *Functions of speech: An evolutionary approach. // Anthropology and education*. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 1961. – P. 310-318.
227. Jacobson R. *Linguistics and Poetics // Style in Language*. – New York: John Wiley & Sons, 1960. – P. 350-377.
228. Johnson C. *Business English State-of-the-Art Article // Language Teaching*. – 1993. – Vol. 26. – P. 201-209.
229. Joos M. *The Five Clocks: A Linguistic Excursion into the Five Styles of English Usage*. – New York: Harcourt, 1967. – 102 p.
230. Kimble J. *Plain English: A Charter for Clear Writing (Part Three) // Michigan Bar Journal*. – 1992. – Vol 71. – P. 1302-1307.
231. Kjaer A. L. *Context-conditioned word combinations in Legal English // Terminology and Science and Research*. – 1990. – Vol. 1 (1-2). – P. 21-32.
232. Koester A. *Workplace Discourse*. – London: Continuum. 2010. – 191 p.
233. Kress G. *Reading Images: The grammar of visual design*. – London & New York: Routledge, 2006. – 291 p.

234. Labov W. The social stratification of English in New-York city. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 485 p.
235. Lampi M. Linguistic Components of Strategy in Business Negotiations. – Helsinki: Helsinki School of Economics, 1986. – 239 p.
236. Mascull B. Business Vocabulary in Use. Advanced. – Cambridge: University Printing House, 2017. – 176 p.
237. Mathesius V. Řeč a sloh // Slovo a slovesnost. – Praha: Československý spisovatel, 1966. – 100 p.
238. Mattila Heikki E. S. Comparative Legal Linguistics / Translated by Ch. Goddard. – Hampshire: Ashgate Publishing Company, 2006. – 347 p.
239. Melinkoff D. The Language of the Law. – New-York: Little, Brown and Company, 2004. – 526 p.
240. Michta T., Mroczynska K. Towards a Dictionary of Legal English Collocations. – Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego, 2022. – 216 p.
241. Milic L. T. Style and stylistics: An analytical bibliography. – London: Collier-Macmillan, 1967. – 199 p.
242. Nazarova T. B. Special Phraseology in Business English Vocabulary: Forms and Functions // Journal of Siberian University. Humanities & Social Sciences. – 2022. – Vol. 15(12). – P. 1908-1917.
243. Nelson M. A Corpus-based Study of the Lexis of Business English and Business English Materials. Unpublished PhD Thesis. Manchester: University of Manchester. Режим доступа: <https://businessenglishes.com/a-corpus-based-study-of-the-lexis-of-business-english-and-business-english-materials/> (дата обращения: 20.01.2024).
244. Nesselhauf N. Collocations in a Learner Corpus. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004. – 381 p.
245. Nickerson C. English as a lingua franca in international business contexts // English for Specific Purposes. – 2005. – Vol. 24(4). – P. 367-380.

246. Northcott J. *Legal English: Past, Present and Future* // *The Handbook of English for Specific Purposes* / Ed. S. Starfield, Ch. A. Hafner. – New Jersey: John Wiley & Sons. 2025. – P. 323-342.
247. Pannengpetch E. S., Wannawattawong R., Khamwijit N. Chinese aesthetic characteristics, artistic performance, and modern significance of literary language // *Journal on global socio-economic dynamics*. – 2024. – Iss. 3(46). – P. 437-446.
248. Pickett D. *The Sleeping Giant: Investigations in Business English* // *Language International*. – 1989. – Vol. 1-1. – P. 5-11.
249. Popsecu T., Bocos M. *The Business Lexis: Issues for Teachers and Researchers* // *Stylistyca*. – 2008. – P. 335-345.
250. Quirk R., Stein G. *English in Use* / R. Quirk, G. Stein. – Harlow: Longman, 1990. – 258 p.
251. Reisig Ch. K. *Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft*. – Leipzig: Lehnold, 1839. – 885 p.
252. Riera C. *Plain English in Legal Language: A Comparative Study of Two UK Acts of Parliament* // *Alicante Journal of English Studies*. – 2015. – №28 – P. 147-163.
253. Riley A. *The Meaning of Words in English Legal Texts: The Vocabulary of the Law – a Legal Task* // *The Law Teacher*. – 1996. – Vol. 30:1. – P. 68-73.
254. Roelcke T. *Zur Gliederung von Fachsprache und Fachkommunikation* // *Fachsprache*. – 2014. – Vol. 36(304). – P. 154-178.
255. Sarcevic S. *New approach to Legal Translation*. – The Hague: Kluwer Law International, 2000. – 300 p.
256. Sinclair J. *Corpus, Concordance, Collocation*. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – 179 p.
257. Sukman K., Triwarwaranon W., Munkongdee T., Chumnymnawin N. *A Corpus-Based Study of Lexical Collocations of Keywords Found in Online Business News Articles* // *European Journal of English Language Teaching*. – 2022. – Vol. 7(3). – P. 59-72.
258. Talbot F. *How to Write Effective Business English*. – London & Philadelphia: Kogan Page Limited, 2009. – 133 p.

259. Tangpijaikul M. Preparing Business Vocabulary for the ESP Classroom // *RELC Journal*. – 2014. – Vol. 45(1). – P. 51-65.
260. Tardy C. M. *Genre Analysis // The Continuum Companion to Discourse Analysis* / Ed. Hyland, Paltridge. – London: Continuum, 2011. – P. 54-86.
261. Thoma D. Strategic Attention in Language Testing: Metacognition in a Yes/No Business English Vocabulary Test. – Berne: Peterlang, 2011. – 482 p.
262. Tiersma P. M. *Legal Language*. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 314 p.
263. Tiersma P. A History of the Languages of Law the Oxford Handbook of Language and Law / Ed. by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 13-26.
264. Trosborg A. *Text Typology and Translation*. – The Netherlands: John Benjamins Publishing Co, 1997. – 345 p.
265. Travnicek F. *O jazykovem slohu*, – Praha: Státní pedagogické nakl., 1953. – 69 p.
266. Ullmann St. *Style and Language*. – Oxford: B. Blackwell, 1964. – 270 p.
267. Vinay J. P., Darbelnet J. *Stylistique Comparée Du Français Et De L'anglais* / J. P. Vinay, J. Darbelnet. – Montreal: Beauchemin, 1966. – 331 p.
268. Volkova L., Lanko A., Romanov V. On Capturing Functional Style of Texts with Part-of-speech Trigrams // *Creativity in Intelligent Technologies and Data Science*
269. Walzel O. *Das Wortkunstwerk: mittelseiner Erforschung*. – Leipzig: Verlag Quelle & Meyer, 1926. – 349 p.
270. Williams Ch. *The Impact of Plain Language on Legal English in the United Kingdom*. – New York: Routledge, 2023. – 206 p.
271. Williams Ch. *Tradition and Change in Legal English: verbal constructions in prescriptive texts*. – 2nd rev. ed. // *Linguistic Insights. Studies in Language and Communication* – Bern: Peter Lang. – 2007. – Vol. 20. – 216 p.
272. W. K. Wimsatt, Jr. *Style as meaning // Essays on the Language of Literature*. – 1967. – P. 362-373.

273. Wójcicka M. Styl jako praktyka i forma pamięci zbiorowej // Maria Curie-Skłodowska University. – 2015. – Vol. 2, Iss. 1. – P. 29-42.

274. Yamada H. Topic management and turn distribution in business meetings: American versus Japanese strategies // Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse. – 1990. – Vol. 10(3) – P. 271-295.

275. Zhang Z. Business English // The Handbook of English for Specific Purposes / Ed. S. Starfield, Ch. A. Hafner. – New Jersey: John Wiley & Sons. 2025. – P. 305-322.

Нормативные акты и материал исследования

276. ГОСТ 6.38-72. «Унифицированные системы документации. Система организационно-распорядительной документации. Основные положения». М., 1972. 4 с. (Система стандартов по информ., библи. и изд. Делу).

277. ГОСТ Р 7.0.97-2016. «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов». М., 2016 – 32 с.

278. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Постановление от 12 марта 1997 г. №1210-П ГД «О шагах по структурной реорганизации Правительства Российской Федерации, предпринимаемых Президентом Российской Федерации».

279. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 н.].

280. Консультант плюс. «Концепция системы классификации правовых актов». Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/about/nc/class/concept/> (дата обращения: 20.01.2024)

281. Федеральный закон «О бухгалтерском учёте»: Принят Государственной Думой 22 ноября 2011 года: Одобрен Советом Федерации 29 ноября 2011 года.

282. Федеральный закон от 18.07.2011 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных

законов, актов палат федерального собрания» // СЗ РФ. – 2011. - №30 (ч.1). – Ст. 4571.

283. Appropriation of resources authorized for use for year 2024-25 [Supply and Appropriation (Main Estimates) Act 2024], Acts of Parliament (UK) 2024. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/23/2024-07-30> (дата обращения: 20.01.2024).

284. Bylaws of Microsoft Corporation. Режим доступа: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/789019/000119312508201369/dex32.htm> (дата обращения: 20.01.2024).

285. Consular and Crisis (achieved). Annual Report & Accounts 2019-2020, 2020. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5f1a958cd3bf7f596d94f927/FCO1413_FCO_Annual_Report_2019_-_accessible.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

286. Continuation of Time Periods [Agreement Establishing an Association between the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Central America] Presented to Parliament by the Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs by Command of Her Majesty. Режим доступа: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/6062/> (дата обращения: 20.01.2024).

287. Corporate. Bylaws of USA Swimming. Режим доступа: https://websitedevsa.blob.core.windows.net/sitefinity/docs/default-source/governance/governance-lsc-website/bylaws/corporate-bylaws.pdf?sfvrsn=c4f60832_42 (дата обращения: 20.01.2024).

288. Country Reports on Human Rights Practices: United Kingdom 2021. Режим доступа: <https://www.state.gov/reports/2021-country-reports-on-human-rights-practices/united-kingdom/> (дата обращения: 20.01.2024).

289. Judgement. A (Appellant) v Essex County Council (Respondent). Режим доступа: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2009-0065> (дата обращения: 20.01.2024).

290. ...leading many foreign central banks to continue tightening monetary policy. [Monetary Policy Report, March 2023]. Режим доступа: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/2023-03-mpr-part1.htm> (дата обращения: 20.01.2024).

291. Legislation.gov.uk. Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 20.01.2024).

292. Monetary Policy Report [The FED]. Режим доступа: https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/publications/mpr_default.htm (дата обращения: 20.01.2024).

293. Nominations and Other Business at Special Meetings [Amended and Restated Bylaws of Amazon.com, INC. 2020]. Режим доступа: <https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1018724/000101872420000015/amzn-20200529hex32.htm> (дата обращения: 20.01.2024).

294. Our Companies Role [Annual Report and Accounts] 2020. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/companies-house-business-plan-2023-to-2024/companies-house-business-plan-2023-to-2024> (дата обращения: 20.01.2024).

295. Personal Performance [Annual Report and Accounts] 2024. Режим доступа: <https://www.shell.com/investors/results-and-reporting/annual-report.html> (дата обращения: 20.01.2024).

296. Plain Writing Act of 2010. Public Law 111-274 Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-111publ274> (дата обращения: 20.01.2024).

297. Purpose [Addressing Egregious Actions of the Republic of South Africa] 2025. Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2025/02/12/2025-02630/addressing-egregious-actions-of-the-republic-of-south-africa> (дата обращения: 20.01.2024).

298. Tax Law Rewrite Project. Режим доступа: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7e0300e5274a2e8ab45439/report104.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

299. Unfair Terms in Consumer Contracts. Режим доступа: https://commission.europa.eu/law/law-topic/consumer-protection-law/consumer-contract-law/unfair-contract-terms-directive_en (дата обращения: 20.01.2024).

300. Worker Rights. Freedom of Association and the Right to Collective Bargaining. [Country Reports on Human Rights Practices: United Kingdom] 2022. Режим доступа: <https://www.state.gov/reports/2022-country-reports-on-human-rights-practices/united-kingdom/> (дата обращения: 20.01.2024).

Языковые корпусы и словарные издания

301. Blackwell A. H. The Essential Law Dictionary. – Illinois: Sphinx Publishing, 2008. – 555 p.

302. British National Corpus. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 20.01.2024).

303. Collins Dictionary. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 20.01.2024).

304. Corpus of Contemporary American English. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 20.01.2024).

305. Merriam-Webster Dictionary. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 20.01.2024).

306. Oxford Learner's Dictionary. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.01.2024).